

# Святитель Иоанн Златоуст

## Беседы на послание к Ефесянам святитель Иоанн Златоуст

Беседа [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#) [19](#) [20](#) [21](#)  
[22](#) [23](#) [24](#)

Предисловие к посланию к Ефесянам

Эфес – главный город (Малой) Азии. Он был посвящен Артемиде, где она и пользовалась особенным уважением, как высшая богиня. И благоговение пред ней её почитателей было так велико, что они не хотели обнаружить имени того, кто сжег храм её; а он был сожжен. Здесь долгое время жил блаженный Иоанн Евангелист, который сюда был сослан (в заточение), здесь и скончался. Апостол Павел здесь оставил, после себя, Тимофея, о чем он говорит в послании к нему: «я просил тебя пребыть в Ефесе» (1Тим.1:3). Здесь были и многие философы, особенно из славившихся в Азии. Говорят, что здесь был и Пифагор, потому что Самос, откуда он происходил, был остров Ионийский. Тоже можно сказать о Пармениде, Зеноне и Демокрите; да и теперь ещё можно найти там многих философов. Об этом мы замечаем не без цели, но чтобы показать, что много нужно было (апостолу) Павлу тщания, когда он писал к ним (ефесянам) своё послание. Говорят, что он, когда ещё (изустно) оглашал их, уже доверил им глубочайшие истины (веры). По крайней мере, само послание исполнено возвышенных созерцаний и догматов. Писано оно из Рима, где (Павел) находился в узах, как он и сам говорит: «молитесь... обо мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах» (Еф.6:18–20). Оно исполнено весьма возвышенных и необъятных созерцаний; в нем он объясняет то, о чем почти нигде не говорил, например, когда говорит: «дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная

премудрость Божия» (Еф.3:10); и в другом месте: «и воскреси с Ним, и посади на небесах ...нас» (Еф.2:5–6); и еще: «которая не была возведена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе» (Еф.3:5–6).

## Беседа 1

Еф.1:1–2. Павел, волею Божиею (διὰ θελήματος θεοῦ) Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Что требуется для святости. – Благодать – источник благодати.

1. Вот, (апостол) и к (Богу) Отцу прилагает: διὰ (через). Что же? Назовем ли мы Его меньшим? Нисколько. "святым, – пишет он, – находящимся в Ефесе и верным во Христе Иисусе». Вот, святыми называет мужей, которые имеют и детей, и жен, и слуг. А что он их понимает здесь, видно из конца послания, где он говорит: «Жены, повинуйтесь своим мужьям» (Еф.5:22), и в другом месте: «Дети, повинуйтесь своим родителям» (Еф.6:1), и еще: «Рабы, повинуйтесь господам своим» (Еф.6:5). Подумаем же, какая теперь царит беспечность, как сильно ослабела ревность к добродетели, и как было много добродетельных тогда, если и миряне назывались святыми и верными! «Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа». Сказал о благодати и призвал Бога Отца, потому что это (призывание) есть знак (преподания) благодати. Каким образом? Послушай, что он говорит в другом месте: «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» (Гал.4:6). «И Господа Иисуса Христа», – потому что для нас Христос родился и явился во плоти. «Благословен, – пишет он, – Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа». Вот, Он – Бог воплотившегося, или иначе: Отец Бога Слова. «Благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах» (Еф.1:3). (Апостол) намекает здесь на благословение Иудеев, потому что и это – благословение, но не духовное. Что в самом деле было сказано им? «Благословит тебя Бог ...благословит плод чрева твоего» (Втор.7:13), и благословит вход твой и исход твой. Здесь же не так. Как же? «Всяким духовным благословением». Чего же еще тебе недостает? Ты стал бессмертным, свободным, сыном,

праведным, братом, сонаследником; будешь вместе царствовать, вместе прославишься; все тебе даровано: "как с Ним, – говорит, – не дарует нам и всего?"» (Рим. 8:32). Величие твое прославляется ангелами, херувимами и серафимами. Чего еще недостает? «Всяким духовным благословением»: о телесном здесь (не говорится) ничего. Напротив, для того, чтобы отклонить от всего телесного, и направить нас к духовному, (еще Спаситель) говорил: «В мире будете иметь скорбь» (Иоан. 16:33). Как владеющие телесным не могут слышать о духовном, так точно ищущие духовного не могут его достигнуть, пока наперед не оставят телесного.

Что значит: «духовным благословением в небесах»? Значит то, что не земные (обещаются им блага), как иудеям (которым обещано было), что благая земли снесут, что наследят землю, кипящую медом и молоком, и что благословит Бог землю их (Ис. 1:19; Исх. 33:3; Пс. 84:13; Втор. 15:4). Здесь (не обещается) ничего такого. Что же? «кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Я и Отец придем к нему и обитель у него сотворим» (Иоан. 14:23). «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне» (Мф. 7:24–25). Что другое означает этот камень, как не небесные предметы, не подлежащие никакому изменению? «Итак всякого, – говорит (Спаситель), – кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; и кто отречется от Меня... отрекусь от того и Я» (Мф. 10:32–33); и в другом месте: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»; и еще: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»; и опять: «Блаженны изгнанные за правду, ...ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5:8, 3, 10, 12). Видишь ли, везде небеса, и нигде ни земли, ни того, что на земле? И опять: «Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа» (Фил. 3:20); и еще: «о горнем помышляйте, а не о земном» (Кол. 3:2). «Об Иисусе Христе», т. е. чрез Христа Иисуса, а не чрез Моисея это благословение; а потому не только качеством,

но и посредником (благословения) мы превосходим иудеев, о чем он говорит и в послании к Евреям: «И Моисей верен во всем доме Его, как слуга, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; а Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы» (Евр. 3:5–6). "так как, – говорит, – Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним» (Еф. 1:4). Слова эти значат: чрез кого Он благословил нас, чрез того и избрал. Итак, сам Он здесь дарует нам все это; сам будет судьей и скажет: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25:34); и в другом месте: «хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Иоан. 17:24).

2. И во всех почти посланиях (апостол) старается показать, что не новость какая-нибудь сделанное для нас; но что издревле так было предызображено, и не по причине изменения намерения (Божьего это случилось), но так именно было предустроено и предопределено. И это – дело великого попечения (Божьего). Что значит: «избрал в Нем»? Значит – Христос чрез веру в Него совершил это прежде, чем мы родились, или лучше – прежде, чем мир сложен. И прекрасно назвал (апостол сотворение мира) сложением (καταβολή – низвержение с высоты), показывая этим, что мир как бы низвержен с какой-то великой высоты. Подлинно, велика и неизреченна высота Божья, – не в отношении к месту, но в отношении к безграничности природы (Божественной), – и велико расстояние между тварью и Творцом. Да посрамятся еретики, слыша это! Для чего избрал? Для того, чтобы быть нам святыми и непорочными пред Ним. А чтобы ты, услышав, что Он избрал, не подумал, что достаточно одной веры, (апостол) указывает и на жизнь: для того, говорит он, избрал нас, и на то, чтобы мы были святы и непорочны. Избрал Он некогда и иудеев. Каким образом? Народ этот, сказано, избрал Я из народов (Втор. 7:6, 14:2). Если же люди, при выборе, избирают лучшее, то тем более Бог.

И избрание служит свидетельством, с одной стороны, человеколюбия Божьего, с другой – добродетели избранных. Без сомнения, Он избрал тех, которые заслуживают этого; Он

сделал нас святыми, но нужно, чтобы и мы были достойны быть святыми. Свят всякий, приобщающийся вере; непорочен же тот, кто проводит жизнь непорочно. И не простой святости, не простой непорочности Он требует, а такой, которая бы и пред Ним показалась именно такой. Есть ведь святые и непорочные, почитаемые за таковых людьми, на самом же деле уподобляющиеся гробам поваленным, или (волкам) ходящим в одежде овечьей. Но не таковых Он избирает, а тех, о которых говорит пророк: «и по чистоте рук моих» (Пс. 17:25). Какой (святости Он ищет)? Святости «пред очами Его», т. е. такой, которую видит око Божье. Сказав о добродетелях их (избираемых), потом опять переходит к благодати и говорит: «в любви предопределив усыновить нас» (Еф. 1:4–5), потому что не за добрые только дела бывает это (избрание), но по любви (к нам), и не по одной любви, но и за нашу добродетель. Если бы достаточно было одной любви, тогда все должны были бы быть спасены; если же с другой стороны достаточно нашей добродетели, то излишне было бы явление Его (Сына Божьего) в мире и (излишне было бы) все домостроительство Его. Итак, это делается и не по одной любви и не за нашу только добродетель, но под условием той и другой вместе. «Избрал нас», – говорит (апостол); избирающий же знает, что Он избирает. "в любви, – говорит, – предопределив усыновить нас». Не будь любви (Божьей), добродетель никого бы не спасла. Скажи мне: много ли бы пользы получил Павел, много ли бы он совершил, если бы не был призван свыше, и если бы Возлюбивший его не привлек его к Себе? Или, другими словами: дарование столь великих благ есть плод любви (Божьей к нам), а не нашей (только) добродетели. Быть добродетельным, веровать и приближаться (к Богу) – это хоть дело и Призвавшего, но, однако, и наше. А приблизившихся удостоить стольких почестей, чтобы из состояния вражды перевести их в состояние усыновления, – это подлинно дело преизобилующей любви. "В любви, – говорит, – предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа» (Еф. 1:4–5). Замечаешь ли, как ничего – без Христа и ничего – без Отца? Этот преднарек, Тот приводит. И это он утверждает, возвышая

бывшее, как и в другом месте говорит: «И не довольно сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 5:11). Великие, конечно, дарованы блага, но они становятся гораздо многоценнее вследствие того, что дарованы чрез Христа, потому что к нам – рабам Бог послал не кого-нибудь из рабов, но своего Единородного. «По благоволению, – говорит, – воли Своей» (Еф.1:5) (κατά την εὐδοκίαν τοῦ θελήματος αὐτοῦ), т. е. потому, что имел сильное желание, или – если угодно – потому, что это составляло Его главное стремление. Εὐδοχία (благоволение) везде означает главное желание (основу других желаний). Есть и другие желания, – первое, напр., чтобы не погибли грешники; второе, чтобы сделавшиеся грешниками погибли, потому что мучиться будут они не по необходимости, а по воле (Божьей). Это можно видеть и у Павла, напр., когда он говорит: «Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я» (1Кор. 7:7); и в другом месте: «я желаю, чтобы молодые вступали в брак, рождали детей» (1Тим. 5:14). Таким образом, под ὑδοχία он понимает первое желание, сильное желание, желание с вожделением, повадку. Я не откажусь употребить, даже вульгарное выражение, лишь бы уяснить это для простецов; так мы, означая непреодолимое желание, говорим – κατά τό πείσμα ἡμῶν (по нашей повадке). Таким образом, сказанное (т. е. по благоволению хотения своего) значит, что Он сильно желает, сильно хочет нашего спасения.

Для чего Он так любит нас, и где источник такой любви? (Источник) – единственно Его благодать, потому что благодать от благодати. Потому-то Он и предопределил нас во усыновление, желая и сильно желая, чтобы тем явить славу благодати Своей. «По благоволению, – пишет он, – воли Своей в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном» (Еф.1:5–6), т. е. чтобы показать славу благодати Своей, которою Он сделал нас любезными Себе в Возлюбленном.

3. Итак, если Он «облагодатствовал ...в похвалу славы благодати Своей», чтобы, т. е. проявить благодать Свою, то и мы постараемся пребыть в ней. «В похвалу славы». Что это значит? То ли, чтобы кто восхвалял Его? Чтобы кто

прославлял? Мы, ангелы, архангелы и вся тварь? Что же это? Нет! Божество ни в чем не нуждается. Итак, для чего же Он желает, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того, чтобы чрез это сделать теплее нашу любовь к Нему. Не требует Он от нас ни служения, ни прославления, ничего другого; Он желает одного – спасения нашего, и все делает для этого. В самом деле, славословящий и благоговеющий пред благодатью, явленной в Нем, будет внимательнее и рачительнее (к своему спасению). «Которую Он облагодатствовал нас», – не сказал: (благодать) которую даром дал (ἐχαρίσατο), но – которую облагодатил нас (ἐχαρίτωσεν ἡμᾶς), т. е. не только от грехов избавил, но и сделал любезными Себе. Представим себе: если бы кто, взявши чесоточного, покрытого язвами, удрученного болезнью, старостью, бедностью и голодом, вдруг преобразил его в благообразного юношу, красота которого привлекала бы к себе всех людей, щеки сияли бы, взоры, при каждом мановении, бросали бы солнечные лучи; потом, если бы оставил его навсегда в этом цветущем возрасте, а сверх того, облек его в багряницу, в диадему и во все царские украшения: вот так именно и преобразил (Бог) нашу душу, сделав ее и красивой, и привлекательной, и любезной, так что на такую душу желают взирать ангелы, архангелы и все другие (небесные) силы.

Так Он сделал нас любезными и вожделенными Себе: «И возжелает, – сказано, – Царь красоты твоей» (Пс. 44:12). Заметь, какие горькие (речи) мы прежде высказывали, и какие благодатные теперь говорим! Мы дивимся не (земным) сокровищам, не тому, что здесь, а небесным, тому, что на небесах. О дитяти, которое, при красоте лица, умеет еще приятно говорить, не говорим ли мы: какой это милый ребенок! Таковы именно верные. Послушай, какие речи они говорят, когда приобщаются таинств. Что может быть вожделеннее тех уст, которые, произнося дивные речи, с великим блеском и дерзновением, с чистым сердцем и нескверными (губами) приобщаются таинственной трапезы? Что вожделеннее тех слов, которыми мы отрицаемся дьявола и сочетаемся Христу, того исповедания – пред купелью и после купели? Подумаем

же, как многие растлили (благодать) крещения, и в покаянии вздохнем, чтобы нам опять воспринять ее. «В Возлюбленном, – говорит, – в Котором мы имеем искупление Кровью Его» (Еф.1:6–7). Не то только здесь удивительно, что предал Сына Своего, но и то, что Возлюбленный был заклан. Великое преизобилие (любви)! Предал Возлюбленного за ненавистных. Смотри, как Он ценит нас! Если же, когда мы Его ненавидели и были врагами, Он предал Возлюбленного, то чего же Он не сделает, когда мы удостоимся, чрез благодать, примирения с Ним? «Прощение грехов», – говорит (апостол). От высшего нисходит к низшему. Сказав наперед об усыновлении, святости и непорочности, потом уже говорит о страдании, не уменьшая и не низводя речи от предметов важных к малым, а от малых восходя к великим. В самом деле, нет ничего столько великого, как пролитие за нас крови Божьей; что Бог Сына Своего не пощадил, это важнее и усыновления и других даров. Великое, бесспорно, дело – отпущение грехов, но оно становится еще больше, когда совершается кровью Владычной. А что это далеко выше всего, смотри, как сильно выражается здесь (Павел), говоря: «по богатству благодати Его, каковую Он в преизбытке даровал нам» (Еф.1:7–8). И то богатство, но это гораздо большее. «Каковую Он в преизбытке даровал, – говорит, – нам». Богатство было, и Он его еще преумножил, т. е. излил неизреченно (обильно). Невозможно словом представить, что сделано для нас. Нам (даровано) богатство, богатство необъятное, богатство не человеческое, но божественное, так что слово совершенно бессильно выразить его. Желая же показать, как даровал (благодать) в преизобилии, прибавляет: «во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли» (Еф.1:8–9), т. е., Он сделал нас мудрыми и разумными истинной мудростью и истинным разумом.

4. О, какая любовь! Сказал нам тайны Свои – «Своей воли», или, говоря другими словами, открыл нам то, что у Него в сердце. Такая тайна, в самом деле, исполнена всякой мудрости и разума. Что назовешь ты равным такой мудрости? Нас, ничего нестоящих, Он взыскал, чтобы возвести в богатство. Что сравнится с такой изобретательностью? Тот, кто был врагом,

(существом) мерзким, вдруг возводится горе. И не в этом только премудрость, но и в том, что совершается в такое время, и в том, что чрез крест. Долго нужно объяснять, сколько явлено в этом премудрости и как Он чрез это снова сделал нас мудрыми. «По Своему благоволению, – продолжает (апостол), – которое Он прежде положил в Нем» (Еф.1:9), т. е. это было сильное и сердечное желание Его – как-нибудь сказать нам тайну (воли Своей). Какую же? Ту, что Он желает человека посадить горе. Это (желание) исполнено. «в устроении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф.1:10). Небесное и земное были отторгнуты одно от другого и не имели одной главы. В отношении творения был один Бог, а в отношении объединения этого не было, потому что, когда разлилась языческая прелесть, люди отторглись от повиновения. «В устроении, – пишет, – полноты времен». Исполнением времен он назвал самое (домостроительство). Заметь, как отчетливо он выражается. Показывая, что начало (спасения нашего), предложение, желание и первое стремление – в Отце, а исполнение его на деле – чрез Сына, он нигде, однако же, не называет Его (Сына) слугой. "Избрал, – говорит, – нас в Нем прежде создания мира, ...предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа ...в похвалу славы благодати Своей, ...в Котором мы имеем искупление Кровью Его, ...которое Он прежде положил в Нем, в устроении полноты времен, дабы все ...соединить под главою Христом» (Еф.1:4–7, 9–10), – и нигде не назвал Его слугой. Если скажешь, что частицы εν (в), δια (чрез) указывают на (звание) слуги, то заметь, как они здесь употребляются. В самом начале послания (апостол) сказал: «Волею Отца» (δια τοῦ θελήματος τοῦ Πατρός). Отец, говорит, восхотел, Сын (хотение) исполнил. Здесь нет того, чтобы Сын лишен был действия, потому что Отец восхотел, или чтобы Отец лишен был хотения, потому что Сын действовал; у Отца и Сына все общее. «И все Мое Твое, и Твое Мое», – говорит (Сын) (Иоан. 17:10). Исполнением времен было Его пришествие.

Итак, когда Он все сделал чрез ангелов, пророков и закон, и нисколько не успел, напротив находился еще в опасности

(раскаяться), что напрасно сотворил человека, что напрасно привел (к бытию) того, кто слишком (имел) преуспевать во зле; когда все без разбору погибали и погибали в большем количестве, чем при потопе, тогда Он нашел домостроительство посредством благодати, так что (оказалось) Он не безрассудно и не напрасно сотворил его. Это исполнение времен он называет и премудростью. Почему? Потому, что люди тогда были спасены, когда всего больше они могли погибать. Возглавить, пишет. Что это значит: возглавить (ἀνακεφαλαίωσασθαι)? Значит: соединить. Впрочем постараемся быть, как можно, ближе к самой истине. У нас оглавлением (ἀνακεφαλαίωσις) обыкновенно называется представление в кратких выражениях того, о чем надобно говорить долгое время, или сокращенное изложение всего, о чем было говорено пространно. Итак, слово это может значить и следующее: устраиваемое столь долгое время домостроительство (нашего спасения) возглавил в Себе, т.е. сократил, или, говоря кратко, – с соблюдением впрочем истины, – и то обнял и новое присоединил. Вот, что значит оглавление! Но есть нечто и другое, что также означает (этим словом). Что же это? В Христе по плоти Бог положил одну главу для всех, для ангелов и людей, т. е. одно дал (верховное) начало и ангелам и людям, одним – (Христа) по плоти, другим – Бога Слова. Как если бы кто сказал о доме, что одно в нем гнило, другое крепко, и возобновил бы дом, т. е. сделал бы крепче, подложив более крепкое основание, так и здесь всех привел под одну главу. Тогда только и возможно единение, тогда только и будет этот совершенный союз, когда все, имея некоторую необходимую связь горе, будет приведено под одну главу. Итак, сподобившись такого дара, такой чести, такого человеколюбия, не посрамям Благодетеля, не сделаем тщетной такую благодать, покажем ангельское житие, ангельскую добродетель и образец жизни. Я прошу и молю о том, чтобы все это не было нам в суд и осуждение, но в получение благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и (честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

## Беседа 2

Еф.1:11–14. В Нем мы и сделали наследниками, быв предназначены *к тому* по определению Совершающего все по изволению воли Своей, дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нем и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела *Его*, в похвалу славы Его.

Почему проповедь называется благовествованием спасения. – Грех не есть дело необходимости. – Добродетель согласна с природой, а порок противоположен природе. – Клятвы не нужны. – Лихоимство бесполезно.

1. Павел везде, сколько мог, старался показать неизреченное человеколюбие к нам Божие. Что он не в состоянии был показать во всей полноте, об этом послушай, как сам он говорит: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11:33)! Впрочем, сколько мог, показывает. Что же говорит он? «В Нем мы и сделали наследниками, быв предназначены *к тому*». Выше сказал: «Избрал нас»; здесь же говорит: «сделались наследниками» (ἐχληρώθημεν от χληρώω получаю наследство по жребию). Но так как жребий есть дело случая, а не свободной воли или заслуг, не может быть предусмотрен и зависит от стечения обстоятельств, так что нередко не достаиваются его и люди добродетельные, напротив люди, не заслуживающие никакого внимания, выводятся на сцену, – то заметь, как (апостол) дополняет это: «быв предназначены *к тому*», – говорит, – по определению Совершающего», т. е. не просто мы «сделались наследниками», как не просто и избрал Он нас. Так как избравший есть Бог, то не случаю, значит, обязаны мы избранием; так как сотворивший нас наследниками – Бог, то, значит, (не случайно) мы получили наследство, а по прозрению. И в послании к Римлянам, рассуждая об этом, он говорит: «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил... А кого

Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» (Рим. 8:29–30). Сказавши прежде о том, что есть званые по предуведению, и между тем желая относительно других показать нечто большее, он говорит также и о наследстве по жребию, чтобы не отнять (от Бога) самовластия. Таким образом, он утверждает то, что в особенности доставляет блаженство: ведь наследство по жребию не есть (награда) за добродетель, а, так сказать, дело случая, – как если бы кто-нибудь сказал: Он избрал нас, бросивши жребий. В самом же деле здесь все сделано преднамеренно, т. е., избрав пред нареченных (по прозрению), Он отделил их Себе самому, потому что Он усмотрел нас прежде, чем сделал наследниками. Изумительно божественное предвидение, усматривающее все прежде исполнения! Кроме того, обрати внимание и на то, как (апостол) везде старается объяснить, что все эти дела (устроились) не по причине раскаяния, но что так именно они были предопределены издревле, и что все совершено Им согласно с этим (предопределением), так что мы, в этом случае, ничем не меньше иудеев. Но как же, скажешь, сам Христос говорит: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24); и еще апостолам Он говорил: «на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите» (Мф. 10:5); и сам Павел опять говорил: «вам первым надлежало быть проповедану слову Божьему, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46)? Все это сказано для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что это сделано в виде ненужной прибавки. «По определению, – говорит, – Совершающего все по изволению воли Своей» (Еф. 1:11), т. е. Он все предопределил искони, и кроме этого не сделал ничего. Таким образом, Он действовал до конца по совету воли Своей. И значит, Он призвал язычников вовсе не потому, что иудеи не послушались Его; Он не был к этому приведен или вынужден последними. «Дабы послужить, – говорит, – к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нем», т. е. через Него, «и вы, услышав слово истины, благовествование вашего

спасения» (Еф.1:12–13). Заметь: везде он представляет Христа истинным виновником всего, и нигде не называет Его подчиненным или слугой. Подобно этому, он и в другом месте говорит, именно в послании к Евреям: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евр.1:1–2), т. е. чрез Сына. «Слово истины», – говорит, но не (слово) образа или подобия.

«Благовествование вашего спасения». И хорошо называет это благовествование (благовествованием) спасения нашего, указывая этим с одной стороны на закон, с другой на будущее наказание. Что в самом деле другое означает проповедь, как не благовествование спасения, т. е. что достойных гибели Он уже не погубляет? «И уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего». Опять великое промышление показывает это запечатление, – не отделение, не наследие только, но именно – запечатление. Как если бы кто доставшихся ему по жребию отметил (известным знаком), чтобы после узнавать их, так точно и Бог отделил для принятия веры в Него, и запечатлел в наследие будущих (благ).

2. Видишь ли, как (Бог) с течением времени делает их дивными? Доколь они были только в предвидении, до тех пор никому не были известны; а когда получили запечатление, сделались известными, но не как мы, потому что они будут известны, выключая немногих. Получали запечатление и израильтяне, но чрез обрезание, подобно скотам и бессловесным; запечатлены и мы, но как сыны, Духом. Что значит: «обетованным Святым Духом»? Значит, что мы приняли Его по обетованию. Обетований было два: одно – чрез пророков, другое – от Сына. (Я сказал): чрез пророков; послушай, что говорит Иоиль: «Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (Иоил. 2:28). Послушай затем, что и Христос говорит: «примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже

до края земли» (Деян. 1:8). Хотя следовало верить Ему, как Богу, но Он на этом очень не настаивает, а производит исследование, как бы (он говорил) о человеке. Как в послании к Евреям он говорит: «Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы» (Евр.6:18), так и здесь то, что уже было даровано, представляет в доказательство исполнения обетования о будущих (благах). Потому то он и называет (Духа Святого) "залогом" (залогом нашего спасения). Залог бывает обеспечением для всего. Он купил нам наше спасение, и пока дал только залог. Почему же не даровал всего тотчас же? Потому что мы, с своей стороны, еще не исполнили всего. Мы уверовали, это лишь начало, и Он даровал залог. А когда веру покажем в делах, тогда представит нам и все. Он отличил нас и другим образом, даровав нам собственную кровь, и обещал еще другую честь. Как во время войны народы дают друг другу заложников, так точно Бог даровал нам Своего Сына – залог мира и примирения, и из Него (τό ἐξ αὐτοῦ) Святого Духа. Приобщившиеся (благодати) Духа, без сомнения, знают, что это залог наследия нашего. Таков был Павел, который здесь еще предвкушал то, что там (т. е. на небе), который стремился и желал оставить здешний мир, и вздыхал, потому что он, весь ум свой переселив туда, смотрел уже другими глазами. Ты не оправдываешь (веры) делами, – этим сам себя исключаешь из слов (обетований). Если бы мы все приобщились Духа, как следует приобщиться, то и небо узрели бы и свое будущее там состояние. "Залог" чего? «Искупления удела» (Еф.1:14). Совершенное избавление совершится в будущей жизни, потому что теперь мы живем среди мира и много человеческого привходит в нас, и с нечестивыми обращаемся. Когда же не будет ни грехов, ни человеческих страстей, когда мы не будем вперемешку со всеми (нечестивые вместе со святыми), – тогда уже наступит совершенное избавление; а теперь (дан только) залог.

Впрочем, нам и теперь должно удаляться земного, потому что наше отечество не на земле; и теперь мы должны быть свободны от того, что здесь, потому что мы еще странники. «К похвале славы Его», – это он постоянно повторяет; для чего

же? Для того чтобы вполне убедить слушателей. Если бы Он искупил нас для нас же, как бы так говорит (апостол), то искупление наше не было бы еще несомненно. Если же Он сделал это для Себя, т. е., чтобы показать Свою благодать, то это служит уже основанием, или как бы ручательством, что обещанное так и случится, как обещано. Мы видим, что и у израильтян часто встречаются подобные выражения: «Со мною же ...твори ради имени Твоего» (Пс. 108:21). В другом месте сам Бог говорит: «Ради Себя Самого делаю это» (Ис. 48:11). И Моисей (взывает): «Сотвори ради Твоего имени», если не ради чего другого. Итак он самым действительным образом убеждает и обнадеживает слушателей, научая их, что (Бог) ради Своей собственной благодати исполнит все, что обещает. Но не будем из-за этого предаваться беспечности. Конечно, Он все делает ради самого Себя; но, однако же, и от нас требует (соответствующих действий). Если Он говорит, что «Я прослаблю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены» (1Цар. 2:30), то мы должны понять, что и с нашей стороны нечто требуется. Похвала славы Его – в том, чтобы спасти врагов, но эти враги после того, как они сделались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся в прежнее состояние вражды, то все для них будет бесполезно и тщетно.

3. Другой бани пакибытия нет; нет и вторичного приведения; но есть «некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10:27). Это именно ожидает и нас, если мы, всегда враждовавшие с Ним, будучи удостоены прощения, и после этого не перестанем еще враждовать, будем продолжать предаваться похотям и делаться хуже прежнего; если останемся слепыми и по пришествию Солнца правды. Хочешь воспринять луч, просвещающий твои очи? Сделай их чистыми, здоровыми и зоркими. Он показал тебе свет истинный; но если ты, убегая света, устремись к тьме, – какое тогда обрешь ты оправдание, какое прощение? Подлинно, никакого, потому что это обнаружит в тебе невыразимую ненависть. Когда бы ты, еще не познав Бога, враждовал с Ним, тогда ты имел бы еще некоторое извинение. А теперь, когда ты вкусил

благоволения и сладости (божественной), и, оставляя их, возвращаясь на свою блевотину, то этим обнаруживаешь не что иное, как только знаки великой ненависти и презрения. Не правда, – скажешь, – природа принуждает меня (к греху); я люблю Христа, но природа поставляет меня в необходимость (грешить). Если бы в самом деле ты грешил по принуждению и против воли, – для тебя было бы еще снисхождение; если же ты падаешь от нерадения, тогда не может быть никакого.

Впрочем, рассмотрим это самое, т. е., что бывает причиной грехов: нужда ли и неволя, или лень и совершенная беспечность? Сказано, например: "не убей" (Исх.20:13; Втор.5:17). Какая необходимость, какое насилие делать это? Напротив, чтобы убить, нужно употребить (над собой) насилие. Кто в самом деле из нас (без насилия над собой) решится вонзить меч в гортань ближнего и обагрить кровью свою руку? Никто. Не видишь ли, что, напротив, чтобы совершить этот грех, нужно много принуждения и насилия над собою. Бог вложил в нашу природу силу, побуждающую любить других. «Всякое животное, – сказано, – любит подобное себе, и всякий человек – ближнего своего» (Сир.13:19). Смотри, для добродетели сама природа дала семена; пороки же противны природе, так что, если они более господствуют над нами, то это самое служит признаком большой с нашей стороны лени. А что блуд? К нему какая влечет необходимость? Конечно, скажут, тиранство похоти. Как так, скажи мне? Разве нельзя иметь собственную жену, и этим уничтожить это тиранство? Но какая-то (страстная) любовь, скажет кто-нибудь, обуяла меня к жене ближнего. Это еще не есть необходимость, потому что любовь не есть дело необходимости; никто не любит по необходимости, а по своему произволению и доброй воле. Иметь совокупление – это, может быть, и необходимость; но любить ту или другую – это уже не есть дело необходимости. И (прелюбодеяние) не есть следствие стремления к совокуплению, следствие тщеславия, чувственного раздражения и чрезмерного сладострастия. Что, скажи мне, сообразнее с разумом: иметь ли свою жену – общницу рождения детей, или искать какой-нибудь неизвестной? Разве не знаете вы, что привычка порождает дружбу? Итак, блуд

не есть дело природы. Я не обвиняю вожделения, но вожделение дано нам для брака и для деторождения, а не для распутства и растления. И законы гражданства, как известно, снисходительно относятся к невольным преступлениям. Но греха собственно нет ни одного, который бы проистекал из необходимости, – все они зависят от испорченной воли. Бог не так создал природу, чтобы необходимо должно было грешить; если бы это было так, тогда нет и речи, и Бог не взыщет за это, потому что Он человеколюбив и благ. Что же? Уж и воровство не есть ли дело необходимости? Да, скажут, к нему понуждает бедность. Нет, бедность скорее заставляет трудиться, а не красть. Таким образом, бедность производит противное; воровство происходит от лени; а бедность порождает обыкновенно не лень, а трудолюбие. Итак, оно (воровство) есть следствие нерадения. Заметь это! Притом, скажи мне, что труднее, что неприятнее, – проводить ли ночи без сна, проламывать стены, бродить во тьме, постоянно тревожиться и готовиться к убийству, дрожать и умирать со страху, или ежедневно посвящать себя труду, и вместе с удовольствием наслаждаться безопасностью? Конечно, последнее легче. А так как оно легче, то большая часть людей и решается лучше на него, чем на первое.

4. Видишь ли, что добродетель сообразна с природой, а порок противен ей, как (противны между собою) болезнь и здоровье. Еще: какая, например, необходимость заставляет лгать и божиться? Никакой нет необходимости, никакой неволи; но мы это делаем по доброй воле. Нам не верят, – скажете вы. Не верят, потому что мы того желаем; ведь нам следовало бы приобретать доверие более своим поведением, чем клятвами. Отчего, скажи мне, одним мы не верим и тогда, когда они клянутся, а других считаем людьми, заслуживающими доверия и без клятвы? Значит, в клятвах нет никакой необходимости. Словам такого-то, говоришь, я верю и без клятв, тебе же не верю, несмотря на твои клятвы. Значит, клятвы излишни, и более свидетельствуют о недоверии, чем о доверии. Кто склонен к клятвам, тот, нельзя сказать, чтобы делал честь своему благородству. И кто решительно при всяком случае

употребляет клятву, тот никогда не имеет в ней настоящей нужды; между тем, кто никогда не прибегает к клятве, тот может извлечь из нее пользу. Может быть, клятва нужна для уверения (других)? Нисколько! Мы видим, что не клянущиеся пользуются большим доверием. Еще: есть ли какая-нибудь необходимость досаждать другим? Конечно, скажешь. Внутренний жар возбуждается, воспаляется и не дает душе покоя. Нет, человек, не от внутреннего жара происходит досада, а от малодушия. Если бы (досада происходила) от сердечной горячности, то все бы люди досаждали (друг другу), и непрестанно бы досаждали. Мы имеем горячность (ревность) в сердце не для того, чтобы досаждать ближним, но чтобы обращать согрешающих, чтобы восставать самим (по падении), чтобы не быть ленивыми. Внутренний жар вложен в нас, как некоторое жало, чтобы мы скрежетали зубами против дьявола, чтобы устремлялись на него, а не чтобы восставали друг против друга. Мы имеем оружие, не для того, чтобы воевать с самими собой, а чтобы употреблять его в войне с неприятелем. Ты гневлив? Будь таков по отношению к своим грехам, бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственных грехов. Вот польза гнева; для этого Бог и вложил его в нас. Еще: лихоимство бывает ли следствием необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждает грабить? Бедность заставляет, – скажешь ты, – и страх (не иметь) самого необходимого. Но поэтому-то тебе и не должно быть лихоимцем; такого рода богатство не прочно. Ты делаешь тоже самое, как если бы кто-нибудь, будучи спрошен, для чего он на песке полагает основание дома, отвечал: (чтобы укрываться) от холода и от дождя, но для этого-то, именно, и не следовало бы ставить (дома) на песке, потому что дождь, бури и ветер скоро разрушат его. Поэтому, если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимствуй; если хочешь оставить детям богатство, приобретай (богатство) честное, – если только таковое бывает. Такое богатство твердо и прочно; иное же скоро погибает и уничтожается. Скажи мне: ты желаешь разбогатеть, и для этого берешь принадлежащее другим? Но ведь это не богатство; богат тот, кто пользуется собственным, у кого же в

руках чужое, тот не богат. Иначе, продающие шелковые одежды, берущие на время одежды других почитались бы богаче и изобильнее всех. Однако, несмотря на то, что вещи в их руках, мы не называем их богатыми. Почему? Потому что у них чужое. Если даже одежды принадлежат им, все-таки деньги, которых стоят одежды, не их, а если и деньги их, то и это не составляет еще их богатства. Итак, если полученное в займы не делает богатыми, так как скоро может быть потребовано назад, то каким образом от лихоимства можно быть богатым? Если ты желаешь разбогатеть во что бы то ни стало (потому что это не есть дело необходимости), то чем особенно ты хотел бы пользоваться? Не более ли продолжительной жизнью? Но таковые (грабители) большей частью бывают недолговечны; они часто получают, в наказание за хищение и лихоимство, преждевременную смерть, и таким образом мало того, что не наслаждаются богатством, но отходят (от мира), чтобы воспринять геенну; нередко также они погибают, получая болезни или от сладострастия, или от трудов, или от излишних забот.

Хотел бы я знать при этом, для чего люди так много заботятся о богатстве? Ведь Бог назначил природе меру и границы, чтобы мы не имели никакой необходимости искать богатства. Он повелел, например, одевать тело одной или двумя одеждami, а затем лишняя не нужна для защиты (тела). Для чего же тысячи одежд, эта молеедина? Положена также мера и в принятии пищи, и употребленное более этой меры необходимо вредит всякому живому существу: для чего же эти стада, пастбища и скопление мяса? Нам нужен только один кров: для чего же эти хоромы, эти многоценные жилища? Чтобы в них обитали коршуны и галки в то время, как бедные люди лишены всякого крова? Какой геенны не заслуживает это? Многие нередко в местах, которых никогда не видали, воздвигают из гранитных столбов и дорогого мрамора великолепные здания (чего только не выдумают?); но ни сами, ни кто другой не пользуются ими. Пустынность места не позволяет жить в этих зданиях, которые таким образом остаются без употребления. Видишь ли, что не по

необходимости они воздвигаются? Но причиной всего этого – безумие, глупость и тщеславие, которых, умоляю, будем избегать, чтобы мы смогли избежать и других зол, и удостоиться благ, обещанных любящим Его во Христе Иисусе, Господе нашем.

## Беседа 3

Еф.1:15–20. Посему и я, услышав о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым,

непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих,

чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его,

и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых,

и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его,

которую Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых.

На какую высоту Господь возвел человека. – Лишение царства небесного хуже геенны. – Как и в какое время нужно приступать к причащению тела Христова.

1. Нет ничего, с чем бы можно было сравнить апостольское благорасположение, – что было бы подобно тому сочувствию и той нежной любви, которыми был исполнен блаженный Павел, во всех своих молитвах поминавший целые города и народы. «Благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих», – так он обыкновенно писал всем. Представьте же, сколь многих он имел в мыслях своих! Даже и помнить было трудно, – так много было людей, о которых он молился, благодаря Бога за всех, как будто те величайшие благодеяния (какие они получили) получил он сам. «Ради этого», – говорит, т. е. ради будущих благ, которые ожидают право верующих и живущих. Впрочем, должно благодарить Бога за все, что Он сделал для рода человеческого и до этого и после того, должно благодарить Его и за веру верующих. "Услышав, – говорит, – о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым». Везде он соединяет и сближает веру и любовь, как некую дивную двоицу; о любви же их говорит не к туземцам только, но ко всем (христианам). «Непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая

о вас в молитвах моих». О чем же он просит, о чем молит? О том, «чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения». Двум истинам Он хочет научить их, как следует: к чему они призваны, и каким образом избавлены от исконных (зол). Между тем сам говорит, что этих (истин) три. Каким же образом их три?

Начнем с будущего. Из уготованных благ мы узнаем неизреченное и переизбыточествующее богатство Его. А из знания о том, каковы мы и как уверовали, узнаем силу и могущество Его – обратить к Богу бывших столь долгое время в отчуждении. «Немощное Божие сильнее людей» (1Кор. 1:25). Той же самой силою, которою воскресил Христа, Он и нас привлек к Себе. И сила Его оказалась не только в воскресении, но и в гораздо большем: «и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1:20–23). Подлинно великих и неизреченных таинств сделал Он нас участниками, – таинств, которые понимать могут только приобщившиеся Святого Духа и удостоившиеся великой благодати. Потому-то и Павел начинает свою молитву словами: «Отец славы», т. е. (Отец), даровавший нам великие блага. Он всегда называет Его сообразно предмету (о котором говорится), как, например, когда говорит: «Отец милосердия и Бог всякого утешения» (2Кор. 1:3), и как еще пророк (сказал): «Господь – твердыня моя и прибежище мое» (Пс. 17:3). «Отец славы». (Апостол) не находит такого слова (которым бы мог вполне изобразить уготованные Богом блага), и везде называет их славой, как словом, обозначающим для нас всякого рода величие. Смотри: (Бога Отца апостол называет) Отцом славы и Богом Христа. Что же? Разве Сын имеет меньше славы? Нет, никто, даже безумный, этого не скажет. "Дал вам" (духа премудрости), т. е. возвысить и воскрылить ваш ум, потому что иначе нельзя познать этого. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божья, потому что он почитает это безумием» (1Кор. 2:14). Значит, чтобы понимать духовное,

видеть сокровенное, – нужна и мудрость духовная. Дух открывает все и разъясняет самые тайны Божьи. Знание тайн Божьих принадлежит одному Духу, который «проникает и глубины Божии» (1Кор. 2:10), и ни ангел, ни архангел, ни иная какая сотворенная сила не подаст, т. е. не доставит вам этого дарования. Если же это есть плод откровения, в таком случае излишни все умствования, потому что углубившийся в (созерцание) Бога и познавший Его ни в чем не усомнится, не будет говорить: вот это возможно, а это невозможно; не будет рассуждать, каким образом то или другое могло случиться. Если бы и мы познали Бога, как должно, если бы познали от того, от кого следует познавать, от самого Духа, то мы уже ни в чем более не сомневались бы. Потому-то (апостол) и говорит: «к познанию Его, и просветил очи сердца вашего». Наученный, что есть Бог ни в обетованиях не усомнится, ни обнаружит неверия в то, что уже было. Вот почему он и молится о даровании им духа премудрости и откровения. Впрочем, сам (апостол), что можно, доказывает и посредством умозаключений, (заимствуя основания для них) от того что уже совершено. Так как он намерен говорить с одной стороны уже о совершившемся, а с другой – еще о не совершившемся, то тем, что совершено, он утверждает веру в то, что еще не совершено, как это видно из следующего: «дабы вы познали, – говорит, – в чем состоит надежда призвания Его», – (надежда) пока еще неизвестная, говорит, но не для верных, – «и какое богатство славного наследия Его для святых», – тоже пока еще неизвестное. Что же известно? То, что мы веруем, что Он «Своей силой» воскресил Христа. Возбудить веру в душах гораздо удивительнее, чем воскресить мертвого. Как так? Постараюсь сделать это ясным. Послушай, в самом деле: Христос сказал мертвому: «Лазарь! иди вон» (Иоан. 11:43), и (мертвец) тотчас повиновался. Сказал Петр Тавифе: «Тавифа! встань» (Деян. 9:40), и та не противоречила. Скажет Господь в последний день – и все восстанут, притом с такой быстротой, что остающиеся еще в живых не предупредят умерших, и все это совершится и окончится в самое краткое время, – в одно мгновение ока.

2. Но не так бывает в деле обращения к вере. А как же? Послушай опять, что говорит (Господь): «многие поищут войти, и не возмогут» (Лк. 13:24). Теперь понимаешь, что труднее? Потому-то (апостол верой) и доказывает все. В самом деле, гораздо труднее, – даже по человеческим соображениям, – убедить свободу человека, чем создать природу. Причина же заключается в том, что Бог желает, чтобы мы сами добровольно делались добрыми. Таким образом (апостол) совершенно справедливо видит «и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих». Когда пророки ничего не помогли, когда (не помогли) ангелы и архангелы, вся видимая и невидимая тварь, – видимая, будучи выведена на сцену, не смогла руководить, а невидимая во многом успела, – тогда благоволил явиться сам (Бог), показывая этим, что в деле (обращения к вере) нужна сила Божественная. «Богатство славного», т. е. славу неизреченную. В самом деле, чье слово в состоянии представить ту славу, которой сподобятся некогда святые? Конечно, ничье. Чтобы уразуметь это, поистине нужна благодать, – нужно воспринять хоть малый луч (духовного света). Было известно нечто (из Божественных истин) и прежде; но ныне Он восхотел научить большему и совершеннейшему ведению. Видишь ли, что Он совершил? Воскресил Христа; и это уже немаловажное дело; но смотри, что и еще (Он сделал): посадил Его одесную Себя. Какое слово может изобразить это? Сущего от земли, того, кто был безгласнее рыб, кто был игрушкой (подвергался искушениям) демонов, – вдруг возвел на высоту. Поистине, преизобильно величие силы Его!

И смотри, куда Он возвел Его. Посадил Его «на небесах» превыше всякого сотворенного естества, превыше всякого начальства и власти. "Превыше, – говорит, – всякого Начальства» (Еф.1:21). Потому, поистине, нужен Дух (благодати), нужен ум просвещенный, чтобы познать Его, – словом, для этого нужно откровение. Представь, как велико расстояние между человеческой и божественной природой; между тем, Он от этого (человеческого) ничтожества возвел Его в ту (Божественную) честь. Не одну, не две, не три степени нужно перейти для этого. Потому-то и (апостол) не просто

сказал: выше, но – превыше. Превыше вышних сил – один Бог. И туда-то Он возвел сущего от нас, – от крайнего уничтожения Он возвел на крайнюю степень власти, за которую уже нет другого (высшего) достоинства. «Всякого Начальства», – говорит, т. е. (превыше) не того или другого, но всякого «Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого» (Еф.1:21); что бы ни было на небе, Он сделался превыше всего. Все это (говорил апостол) о Воскресшем из мертвых, и все это достойно удивления, а никак не о Боге-Слове. Ведь, что комары в сравнении с человеком, то вся тварь в сравнении с Богом. И что я говорю: комары? Если все люди пред Богом не более, как капля и как пылинка на весовой чашке (Ис. 40:15), то с комарами (в этом случае) можешь сравнивать невидимые силы. Итак, не о Боге-Слове говорил так (апостол), а о Том, Кто от нас. Это подлинно велико и чудно, – что Он из преисподних земли возвел Его. Если все народы (пред Богом) как капля, то один человек лишь малейшая частичка капли. И между тем Бог сделал Его выше всех «не только в сем веке, но и в будущем», – значит, имена некоторых сил (небесных) нам не объявлены еще и неизвестны, – «и все покори́л под ноги Его» (Еф.1:22). Не просто сказал; сделал "Его выше" (всего), чтобы предпочесть им, – не в смысле сравнения употребил это слово; но поставил его как бы господином над рабами. О, подлинно дивные дела! Через то, что Бог Слово вселился (в наше естество), человеку вся сотворенная сила сделалась рабыней. Но, может быть, есть кто-нибудь выше (Его), у кого, хотя нет подчиненных, но кто обладает большим достоинством? Здесь и это неприложимо: «и все покори́л под ноги Его», не просто покори́л, но покори́л до совершенного подчинения, так что большего подчинения быть не может. Потому-то (апостол) и сказал: «под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви».

О, и Церковь, куда Он возвел! Как бы некоторой машиной поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую, и посадил ее на том же престоле, потому что где глава, там и тело, нет никакого перерыва между главой и телом, и если бы (связь между ними) прерывалась, то не было бы ни тела, ни главы. «Выше всего», –

говорит. Что значит – «выше всего»? Или – что Христос выше всего видимого и созерцаемого умом, или – что высшее из всех благодеяний, оказанных Им, то, что Сына Своего сделал главою, не оставив при этом никого выше – ни ангела, ни архангела, ни другого кого-нибудь. Не одним только тем (преимуществом Бог) почтил нас, что сущего от нас возвел горе, но еще и тем, что предуготовил то, чтобы весь вообще человеческий род последовал за Ним, имел тоже, что Он и наследовал Его (славу). «Которая есть Тело Его» (Еф.1:23). Чтобы ты, услышав слово «главу», не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не счел Его только начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (апостол) прибавляет: «полнота Наполняющего все во всем». Он считает как бы недостаточным (название главы для того), чтобы показать родство и близость (Церкви ко Христу), и что говорит? Церковь есть исполнение Христа, точно так же, как голову дополняет тело и тело дополняется головой. Видишь, каким оружием пользуется апостол, как он не останавливается ни пред каким оборотом речи, чтобы представить Божью славу. "Полнота", – говорит, т. е. как глава пополняется телом, потому что тело составляется из всех (своих) членов, и каждый член необходим для другого. Видишь, как (апостол) представляет, что (для Христа, как главы) нужны все вообще члены, потому что если бы многие из нас не были – один рукой, другой ногой, третий иным каким-либо членом, то тело Его было бы не полно. Итак, тело Его составляется из всех (членов). И значит: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное тело, когда мы все вместе будем соединены и скреплены самым прочным образом.

3. Видишь ли «богатство славного наследия»? Видишь ли «безмерно величие могущества Его в нас, верующих»? Видишь ли «надежда призвания»? Почтим же нашу Главу; подумаем о том, какой Главы мы тело, – которой все покорено. Сообразно с этим образцом мы должны быть лучше самих ангелов и выше архангелов, как удостоенные большей чести, нежели все они. «Не Ангелов» Бог принял естество, как говорит (апостол) в

послании к Евреям, но «семя Авраамово» (Евр. 2:16). Не власти, не начала, не господства, не другой какой силы, а наше принял Он естество и посадил горе. И что я говорю: посадил? Сделал Своею одеждой, и не это только, но и «все покорил под ноги Его» (Евр. 2:8). Сколько бы раз сам ты ни умирал, сколько бы, – хотя бы тысячи и более, – раз ты ни полагал душу свою, но ты не скажешь, чтобы сделал, хотя что-нибудь равное (тому, что Христос сделал). Он совершил два великих дела: сам снизошел до последней степени уничижения, и человека возвел на великую высоту. (Апостол) прежде сказал о Его уничижении; здесь же говорит о деле еще высшем, истинно великом и главном. Если бы мы и не были превознесены (чрез Его уничижение), было бы довольно (того, что Он сделал для нас); или если бы и были удостоены (столь высокой чести), но без Его жертвы (то этого тоже было бы довольно). Но когда Он совершил и то и другое, то, для изображения всего этого, самое богатое слово остается недостаточным и бессильным. Самое воскресение представляется уже не столь великим, когда подумаю об этом. Не о Боге-Слове, а о Нем (Христе уничиженном) говорит: «Бог Господа нашего Иисуса Христа». Почтим же близость родства; убоимся, чтобы не отсекся кто от этого тела, чтобы не ниспал, кто и не явился недостойным. Если бы кто-нибудь на нашу голову надел диадему, золотой венец, – скажите, чего бы мы не сделали, чтобы показать себя достойными этих бездушных камней? Здесь же не диадема покрывает нашу голову, а сам Христос сделался нашей Главой, что гораздо выше, – а между тем мы не придаем этому никакой цены. Ангелы, архангелы и все (небесные) силы благоговеют пред нашей Главой, а мы – тело Её ужели не почтим, но ни за Её уничижение, ни за наше возвышение? Какая же после этого останется у нас надежда на спасение?

Напечатлей в уме своем этот царский трон, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать нас. Если бы и не было геенны, то для нас, – удостоенных столь великой чести, и потом оказавшихся недостойными её и злыми, – (лишение этой чести) какое было бы наказание, какое мучение? Представь, близ кого восседит

твоя Глава, – одного этого совершенно довольно для всего, – одесную кого она находится? Она восседит превыше всякого начальства, и власти и силы: а тело Её и бесы попирают? Но да не будет! Если бы было так, то не было бы уже и тела. От Главы твоей в благоговении отступают самые почетнейшие из рабов: неужели же тело ты отдашь на поругание? Какого наказания не будешь ты достоин в таком случае? Если бы кто ноги царя заковал в цепи, и надел на них кандалы, разве такой не был бы повинен самому жестокому наказанию? А ты все тело Его отдаешь лютым зверям и не содрогаешься? Но так как у нас зашла речь о теле Господнем, то вот вспомним и то тело, которое было распято, пригвождено, и приносится в жертву. Если ты – тело Христово, то неси крест, потому что Он нес; перенеси оплевания, заушения, прободение гвоздями; таково было Его тело, хотя оно было безгрешно: «не сделал греха, – сказано, – и не было лжи в устах Его» (Ис. 53:9). Руки Его действовали только для благодетельствования нуждающихся. Уста Его не произнесли ничего неприличного; «не бес ли в Тебе?», – говорили Ему, а Он и здесь не сказал ничего вопреки (Иоан. 7:20). И так как мы говорим о теле Его, то приобщающиеся тела и пьющие кровь Его – помните, что мы приобщаемся тела нисколько не различного от того тела, которое восседит горе, которому поклоняются ангелы, которое находится близ нетленной Силы, – это именно (тело) мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он сделал нас Своим телом, дал нам Свое тело, – и все это не отвлекает нас от зла. О, омрачение! О, великое унижение! О, бесстыдство! «Ищите горнего, – сказано, – где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3:1); а между тем одни заботятся о богатстве, другие пленяются страстями.

4. Разве вы не видите, что если у нас на теле появляются лишние и ненужные наросты, то мы их срезаем и отнимаем прочь? В особенности бесполезны для тела наросты безобразные, омертвенные, или сгнившие, от которых, между тем, может заразиться и все тело. Но мы не решимся утверждать, чтобы существо наше состояло из одного тела. Если же тело, несмотря на то, что оно вещественно,

подвергается, однако, отсечению, то какие ужасы должно будет испытать нам, если духовная наша сторона не пребудет здоровой? Когда тело наше не принимает пищи, когда проходы закрыты, – оно умирает; когда засорены каналы, – оно повреждается. Так точно бывает и с душой: когда мы закрываем уши (к слушанию слова Божьего), – она повреждается. Когда мы не воспринимаем духовной пищи, когда некоторые худые наклонности, подобно испорченным жидкостям, наполняют нас и начинают вредить нам, – тогда все это производит болезнь, болезнь жестокую, оканчивающуюся совершенным изнурением. В этом случае, для спасения нужно прибегнуть или к прижиганию, или же к отсечению, потому что Христос никому с таким (испорченным) телом не позволит войти в чертог Свой. Если Он вывел и изгнал вон одевшихся в нечистые одежды, то чего Он не сделает, каких мер не употребит против того, кто допустит нечистоту в теле?

Замечаю, что многие просто, как случится, больше по обычаю и заведенному порядку, чем с рассуждением и сознательно, приобщаются тела Христова. Настало, говорят они, время св. сорокаднейств, или день Богоявления, всем, – каков бы кто ни был (по внутреннему расположению), – должно приобщиться тайн. Но время не дает права приступать (к таинству), потому что не праздник Богоявления и не сорокаднейство делают приступающих достойными, но светлость и чистота души. С этими качествами приступай всегда; без них – никогда. «Ибо всякий раз, – говорит (апостол), – когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете» (1Кор. 11:26), т. е., совершаете воспоминание о своем спасении и о Моем благодеянии. Припомни, с каким страхом приступали к участию в древних жертвоприношениях. Чего не делали, чего не совершали предварительно? Они всегда наперед очищались; ты же, приступая к жертве, которой ангелы трепещут, определяешь совершение этого дела известным временем? Как предстанешь ты после того пред судилище Христово, ты, который нечистыми устами и руками осмеливаешься принимать тело Его? Ты и царя не осмелишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запах: как же ты со

зловонной душой дерзаешь лобызать Царя небесного? Такой поступок – оскорбление для Него. Скажи мне, дерзнул ли бы ты с немытыми руками приступить к жертве? Не думаю. Напротив, ты скорее решишься вовсе не приступать. Чем (приступить) с нечистыми руками. А между тем, в малом показывая такую осмотрительность, ты приступаешь и дерзаешь касаться (великой жертвы), имея нечистую душу? Ведь в руках она бывает только временно, а душу совершенно проникает. Притом, разве ты не видишь, как чисто вымыты и как ярко блистают (священные) сосуды? Души же наши должны быть еще чище, святее и светлее. Почему так? Потому, что сосуды так (вымываются и очищаются) для нас; они не впитывают в себя, не чувствуют того, что в них; мы же – напротив. Как же после этого ты, который наверно не захотел бы (при богослужении) употребить неочищенный сосуд, приступаешь (к таинству) с неочищенной душой? Великую вижу здесь несообразность.

В другие времена, бывая (в душе) чище, вы однако не приобщаетесь; в Пасху же, хотя бы на вас лежало преступление, вы приобщаетесь. О, обычай! О, предрассудок! Напрасно приносится ежедневная жертва, напрасно предстоим мы пред алтарем Господним, – никто не приобщается! Впрочем это я говорю не с тем, чтобы вы только приобщились; но с тем, чтобы вы приготавливали себя самих к достойному приобщению. Если ты не достоин приобщения, то не достоин и участия (в литургии верных), и значит – в молитвах. Ты слышишь, как диакон (χύρις) возглашает: елицы в покаянии (όσοι ἐν μετάνοιᾳ), изыдите все. Которые не приобщаются, те в покаянии; если и ты в покаянии, то ты не должен приобщаться, потому что не приобщающийся бывает из числа кающихся. Для чего после этого (диакон) говорит: изыдите немогущие молиться, а ты продолжаешь бесстыдно стоять? Но ты ведь из числа не их (кающихся), а могущих приобщаться? И однако не обращаешь на это никакого внимания и как бы считаешь это Дело ничтожным?

5. Посмотри, умоляю тебя: вот стоит царская трапеза; ангелы служат трапезе; сам Царь здесь присутствует. А ты

стоишь небрежно, нет у тебя никакой мысли, и к тому же – в нечистых одеждах. Но одежды твои чисты? В таком случае приступи и приобщись. Сам (Царь) каждый раз приходит видеть присутствующих здесь; со всеми беседует; вот и теперь в вашей совести говорит вам: други, как вы здесь стоите, не имея брачного одеяния? Не сказал (Господь не имевшему брачной одежды) (Мф. 22:12): для чего ты возлег? – но сказал, что он не достоин был приглашения и (значит) входа; не сказал же: для чего тебя пригласили, но – для чего ты вошел? То же самое говорит Он теперь, обращаясь и ко всем нам, бесстыдно и дерзко стоящим. Всякий, кто не приобщается св. тайн, стоит бесстыдно и дерзко; потому-то, прежде всего, изгоняются те, которые – во грехах (кающиеся). Как во время трапезы в присутствии господина низшим слугам не позволяется участвовать в ней, и они высылаются вон, так должно быть и здесь. Когда износится жертва и в жертву предлагается Христос – это Владычное овча; когда слышишь: помолимся все вместе; когда видишь, что поднимается завеса, – то представляй себе, что разверзаются небеса, и свыше нисходят ангелы. Как никому из непросвещенных нельзя бывает присутствовать, так равно нельзя присутствовать и нечистым, хотя бы и просвещенным. Если бы кто, будучи позван на пир, изъявил на это согласие, явился, и уже приступил бы к трапезе, но потом не стал бы участвовать в ней, то – скажи мне – не оскорбил ли бы он этим звавшего его? И не лучше ли было бы таковому вовсе не приходить? Точно так и ты пришел, пел песнь, как бы признавая себя вместе со всеми достойными (св. тайн), потому что не вышел с недостойными. Почему же ты остался, а между тем не участвуешь в трапезе? Я не достоин, говоришь ты. Значит: ты не достоин общения и в молитвах, потому что Дух нисходит не только тогда, когда предложены (дары), но и когда поются (священные) песни. Разве ты не видел, как наши слуги сначала обмывают губкой стол, очищают дом, и потом уже ставят блюда? (В храмах) это самое совершается молитвами, возносимыми диаконом (χύριξ), которыми, как губкой, мы омываем церковь, чтобы совершить предложение в чистой церкви, чтобы не было здесь ни одного пятна, ни одной

пылинки. А, действительно, бывают в церкви такие, которых глаза недостойны видеть (то, что здесь представляется взорам), которых уши недостойны слышать (то, что здесь возглашается). Если скот прикоснется к горе, сказал (некогда Господь), будет побит камнями (Исх. 19:13). И (израильтяне) не удостоены были и восхода (на гору), хотя после они восходили и видели, где стоял Господь; им можно было после приходить и видеть. Удалились и ты, когда (Бог) здесь присутствует, тебе еще более непозволительно быть здесь, чем оглашаемому. Ведь не все равно – никогда не приобщаться тайн, и после того, как удостоился их, пренебрегать ими, оскорблять их и делать себя недостойным их. Можно было бы сказать и еще большее и страшнейшее; но, чтобы не отяготить вашего ума, довольно и этого. Если это не образумит вас, то и большее (не будет иметь успеха).

Итак, чтобы не постигло вас большее осуждение, умоляю вас не о том, чтобы вы не приходили сюда, – нет, – но о том, чтобы вы вели себя так, чтобы быть достойными входить сюда и присутствовать здесь. Если бы какой-нибудь царь приказал следующее: кто сделает то или другое, тот не будет удостоен моей трапезы, то, – скажи мне, – ради этого не сделали ли бы вы тогда всего? (Бог же) призвал нас на небеса, к трапезе Царя великого и дивного, – а мы отказываемся, медлим, не спешим воспользоваться этим призывом? Какая после этого у нас надежда на спасение? Нельзя в этом обвинять немощь, – нельзя обвинять природу. Беспечность – вот что делает нас недостойными, как это и было сказано нами. Умиляющий сердца и подающий дух умиления пусть умилиет и ваши сердца и насадит в них глубоко семена (благочестия), чтобы вам принять их в душу свою со страхом, возродить в себе дух спасения и иметь дерзновение приступать (к таинству причащения). «Сыновья твои, – сказано, – как масличные ветви, вокруг трапезы твоей» (Пс. 127:3). Пусть не будет в нас ничего ветхого, ничего дикого и грубого, ничего недозрелого! Такие только новонасаждения способны дать плод, плод дивный, разумею – масличный, и могут присутствовать окрест трапезы, и притом не просто и не как попало собираться сюда, но со

страхом и трепетом. Тогда и там мы будем взирать на самого Христа с дерзновением, и удостоимся небесного царствия, которое и да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 4

Еф.2:1–3. И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим,

в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления,

между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие.

Опровержение манихеев. – Без милосердия нельзя войти в царство небесное.

1. Есть смерть телесная, есть и духовная. Подвергнуться первой – не грешно и не страшно, потому что это – дело природы, а не доброй воли; явившись вследствие первого грехопадения, смерть телесная потом сделалась необходимой для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть – духовная, – так как происходит от доброй воли, подвергает ответственности и не имеет никакого извинения. Но посмотри, как Павел, – показав прежде самым ясным и убедительным образом, что исцелить умерщвленную (грехами) душу гораздо труднее, чем воскресить мертвого, – теперь опять говорит об этом великом (деле человеколюбия Божьего), и излагает его следующим образом. "И вас, – говорит он, – мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления». Замечаешь ли ты кротость Павла, с какой он увещевает слушателя, несколько не утрашая его? Сказавши, что вы дошли до крайней степени зла (а быть мертвым это именно и значит), он затем, чтобы не слишком опечалить их (так как люди обыкновенно смущаются, если им выставляют на вид их прежние преступления, будь это преступления губительные, или не заключающие в себе ничего особенно опасного), указывает им на помощника (который содействовал им дойти до такой степени зла), и на помощника сильного; и это делает с той

целью, чтобы они не подумали, будто они одни во всем виноваты. Кто же этот помощник? Дьявол. Подобным же образом (апостол) поступает и в послании к Коринфянам. Сказав: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители», и затем перечислив и других грешников и прибавив: «Царства Божьего не наследуют», потом говорит: «И такими были некоторые из вас» (1Кор.6:9–11). Не сказал просто: "были", но: «были некоторые», т. е. такими когда-то и вы были.

Тут сильно восстают на нас еретики, которые утверждают, что все это должно быть приписано Богу, и, не удерживая необузданного своего языка, усваивают Богу то, что составляет дело одного дьявола. Чем же мы заградим их уста? Их же словами. Вы признаете же (скажем мы), что Бог правосуден; если же Он это сделал, то это не только не свидетельствует о Его правосудии, а, напротив, показывает крайнюю несправедливость и беззаконие. А беззаконным, без сомнения, Бог никогда не мог быть. Почему (апостол) называет дьявола князем этого века? Потому, что природа человеческая почти всецело предалась ему и все служат ему добровольно и намеренно. Христу, хотя Он обещает бесчисленные блага, никто не внимает; а ему, – хотя он ничего подобного не обещает, а, напротив, препровождает в геенну, – повинуются все. Он властвует в этом веке, у него слуг больше, нежели у Бога, и ему, за исключением немногих, охотнее повинуются, чем Богу; и все это происходит от нашей беспечности. "По воле князя, – говорит, – господствующего в воздухе, духа». Это говорит (апостол) с тем, чтобы показать, что (дьявол) обитает в поднебесной, что духи воздушные суть бестелесные силы, которые и помогают ему в его действиях. А что власть его (дьявола) есть власть временная (ἡ ἀρχὴ αἰώνιος), т. е. что она прекратится вместе с настоящим веком, – послушай, что говорит об этом (апостол) в конце послания: «потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего» (Еф.6:12). Для того же, чтобы, услышав, как (апостол) именует (дьяволов) миродержителями, ты не почел их несотворенными, он прибавляет: "тьмы века". Также и в другом месте, где вовсе нет и речи о творениях, он

называет развращенное время «лукавого века» (Гал. 1:4). Мне кажется, что, будучи начальником в поднебесной (прежде, до падения), дьявол не лишился этого начальства и по падении. «Действующего, – говорит, – ныне в сынах противления». Видишь ли, что не насильно, не тирански как-нибудь, но чрез убеждение он привлекает к себе? Указывая на «противление» (απείθεια), (апостол) как бы хочет сказать, что (дьявол) увлекает всех лестью и убеждением. И не этим только (апостол) ободряет, что указывает на сообщника их, но и тем, что самого себя поставляет вместе с ними. «Между которыми, – говорит, – и мы все жили некогда»; "все", потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь составлял исключение. «По нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие», т. е. не помышляя ни о чем духовном. Но чтобы кто-нибудь не стал подозревать, что это говорится с намерением клеветать на плоть и чтобы не подумал, что вина её в этом слишком уже велика, смотри, как (апостол) предупреждает: "исполняя, – говорит, – желания плоти и помыслов», т. е. увлекаясь похотями и удовольствиями. Раздражили, говорит затем (апостол), мы Бога, прогневали Его, – стали только предметом гнева (Божьего), и ничем другим. Как дитя человеческое, уже по своей природе, бывает человеком, точно так же и мы были чадами гнева. «Как и прочие». Значит, никто не был свободен (от гнева), но все мы, по делам своим, были достойны гнева. «Бог, богатый милостью» (Еф.2:4); не просто говорит: милостив, но: "богатый"; подобным образом и в другом месте говорится: «по множеству милости Твоей» (Пс. 5:8), и еще: «Помилуй меня ...по великой милости Твоей» (Пс. 50:3). «По Своей великой любви, которою возлюбил нас» (Еф.2:4). Здесь указывает (апостол) на источник любви (Божьей) к нам. Все наши дела были достойны не любви, а гнева и жесточайшего наказания; значит: (если Он возлюбил нас, то единственно) по великой своей милости. «И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил с Христом» (Еф.2:5); опять посредник – Христос, и следовательно дело это вполне верно. Если начаток жив, – и мы (будем живы); если Бог Его оживотворил, – (оживотворит) и нас.

2. Видишь ли, что все это (апостол) говорил о Христе во плоти? Видишь ли переизбыточествующее «величие могущества Его в нас, верующих» (Еф.1:19)? Он оживил тех, которые были мертвы, которые были чадами гнева. Видишь ли «надежда призвания» (Еф.1:18)? «Воскресил с Ним, и посадил на небесах» (Еф.2:6). Видишь ли славу достояния Его? Да, скажешь ты; что Он воскресил нас, это ясно; а чем доказывает (апостол) то, что Он «посадил нас на небесах во Христе Иисусе» (Еф.2:6)? Тем же, чем (доказывает то, что Он) воскресил. Никто бы и никогда бы не восстал, если бы не воскресла Глава; а когда Глава наша воскресла, воскрешены и мы, – подобно тому, как, когда кланялся Иосифу Иаков, кланялась и жена. Точно таким же образом Он нас и посадил. Когда Глава сидит, сидит вместе и тело. Потому-то (апостол) и прибавил: «во Христе Иисусе». Или, – если посмотреть на это с другой стороны, – Он воскресил нас чрез купель крещения; как же после этого Он посадил? «Если терпим, – говорит (апостол), – то с Ним и царствовать будем» (2Тим. 2:12). Если вместе умерли, вместе и оживем. Подлинно, нужен дар Духа и откровения, чтобы уразуметь глубину этих тайн! Потом, чтобы ты не остался неверующим, смотри, что он присоединяет: «дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе» (Еф.2:7). Так как прежде он говорил все о Христе, и во всем сказанном прямо относящегося к нам не было ничего, – что, скажешь ты, в самом деле, нам оттого, что Христос воскрес? – то, показав предварительно, что это должно относиться и к нам, – потому что Спаситель соединен с нами, – теперь Он говорит о том, что собственно к нам относится: «и нас, мертвых по преступлениям ...воскресил с Ним, и посадил». Итак, как я говорил, веруй (что Он посадил нас с Собой), убеждаясь в этой истине тем, что сказано было прежде, тем, что сказано о Главе, и тем еще, что Он хочет проявить к нам свою благость. Как, в самом деле, Он проявит ее, если этого нет (т. е., если Он не посадил нас с Собой)? И «дабы явить в грядущих веках». Что же явить? Что блага, уготованные Им, и велики и совершенно достойны веры. Теперь эти блага кажутся для неверных несбыточными; а тогда

все их узнают. Если желаешь узнать и то, как Он посадил нас, послушай, что сам Христос говорит ученикам: «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28); и в другом месте: «но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня *зависит*, но кому уготовано Отцом Моим» (Мф. 20:23). Итак, это уже уготовано. И хорошо сказал (апостол): «в благодати к нам во Христе Иисусе».

Воссесть одесную – это честь высшая всякой чести, за которой нет уже другой. Говоря это (т. е. «в благодати к нам»), (апостол) показывает, что и мы воссядем. Сидеть с Христом – это поистине невыразимое богатство, это подлинно преизобилующее величие силы Его! Если бы ты имел тысячи душ, неужели ты не положил бы их за это? Если бы потребовалось идти в огонь, не следовало ли бы быть совершенно готовым и на это испытание? Сам (Христос) говорит: «которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Иоан. 17:24). За такую честь если бы каждый день приходилось быть рассекаемому, то не должно ли было бы и это переносить с радостью? Подумай, где восседает Он? «Превыше всякого Начальства, и Власти». А с кем вместе ты воссядешь? С Ним. Но кто же ты? Мертвый, – по естеству чадо гнева. Что ты сделал правого? Ничего. Теперь, поистине, благовременно воскликнуть: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божьего!» (Рим. 11:33)! «Ибо благодатью, – говорит (апостол), – вы спасены» (Еф. 2:8). Чтобы величие благодетей не надмило тебя, смотри, как он тебя смиряет, говоря: «благодатью вы спасены». Но чтобы не уничтожить и твоего участия, он прибавляет и то, что требуется от нас («через веру»). Потом снова как бы уничтожает это наше свободное участие, когда говорит: «и сие не от вас». И вера, говорит он, не от нас; если бы (Христос) не пришел, если бы Он не призвал нас, как бы мы могли уверовать? «как веровать в Того, – сказано, – о Ком не слыхали?» (Рим. 10:14)? Таким образом, и вера – не наше достояние: "Божий, – говорит, – дар не от дел» (Еф. 2:8–9). Вера, говорит (апостол), недостаточна для спасения; но чтобы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует её от нас. Сказал, что вера спасает, но (не

сама собою, а) через Бога; Бог хочет, и вера спасает. Скажи мне: как спасет тебя вера без дел? Она сама – дар Божий, «чтобы никто не хвалился» (Еф.2:9), а всякий напротив сделается благодарным к благодати. Итак, спросишь ты, (апостол) сам запретил снискивать оправдание делами? Вовсе нет! Он говорит только, что дела никого не оправдают, и говорит это для того, чтобы показать благодать и человеколюбие Божье. Имеющих за собою дела (Бог) не отвергает от Себя, но тех, которые погибли бы и с делами, Он спасает благодатью, так что после этого решительно никто не имеет права хвалиться.

3. Затем, чтобы, услышав, что "не от дел", но верой совершается (наше спасение), ты не остался беспечен, посмотри, что далее говорит (апостол): «Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф.2:10). Заметь, что сам он проповедует: он намекает здесь на воссоздание. Действительно, (наше спасение есть) второе творение: (через искупление) мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в каком мы были прежде, т. е. в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, это дело есть действительно творение, и притом творение, гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же сделаны способными к жизни доброй. «На добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять», – т. е. от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, то такое путешествие не принесло бы нам никакой пользы. Точно также «надежда призвания» не может доставить нам, участвующим в этом уповании, какой-либо пользы, если мы не станем ходить достойно Призвавшего. Мы, призванные на дела благая, должны и пребыть в них, доколь не совершим всех их. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но чтобы (совершить) все. Подобно тому, как у нас есть пять чувств и всеми ими мы должны пользоваться надлежащим образом, так

точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть и не берет чужого, но не раздает и своего, – для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не даст нам права с дерзновением предстать престолу Христову; для этого нужны многие, разнообразные и разнородные добродетели, или вернее, все добродетели. Послушай, что Христос сказал ученикам своим: «Итак идите, научите все народы, ...уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19–20); и в другом месте: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших, тот малейшим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5:19), т. е. в воскресении. Значит, такой не войдет в царство, – потому что Он обыкновенно время воскресения называет царством. «Итак, кто нарушит, – говорит, – одну из заповедей, ...тот малейшим наречется». Следовательно, нам нужно соблюдать все (заповеди).

Смотри: без милосердия нельзя войти (в царствие небесное), и мы отойдем в огонь, если у нас не будет доставать хоть одной этой добродетели. «Идите от Меня, – скажет (Спаситель), – проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25:41). Почему же и за что это? «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня» (Мф. 25:42). Видишь ли, Он ни в чем другом не обвиняет их, и за одно только это (отсутствие милосердия) они погибают? И (юродивые) девы за одно только это были изгнаны из чертога; хотя они имели целомудрие, но так как у них недоставало милосердия, то они и не были допущены в чертог. «Старайтесь иметь мир, – заповедуется, – со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14). Итак, помни же, что без целомудрия нельзя узреть Господа, хотя не всегда это можно и при целомудрии, потому что другое что-нибудь может воспрепятствовать. Но (вы скажете): мы все исполнили, только не оказывали помощи ближнему; неужели же за одно это мы не войдем в царствие? Откуда это видно? (Из притчи) о рабах, которым вверены были таланты. Они выполняли все добродетели, не опускали ни одной; но так как (один) был ленив, и не заботился о преумножении, то за это справедливо

был изгнан. Есть указание и на то, что за одно только злословие будут ввергнуты в геенну. «Кто скажет, – сказано, – своему брату: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5:22). Пусть иной сохранил все заповеди, но был только досадителем, и такой не войдет (в царствие Божье). И пусть никто не обвиняет Бога в строгости за то, что Он так согрешающих лишает небесного царствия. Ведь и у людей, если кто совершит что-нибудь противозаконное, то уже царю на глаза не допускается, хотя бы он преступил одно какое-нибудь постановление, – например, если произнесет несправедливый приговор на кого-либо в суде, он теряет власть свою; если сблудит и будет взят на месте преступления, он уже обещен и, хотя бы совершил тысячу дел законных, погибает; если совершит убийство и будет уличен в этом, и этого одного вполне достаточно, чтобы подвергнуть его строгому наказанию. Если же человеческие законы охраняются так строго, то не гораздо ли больше (должны охраняться) законы Божьи? Но Бог благ, скажешь ты. О, до каких пор мы будем произносить эти безрассудные слова? Безрассудным я называю здесь не то, что мы веруем в благодать Божью; но то, что мы дозволяем себе злоупотреблять этой верой, – несмотря на то, что мы уже тысячи раз говорили против этого. Послушай, что говорится в Писании: «не говори: «милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих» (Сир. 5:6). (Писание) не запрещает нам говорить, что «милосердие Его велико», – вовсе нет, – не к этому оно побуждает, напротив оно советует нам постоянно говорить об этом, – к этому и Павел направляет все свои речи; но, как видно из последующего, (Писание) порицает, когда удивляются человеколюбию Божьему для того, чтобы грешить и говорить при этом: «милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих».

4. И мы так часто и много беседуем о благодати не для того, чтобы, надеясь на нее, делать (что угодно), – потому что в таком случае благодать будет причиной утраты нашего спасения, – а для того, чтобы мы не отчаивались в грехах и приносили покаяние. «Благодать Божья ведет тебя к покаянию» (Рим. 2:4), а не на большее закоснение во зле. Если ты пребудешь злым

ради благости, то через это ты оклеветашь ее пред людьми, – а многих я вижу подобным образом клеветущих на Божье долготерпение! – и дашь ответ за то, что воспользовался (благодатью) не надлежащим образом. Бог человеколюбив, но Он и правосуден; прощает грехи, но воздает каждому по делам его; превосходит неправды, отъемлет беззакония, но творит и суд. Не противоречит ли это одно другому? Нисколько, если только мы будем обращать внимание на времена. Он отъемлет беззакония здесь и через купель крещения и через покаяние, – и накажет за все беззакония там огнем и муками.

Итак, может быть, ты скажешь после этого: если и за малое зло, если даже за один грех я буду извержен и лишен царствия, то почему же мне не делать в таком случае зол всякого рода? Речи эти – речи неблагоразумного раба! Но, впрочем, рассмотрим их. Не твори зла, если хочешь спасти себя. Все мы (если сотворим зло) одинаково лишимся царствия; но наказание в геенне потерпим не все одно и тоже; а одни – большее, другие – меньшее. Если ты или кто-нибудь другой презирали заповеди Божьи, и один презрел больше заповедей, другой меньше, – оба вы равно не войдете в царствие. Но если не одинаково презирали, а один больше, другой меньше, то и в геенне ощутите различие. Что это значит, – спросишь ты, – за что такие прещения на не оказавших милосердия, – за что они отсылаются в огонь, и притом не просто в огонь, но «в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25:41)? За что это и почему? Потому что ничто столько не оскорбляет Бога, как обида, делаемая друзьям. Мы должны любить и врагов; поэтому отвращающийся любящих его и являющийся таким образом хуже самих язычников какого не будет достоин наказания? Итак, по важности греха, такой справедливо должен отойти (в геенну) с дьяволом. Горе, сказано, не творящему милостыни. Если в ветхом завете так было, то тем более (так должно быть) в новом; если там, где позволено было приобретать, наслаждаться, заботиться (о земном), так много обращали внимания на помощь бедным, то не тем ли более (должно поступать так) здесь, где заповедуется оставлять все? В самом деле, чего не делали израильтяне? Отдавали

десятины; потом предоставляли еще другие десятины на вспомоществование сиротам, вдовам и прозелитам. Мне некто с удивлением говорил: такой-то дает десятины. Как нам не стыдно! Мы – христиане удивляемся тому, что не было удивительным у иудеев? Тогда опасно было не раздавать десятины: представь же, каково это (т. е. не гораздо ли опаснее) теперь! Пьянство также не наследит царствия. Но при этом, что, обыкновенно, говорит большая часть людей? (Они говорят): что же, если и я и он вместе будем терпеть одно и то же, то в этом уже не малое утешение. Что нам сказать на это? Прежде всего должно сказать, что ты и он понесете наказание не одно и то же; а кроме того (должно прибавить, что) здесь ровно никакого нет утешения, потому что одинаковость страданий в том только случае может быть утешением, когда беды еще не превосходят меры, но когда он превосходят ее, когда повергают нас в ужас, тогда уже (никакое сравнение своих бед с бедами других) не доставит утешения. В самом деле, скажи осужденному на сожжение, – в то время, когда он стоит уже в огне, – что вот и такой-то терпит тоже: ты этим не доставишь ему ровно никакого утешения. Не все ли вместе погибали израильтяне? Однако какое утешение принесло им это? Напротив не более ли это печалило их? Потому-то они и восклицали: погибли, убиты, умерщвлены мы. Итак, есть ли в этом какое-нибудь утешение? Напрасно же мы утешаем себя подобными надеждами. Одно только и есть утешение, это – чтобы не впасть в этот неугасимый огонь; а впавшему уже нельзя получить никакого утешения там, где скрежет зубов, где плач, где неусыпающий червь, где неугасающий огонь. Притом, находясь в такой скорби и тесноте, способен ли ты будешь понять какое-нибудь утешение? Останется ли в тебе хоть сколько-нибудь присутствия духа?

Прошу и умоляю, не будем обольщать себя понапрасну, не будем утешать себя подобного рода рассуждениями, но будем делать то, что сможет спасти нас. Тебе предлежит воссесть с Христом, а ты между тем предаешься подобному любопрению. Если бы не было никакого другого греха, то за одни эти речи какому наказанию следует подвергнуть нас? Мы так нерадивы,

так ленивы, так беспечны, что говорим подобные речи тогда, когда нам предлагается столь великая честь. О, как горько возстенаешь ты, когда услышишь, что жившие благочестиво будут с честью призываться в царствие Божье; когда увидишь, что в царстве славы будут возлежать и рабы и люди низкого происхождения, – люди, которые здесь о малом заботились, а там между тем будут участвовать в царском престоле! Подобное (зрелище) не хуже ли будет всякого наказания? Если и теперь, когда видишь, что кто-нибудь блаженствует, – хотя сам и не терпишь ничего худого, – считаешь это хуже всякого наказания и от этого одного приходишь в расстройство, страдаешь, плачешь, и думаешь, что это стоит тысячи смертей, – то, скажи, что ты тогда должен будешь вытерпеть? Пусть не будет геенны: одна мысль о царстве (которого ты лишился и которым другие наслаждаются) разве не может поразить тебя и расстроить окончательно? А что действительно будет так, в этом могут достаточно убедить тебя жизнь и опыт. Итак, перестанем же попусту утешать себя подобными рассуждениями; будем лучше внимательны и усердны к нашему спасению; поревнуем о добродетели и возбудим себя к деланию добрых дел, чтобы удостоиться столь высокой чести во Христе Иисусе, Господе нашем.

## Беседа 5

Еф.2:11–12. Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским *обрезанием*, совершаемым руками,

что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире.

Что значит мудрование плотское.

1. Много есть доказательств человеколюбия Божьего к нам: во-первых, Он сам Собою Спас нас, и Спас столь дивным образом; во-вторых, Он Спас нас, когда мы были в таком состоянии (уже мертвы и чада гнева по естеству); в-третьих, Он возвел нас (на необыкновенную высоту). Все это включает в себе величайшее доказательство человеколюбия Божьего, и все это Павел изображает в настоящем послании. Выше он сказал, что нас, «мертвых по преступлениям и чад гнева» (Еф.2:1, 3), (Бог) спас; теперь показывает, кому равными Он сделал нас. "Итак, – говорит, – помните". Когда от великой бедности мы переходим в противоположное состояние, или сподобляемся какой-нибудь еще большей чести, то, наслаждаясь славой своего нового положения, о прежнем обыкновенно все мы и не вспоминаем. Имея это в виду, (апостол) и говорит: «Итак, помните». Что же должно помнить? Что мы созданы на дела благая. Этого достаточно для того, чтобы побудить нас заботиться о добродетели. "Помните", – потому что такое памятование может сделать нас благодарными к Благодетелю. «Что вы, некогда язычники». Заметь, как (апостол) низлагает те преимущества, которыми гордились иудеи, и удивляется недостаткам язычников, – которые однако не были недостатками (делающими для них невозможным спасение во Христе), – и для тех и других извлекает увещания из образа их поведения и жизни. «Которых называли необрезанными». Честь была только на словах и преимущество (от обрезания) относилось только к плоти, потому что ни необрезание, ни обрезание ничего не значат. «Так называемые, – продолжает

(апостол), – обрезанные плотским *обрезанием*, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире». Вас так – необрезанием – называют только иудеи. Но почему же, намереваясь показать, что в приобщении язычников к иудеям первым оказано благодеяние, (апостол) не унижает достоинства последних, а напротив возвышает его? Те качества (иудеев), которые остались необходимы (для них и для христиан из язычников), возвышает, а те, которых (язычники, обратившиеся в христианство) могли не иметь, унижает. Потому-то он далее говорит: «сограждане святым и свои Богу» (Еф.2:19). Смотри, как не унижает. Это, говорит, безразлично. Не думайте, говорит, что есть какая-нибудь разница в том, что вы не получили обрезания и находитесь в необрезании; страшно (не это, а) вот что: быть без Христа, быть отчужденными от жития Израилева, – а первое к житию не относится, – быть вне завета обетования, не иметь надежды на будущее и быть в этом мире безбожными, каковы именно и были язычники. (Прежде апостол) говорил о вещах небесных; (теперь) говорит о земных, так как иудеи очень высоко ценили их.

Так и Христос, утешая учеников, после того как сказал: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:10), присоединяет меньшее (утешение) и говорит: "так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:12). Последнее ободрение в сущности менее велико; но в отношении приведения (к спасению), в отношении веры оно и достаточно, и велико, и включает в себе большую силу, так как взято из жизни и опыта. Не сказал (апостол): отлученные (χεχωρισμένοι), но: отчужденные (ἀπὸ τῆς κοινῆς) жития; не сказал также: не держащиеся обетований (οὐ προέχοντες), но: не имеющие (οὐδὲ μετέχοντες) и чуждые (ξένοι). Великое различие в значении этих слов, указывающее и на великое расстояние (язычников от иудеев). И израильтяне не вели жизни истинно доброй, но не потому, что были отчуждены (т. е. неспособны), а потому, что были беспечны; и от обетований они ниспали, но не как чуждые им. Какие же были заветы обетования? Тебе, –

сказано, – и «потомству твоему отдам Я землю сию» (Быт. 12:7), а также и нечто другое было им обещано. «Не имели надежды, – говорит (апостол), – и были безбожники». Хотя язычники и поклонялись богам, но были, однако же, безбожии, потому что идолы ничего не значат. «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею» (Еф.2:13–15). Важно уже и то, говорит (апостол), что мы пришли к иудейскому житию. Как это? Он возглавил все на небе и на земле, а ты еще говоришь о израильтянах? Но, говорит, подлинно так! То нужно принимать верой; а это оправдывать делами. «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, – говорит, – стали близки» по жизни, – потому что быть далеко или близко зависит единственно от свободы. «Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно».

2. Что значит: «из обоих одно»? (Апостол) этим показывает не то, что Бог даровал нам с иудеями одинаковое благородство; но то, что и нас и их Он возвел в лучшее (состояние). Впрочем благодеяния (Божьи) к нам даже выше; тем (иудеям) дарованы были обетования и они были к Богу ближе нас, нам же не дано было никаких обетований и мы отстояли дальше. Потому-то и сказано: «а для язычников – из милости, чтобы славили Бога» (Рим. 15:9). Израильтяне получили обетования, но оказались недостойными их; нам же ничего не было обещано, мы были чужды обетований; ничего общего у нас с ними не было, и Он соединил нас воедино, не так, впрочем, чтобы нас присоединил к ним, но нас и их совокупил воедино. Представим пример: вообразим две статуи, одна серебряная, другая оловянная; эти две статуи расплавлены и из них образовались две золотые: вот эти две стали одинаковы. Или возьмем иной пример: пусть один будет раб, другой – усыновленный; оба они должныствовали служить Ему (т. е. Богу); но один объявлен был лишенным наследства, другой бежал прочь и не знал Отца, а потом оба сделаны наследниками и законными детьми. Они удостоились одинаковой чести, два сделались едины, с тем только различием, что один пришел издалека, другой изблизи, и

что ближайший прежде прибыл к Отцу. «Разрушивший, – говорит, – стоявшую посреди преграду». Что должно разуть под «стоявшей посреди преградой», он сам объясняет это, когда говорит: «упразднив вражду Плотью Своей, а закон заповедей учением».

Некоторые говорят, что средостением был закон, который не дозволял иудеям смешиваться с язычниками. А я думаю, что он разумел под средостением (не закон, но) вражду плоти, которая была как бы промежуточной стеной, отделявшей нас от Бога, как и пророк говорит: «Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим» (Ис. 59:2)? И справедливо. Такая преграда, как вражда плоти, была преградой к Богу, как для язычников, так равно и для иудеев, потому что закон не только не уничтожал, а напротив увеличивал (вражду): "ибо закон, – говорит (апостол), – производит гнев» (Рим. 4:15). И как в словах: «ибо закон производит гнев» апостол не закон собственно поставляет причиной (гнева), но наше неповиновение ему и преступление его, так и здесь называет закон средостением, потому что преступающий его вступает во вражду (с Богом). Закон был и оградой, – оградой для утверждения (в добре), – оградой же он назван потому, что мог ограждать (от зла). Послушай, что говорит пророк: «Он обнес его оградой» (Ис. 5:2); и еще: «разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути» (Пс. 79:13), – здесь говорит об утверждении; и еще: «отниму у него ограду, и будет он опустошаем» (Ис. 5:5); и еще: "Обращайтесь к закону" (Ис. 8:20); и в другом месте: «Господь творит правду и суд... Он сынам Израилевым – показал дела Свои» (Пс. 102:6–7). А средостение существовало не для того, чтобы охранять, а для того, чтобы отделять их от Бога. Таково различие средостения от ограды. Показывая же, каково оно, и прибавляет: «упразднив вражду Плотью Своей, а закон заповедей учением» (Еф. 2:15). Каким образом? (Упразднил), прекратив и разрушив вражду (с Богом). И не этим только образом Он упразднил (закон), но и тем, что Сам сохранил его. Что же, спросишь ты, лишь только мы избавились от первого преступления, как снова принуждены сохранять закон? Это

конечно и было бы опять, (но дело в том, что Он) и самый закон уничтожил. «Упразднив ...закон заповедей, – говорит, – учением». О, человеколюбие! Он дал нам закон, чтобы мы сохранили его; потом, когда мы не сохранили его и за это должны были быть наказаны, Он и закон упразднил. (Это походит на то), как если бы кто, вверив своего ребенка воспитателю и потом заметив, что он не слушается, освободил и увел его от воспитателя. О, какое великое человеколюбие! Что значит: «упразднив ...учением»? (Апостол) полагает большое различие между заповедью (ἐντολή), ученьями (δόγματα). Учением он называет здесь или веру, потому что мы спасаемся только Верой, или определения (Божьего), подобные тому, о которых Христос изрек: «Ибо истинно говорю вам»: не гневайтесь совершенно (Мф. 5:18,22). Значит: если веруешь, что Бог воздвиг его из мертвых, – спасешься. И еще: «Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём» (Рим. 10:8).

3. «Не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо?.. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести» (Рим. 10:6–7). Вместо жизни Он ввел веру, чтобы не пропало даром дело спасения; сам принял наказание, а от них требует веры в догматы. «Дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека» (Еф.2:15). Видишь, язычник не сделался иудеем, но тот и другой пришли в новое состояние. Не для того Он упразднил закон, чтобы одного преобразовать в другого, а для того, чтобы воссоздать обоих. И хорошо (апостол) употребляет слово – «дабы создать»; он не сказал: переменить, – чтобы показать особенную силу этого действия, и то, что хотя это созидание совершалось видимым образом, но все же оно не меньше первого творения и наконец то, что нам не должно уклоняться от предметов естественных. «Дабы из двух, – говорит, – создать в Себе Самом», т. е. через Себя. Не поручил кому-нибудь иному; но сам Собою, предварительно как бы расплавив того и другого (т. е. эллина и иудея), создал одного дивного (т. е. христианина), сам сделавшись и первым творением этого рода, которое гораздо выше прежнего творения. «В Себе Самом» может значить также и то, что Он первый представил нам образец и пример (новой твари). При

этом занимая сам средину, Он одной рукой привлекает иудея, другой – эллина, и, смешав их, и уничтожив все, что отчуждало их между собою, преобразил свыше огнем и водой, не водой и землей, но водой и огнем. Преобразил и иудея, который был обрезан и находился под проклятием, и эллина, который находился вне закона, «в одного нового человека», высшего обоих – и иудея и эллина. "Устраивая мир" (Еф.2:15) и в отношении к Богу и в отношении друг к другу. Оставаясь иудеи иудеями, эллины эллинами, они никогда не соединились бы между собою; не оставляя своего собственного положения, как каждый из них мог бы придти в лучшее состояние? Иудей тогда лишь сближается с эллином, когда делается и верным. (Это походит на то), как если двое занимают внизу два отдельных помещения и вверху имеют одно общее, прекрасное и обширное: они до тех пор не могут видаться между собою, пока не поднимутся наверх.

"Устраивая мир" – преимущественно с Богом, как это видно из последующего. Что именно он говорит далее? «И в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста» (Еф.2:16). Не сказал: умирить (χαταλλάξῃ), но – «примирить» (ἀποχαταλλάξῃ), т. е. снова «примирить», показывая через это, что и прежде человеческое естество было способно к примирению (с Богом), как у святых еще до закона. «В одном теле», – говорит, – Своем "с Богом". Каким образом Он совершил это? Сам, говорит, понесши на кресте должное наказание. «Убив вражду на нем» (Еф.2:16); внушительнее и точнее этих выражений быть не может. Смерть Его, говорит (апостол), убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому Он поручил это дело, и не только сам действовал, но и страдал. Не сказал: разрешив, не сказал также: отняв, но употребил самое сильное выражение – "Убив", так что (вражда) никогда уже не восстанет. Да и как бы она могла восстать? Разве благодаря великой нашей злобе. А доколь мы пребудем в теле Христовом, доколь будем находиться в соединении с Ним, – она не восстанет, но будет лежать мертва. Собственно же говоря, она никогда не восстанет, и мы можем лишь произвести другую (вражду), но отнюдь уже не прежнюю, которая убита и

умерщвлена. И значит – ты уже породил эту другую (вражду). «Плотские помышления, – сказано, – суть вражда против Бога» (Рим.8:7). Если мы не будем мудрствовать ничего плотского, то этой новой (вражды) никогда не родится, а всегда будет "мир" (Еф.2:15).

4. Подумай только, как ужасно снова вступить нам во вражду с Богом после того, как Он так много сделал для нашего примирения, и действительно примирил нас! Эту (вражду) ожидает уже не купель крещения, но геенна, не прощение, но наказание. «Плотские помышления», это – невоздержание, объедение; «плотские помышления», это – лихоимство и всякий вообще грех. Почему называется плотским мудрованием? Ведь тело ничего не может сделать без души? (Апостол) не клеветает на плоть, как он не клеветает и на душу, когда говорит: «Душевный человек» (1Кор.2:14); но (он показывает этим), что ни тело, ни душа сами по себе, – если не получают помощи свыше, – не в состоянии совершить ничего великого и доблестного. Потому он называет душевным то, что душа сама собою делает; и плотским называет то, что тело само собою делает, – не потому впрочем, что все это – по природе (φυσικά), но потому, что, не получив охраны свыше, погибшим. Так и хорошие глаза, но без света, причиняют много бед; зависит же это не от природы их, а от слабости. Если бы все естественное было злом, тогда мы не должны бы были употреблять его даже на должное. Напротив, нет зла естественного. Что же именно называется мудрованиями плоти? Грехи. Когда она (плоть), возомнив о себе, захватывает власть над возницей, тогда производит бесчисленное множество зол. Добродетель плоти – повиноваться душе, напротив порок – властвовать над душой. Как хороший и крепконогий конь не обнаруживает достоинства, когда не повинуется вознице, так и плоть тогда лишь хороша, когда мы обуздываем ее порывы. Впрочем, и возница должен обладать знанием своего дела; а без знания и он наделает много бед. Знание везде необходимо. Дух, научающий этому, делая возницу сильнее, тем и душу, и тело украшает. Как душа, доколь она в теле, придает ему красоту, а когда душа перестает животворить тело и отлетает, тогда (происходит зрелище)

подобное тому, какое бывает, когда какой-либо живописец перемешивает свои краски, – именно является великое безобразие, каждый член стремится к тлению и разрушению, – точно такое же, или еще худшее и большее бывает безобразие, когда дух оставляет впусе душу и тело.

Итак, если тело ниже души, – ты не порочь его за это. Ведь и я берегусь, чтобы не порочить душу за то только, что она без духа ничего не может. Но если что нужно сказать, так это то, что душа достойна еще большего обвинения. Тело без души ничего не в состоянии было бы сделать дурного, а душа и без тела многое может сделать. Она многое делает и тогда, когда тело бывает истощено и кровь в нем уже не кипит. Это видим мы на чародеях, волхвах, на составителях зелий и на завистниках, у которых тело большей частью бывает истощено. Даже и объедение бывает не по нужде тела, а вследствие невнимательности души; для тела нужна пища, а не объедение. Если хочу крепче править лошадью, то взнуздываю ее; тело же не может принудить душу вдаться в пороки. Почему же (апостол) называет (грех) мудрованием плоти? Потому что он всецело принадлежит плоти. Когда она берет себе власть, когда пренебрегает внушениями ума и властью души, тогда грешит. И, значит, добродетель тела заключается именно в повиновении его душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Но может ли тело сделать что-нибудь само собою? По связи (доводов), тело если хорошо, то хорошо только в отношении к подчинению (душе); а само по себе оно ни хорошо, ни худо, способно и к тому и к другому, может склониться и на ту, и на другую сторону. Тело желает, но не блуда, или прелюбодеяния, а совокупления; тело желает, но не сластолюбия и обжорства, а пищи, не пьянства, а питья. Что пьянство не составляет пожелания тела, смотри: оно лишнего не удерживает (т. е. извергает назад), когда ты преступаешь меру и переходишь за границу тела. Подлинно, все остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит душе; особенно когда она делается плотской, и так сказать, одебелевает. Правда, и хорошее тело все же значительно ниже души; но, с другой стороны, как олово, хотя оно и ниже золота, все же нужно для

спайки (последнего), так точно и для души нужно тело. Или как дитя самое благородное нуждается однако же в воспитателе, так и душа нуждается в теле. Не удивляйся, что мы приводим такие примеры, говорим детские вещи, не применяясь к возрасту (слушателей): так именно о теле и должно говорить. Но можно, если захотим, и не быть в теле, – как можно не быть и на земле, – а пребывать на небе и в духе. «Быть где» – это выражение может быть употребляемо для означения не одного местопребывания, а также и состояния (душевного). О многих людях, бывших в известном месте, мы говорим, что они не были, выражаясь: такой-то не сюда приходил. И что я говорю это? Часто мы выражаемся: ты вне себя, или: я вне себя. Что для каждого может быть ближе и нераздельнее его самого? Между тем мы говорим, что он вне себя. Будем же в себе самих, в небе, в духе; пребудем в мире и в благодати Божьей, – чтобы, оставив все плотское, мы смогли достигнуть обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 6

Еф.2:17–22. И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким,

потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе.

Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу,

быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем,

на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе,

на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом.

О доблестях ап. Павла.

Не через другого кого-либо, говорит (апостол), Бог возвестил нам это, но собственно сам. Не послал для этого ни ангела, ни архангела, потому что исправить столько зол и возвестить о сделанном мог только Он сам, явившись на земле, и никто другой. Владыка принял на Себя должность слуги и почти раба, пришел и возвестил, говорит (апостол), «мир вам, дальним и близким», т. е. иудеям, которые сравнительно с нами были ближе (к Богу), и язычникам, которых, как чуждых заветов обетования, он называет дальними. «Потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе... примирить обоих с Богом» (Еф.2:16,18), – говорит, потому что (Христос) примирил нас (с Богом). Об этом сам Он говорил: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоан. 14:27); и в другом месте: «мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16:33); и еще: «Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю» (Иоан. 14:14); также: «ибо Сам Отец любит вас» (Иоан. 16:27). Все это признаки мира и для тех и для этих. Откуда же видно, что и для этих? «Потому что через Него (δι αὐτοῦ) и те и другие имеем доступ к Отцу, – сказано, – в одном Духе» (ἐν ἑνὶ Πνεύματι), не так, чтобы вы меньше, а они больше, но одной и той же благодати (удостоены). Вражду разрушил Он смертью, а любезными нас сделал Отцу через Духа. Вот, смотри, опять частицы: ἐν (в), διὰ

(через). Через Себя самого и через Духа Он привел нас к Богу. «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым». Видишь ли, что мы приписаны к городу не просто иудеев, но мужей великих своей святостью, каковы Авраам, Моисей и Илья, и в этом городе некогда явимся? «Ибо те, которые так говорят» (т. е. называвшие себя странниками и пришельцами), – сказано, – «показывают, что они ищут отечества» (Евр. 11:14); а вы уже сограждане святых, а не странники и не пришельцы. Пришельцы – те, которые не имеют получить небесных благ. "Сын, – сказано, – пребывает вечно» (Иоан. 8:35). «И свои Богу», – говорит (апостол). Что древние приобретали за столько трудов, то вам дарует благодать Божья. «Быв утверждены на основании Апостолов и пророков»: вот на чем утверждается упование (нашего) звания! Смотри, как (апостол) смешивает всех вместе: язычников, иудеев, апостолов, пророков, Христа; и, чтобы показать тесную связь между всеми ими, представляет их всех то телом, то зданием. «Быв утверждены, – говорит, – на основании Апостолов и пророков», т. е. апостолы и пророки служат основанием здания. Апостолов же ставит прежде, – хотя они были после пророков, – чтобы показать этим, что и те и другие одинаково служат основанием, что все составляет одно здание и имеет один корень. Но помни, что и язычники своим основанием имели патриархов. Представляя это под образом здания, апостол гораздо определеннее выражает (мысль о соединении язычников и иудеев), чем если бы подставил это под образом привития. Затем (апостол) присовокупляет: «имея Самого Иисуса Христа краеугольным *камнем*», показывая, что Христос все содержит, так как краеугольным камнем называется то, что поддерживает и стены и основания. «На Котором все здание». Заметь, как апостол соединяет это: иногда представляет Его свыше содержащим и властвующим над всем телом, иногда же снизу носящим на Себе все здание, – главным основанием. (Апостол) для того и сказал выше: «дабы ...создать ...одного нового человека» (Еф. 2:15), чтобы показать, что Он Собою собственно соединил обе стены здания, и, с другой стороны, что в Нем все воссозданы. "Рожденный, – сказано (о Нем), – прежде

всякой твари» (Кол. 1:15), т. е. Он все носит. «На котором все здание, слагаясь»: таким образом, на что бы ты ни указал, на кровлю ли, на стены ли, или на что другое, Он все носит. В другом месте он называет (Христа) основанием: «Ибо никто не может положить другого основания, – говорит, – кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Кор. 3:11). «На Котором (ἐν ψ), – говорит, – все здание, слагаясь». Здесь еще яснее оттеняет и показывает, что не иначе можно сделаться (храмом Божиим), как проводя жизнь со всем вниманием. «Возрастает, – говорит, – в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь». Очень часто (апостол) говорит о созидании: «в святой храм,.. в жилище Божие Духом». Для чего же происходило это созидание? Для того, чтобы в этом храме обитал сам Бог. Каждый из вас, и все вы вместе, есть храм, и обитает как в теле Христовом, обитает как в храме духовном. Поэтому (апостол) не сказал: вход, но: «имеем доступ» (Еф.2:18), т. е. не сами собою мы пришли, но приведены Им. "Никто, – сказал (Спаситель), – не приходит к Отцу, как только через Меня»; и в другом месте: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6). «Слагаясь стройно, возрастает в святой храм».

(Апостол) опять возвращается к прежде приведенному им примеру и соединяет их с (ветхозаветными) святыми, и (самых святых в свою очередь) не допускает разъединяться с Христом. Значит, домостроительство спасения нашего началось еще до пришествия (Христа); значит, имея это в виду, Павел и сказал: «как мудрый строитель, положил основание» (1Кор. 3:10), и в другом месте: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Кор. 3:11). Видишь ли, что примеры нужно понимать не просто, но должно отыскивать в них подразумеваемое? (Апостол) говорит здесь при помощи примеров, как и Христос, когда представлял Отца земледельцем, а Себя корнем. «Для сего-то я, Павел, сделался узником Иисуса Христа за вас язычников» (Еф.3:1). Прежде (апостол) говорил о великом промыслении Христовом, теперь же говорит о своем усердии, малом и ничтожном в сравнении с Его (промыслением), которое само по себе достаточно для приведения (к спасению). «Для сего-то я»,

– говорит, нахожусь в узах, потому что если Владыка мой претерпел за вас распятие, то тем более я должен потерпеть узы. Не только сам Он был связан, но благоволил, чтобы и рабы Его потерпели за вас – язычников – узы. Великий смысл (заключается в этих словах): не только мы не отвращаемся вас, говорит он, а еще терпим за вас узы, и я, между прочим, удостоился такой милости. «Как вы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне для вас» (Еф.3:2). Здесь (апостол) намекает на предсказание, возведенное о нем Анании в Дамаске, когда (Господь) сказал: «иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями» (Деян.9:15). Смотрением благодати Он называет именно это откровение. Смысл следующий: не от человека я узнал; Он удостоил меня, когда я был один, откровения относительно вас, потому что сам Он сказал мне: «иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам» (Деян.22:21). И справедливо (апостол) назвал это смотрением; подлинно, великое было смотрение, когда тот, кого нельзя было убедить никаким образом, призывается свыше, словами: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян.9:4), и при этом теряет зрение от неизреченного света. «Потому что, – говорит, – мне через откровение возвещена тайна (о чем я и выше писал кратко)» (Еф.3:3). Может быть, он объявил им об этом через кого-нибудь, а может быть немного прежде и сам писал им. Здесь показывает он, что все от Бога, что мы от себя ничего не привносим. В самом деле, скажи мне, сам Павел, – великий и дивный Павел, сведущий в законе, воспитанный со тщанием при ногах Гамалиила, – разве не благодатью спасен? Справедливо (апостол) называет это и тайной; подлинно тайна, каким образом язычники вдруг приведены в большее благородство, чем каково было благородство иудеев. «О чем я и выше, – говорит, – писал кратко», т. е. кратко, «то вы, читая, можете усмотреть» (Еф.3:3–4); итак – увы – он не обо всем писал и не обо всем том даже, о чем нужно было писать. Впрочем здесь это зависело от свойства обстоятельств, тогда как в других случаях, как например, в отношении к евреям, к коринфянам, это зависело от их пороков. «То вы, читая, –

говорит, – можете усмотреть мое разумение тайны Христовой» (Еф.3:4), т. е. (можете узнать) как я понял и как уразумел, или вообще откровение Божье, или собственно ту истину, что Он (Сын) сидит одесную (Отца). Потом (апостол) указывает на особое преимущество, говоря, что не со всяким народом Бог так поступал. Какой же это народ, для которого Бог сделал так много? (Апостол) показывает это, говоря: «которая не была возведена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым» (Еф.3:5).

Итак, скажи мне, неужели чего-нибудь не знали пророки? Каким же образом после этого Христос сказал, что Моисей и пророки писали это обо Мне? И в другом месте: «Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне» (Иоан. 5:46). И еще: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют обо Мне" (Иоан. 5:39). (Апостол) говоря это, указывает или на то, что не всем людям было открыто, потому что прибавляет: «Которая не была возведена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта», или на то, что это не так обнаружилось в их делах и поступках: «которая не была возведена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта». Подумай и в самом деле: Петр не пошел бы к язычникам, если бы не услышал указания от Духа. Вот послушай, что он говорит: «Итак, если Бог дал им» Духа Святого, "как и нам" (Деян. 11:17). Слова (апостола Павла): «Духом Святым» (ἐν Πνεύματι) значат то, что Бог через Св. Духа удостоил их участия в благодати. Говорили об этом и пророки, но (люди) никогда бы с такой ясностью не узнали этого, как узнали, услышав апостолов, которые превзошли всякий человеческий ум и общие ожидания. «Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками» (Еф.3:6).

Что значит – быть сонаследниками, сопричастниками обетования и телесниками? Значение этих слов высоко: они означают то, что (язычники и иудеи) соединены в одно тело, в тесный союз. Что (язычники) будут призваны, это известно было и прежде; но что к этому именно они будут призваны, никто не

знал. Потому-то (апостол) и называет это «тайной обетования». Израильтяне и прежде были причастниками обетования Божьи; теперь сопричастниками сделаны и язычники. «Во Христе Иисусе посредством благовествования» (Еф.3:6), т. е. (язычники сделались сопричастниками обетования) через то, что к ним посланы были (благовестники), и они им поверили. Итак, не просто (сделались сопричастниками обетования), но через благовествование. Впрочем, это еще не велико и не важно; (апостол) открывает нам большее и важнейшее, именно, что не только люди, но ни ангелы, ни архангелы, ни иная какая сотворенная сила не знали этого. Это было вполне тайной, никому неизвестной. "Усмотреть, – говорит, – мое разумение» (Еф.3:4). Быть может, этими словами (апостол) намекает на то, о чем сказал им в Деяниях, на некоторое его убеждение в том, что и язычники должны быть призваны; такое разумение тайны он выразил выше, сказав, что (Христос) «дабы из двух создать ...одного нового человека» (Еф.2:15). И он, и Петр через откровение были научены, что не должно отвращаться язычников; (об откровении же) он говорит с целью защитить себя. «Которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его» (Еф.3:7). Сказав, что он (за язычников) терпит узы, (апостол) снова относит все к Богу, говоря: «по дару благодати Божией», – так как по силе этого дара он удостоен этой чести. Но дар был бы недостаточен, если бы вместе с ним не влагалась и сила (Божья).

Поистине (для благовествования) недостаточно одного человеческого усердия, а нужна высшая сила. (Апостол) внес в дело своего благовестия следующие три качества: пылкую и неустрашимую ревность, душу, готовую претерпеть решительно все, разум и мудрость. Но недостаточно было бы отваги, недостаточно было бы безукоризненной жизни, если бы он не получил силы Духа. Для этого посмотри на него самого, или лучше послушай, что он пишет: «чтобы не было порицаемо наше служение» (2Кор. 6:3); еще: «Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства; ни видов корысти» (1Фес. 2:3,5). Видишь ли, как беспорочно (служение

апостольское)? И еще: «пекитесь о добром перед всеми» людьми, а не пред лицом только Господа (Рим. 12:17). Затем обрати внимание на следующие слова: «Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалю вашей, братия, которую я имею во Христе Иисусе» (1Кор. 15:31); и еще: «Кто отлучит нас от любви Христовой? скорбь, или теснота, или гонение» (Рим. 8:35)? еще: «в великом терпении, в бедствиях, в гонениях, в нуждах, в тесных обстоятельствах» (2Кор. 6:4). Потом касательно своего благоразумия он говорит: «для Иудеев я был как Иудей,.. для подзаконных был как подзаконный,.. для чуждых закона – как чуждый закона» (1Кор. 9:20–21). Подвергает себя опасностям и творит бесчисленные (подвиги). Но, что самое главное, в нем всегда действовала сила святого Духа. «Ибо не осмелюсь, – говорит он, – сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня» (Рим. 15:18); еще: «Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами?» (2Кор. 12:13) Еще: «ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто» (2Кор. 12:11). Без этих качеств он не мог бы (иметь успеха). Итак, не через знамение он обращал к вере, не чудеса его были причиной того, и не ими он хвалился, и другими (своими качествами). (Благовестник) должен быть безукоризненным по жизни, и мудрым, и готовым на все опасности, и учительным; эти качества преимущественно и отличали его действия. Если бы и у нас были они, то не нужно было бы и чудес. Вот мы видим, что он прежде, чем совершил какое-либо знамение, уже сделал бесчисленные подвиги этого рода. А мы теперь, не имея ни одного из этих качеств, хотим между тем, чтобы все нам повиновалось. Впрочем, если бы даже и были в нас эти качества, но не все, то нам они не принесли бы пользы. Что, в самом деле, пользы в твоей готовности терпеть опасности, если жизнь твоя подает повод к нареканиям? «Итак, если свет, который в тебе, тьма, – сказал (Спаситель), – то какова же тьма?» (Мф. 6:23). Какую пользу принесет жизнь самая безукоризненная, если ты беспечен и сонлив? «И кто не берет креста своего и следует за Мною, – говорит (Спаситель), – тот не достоин Меня» (Мф. 10:38). (Тот не добрый пастырь) кто не положит душу свою за овцы (Иоан.

10:11). Какая будет польза от обоих этих качеств, если не будет при них мудрости, чтобы знать, как ответить каждому? Если знамений и нет в наше время, то эти качества должны быть. Впрочем (апостол), показавши эти свои качества, все приписывает благодати: это признак благодарного раба. И мы никогда бы не узнали о его подвигах, если бы обстоятельства не поставили его в необходимость (говорить о них). После этого достойны ли мы хоть вспоминать Павла? Он, имея благодать, споспешествовавшую ему, не думал однако же, что этого уже и достаточно, но сам себя подвергал тысячам опасностей; мы же, не имеющие такого дерзновения, из какого, скажи мне, источника почерпнем надежды, что сохраним души, вверенные нашему попечению, и что привлечем не вошедших еще (в Церковь)? (Каким образом можем надеяться на это мы) люди, которые заботимся только об удовольствиях, ищем всегда одного только – покоя, не можем, или лучше, не хотим подвергаться опасностям даже во сне, которые по мудрости так же далеко отстоим (от Павла), как небо от земли? Потому-то и пасомые нами так много ниже тогдашних. Тогдашние ученики были лучше теперешних учителей: среди народа и тиранов им грозили, у них везде были враги, и, однако, ничто не могло преклонить и поколебать их хотя бы на короткое время.

Послушай, что говорит (апостол) в послании к Филиппийцам: «потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп.1:29). И еще в послании к Фессалоникийцам: «Ибо... вы сделали подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее» (1Сол.2:14). И в послании к Евреям он пишет: «и расхищение имения вашего приняли с радостью» (Евр.10:34). О колоссянах в послании к ним свидетельствует следующее: «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол.3:3); и о других многих опасностях, которым они подвергались, он оставил свидетельство. К галатам писал он: «Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!» (Гал.3:4). Видишь ли, тогда все о том только и думали, чтобы совершать доброе. Потому-то тогда и благодать действовала с такой силою; потому-то тогда и жизнь проводили в подвигах. Но

послушай, что он пишет к коринфянам, которых он обвинял в бесчисленных преступлениях. Не с похвалою ли он отзывается и о них, говоря об их "усердии и желании» (2Кор. 7:11)? Между тем, и того, что он хвалит в коринфянах, никто не заметит даже в учителях настоящего времени. Итак, все погибло и пропало. Причина же этого в том, что охладела любовь, и что согрешающие не несут должного наказания. Послушай, что он писал к Тимофею: «Согрешающих обличай перед всеми» (1Тим. 5:20), – а ныне (грехами) страдают начальники. А когда голова нездорова, может ли быть здоровым остальное тело? Притом посмотри, какой теперь неестественный порядок в деле. Правильно живущие и как-нибудь сохранившие еще дерзновение (к Богу) занимают вершины гор, – они удалились из среды нас, как общества чуждого им и враждебного, а не родственного. Беззаконники же, обремененные тысячей преступлений, вторглись в Церковь; откупщики сделались настоятелями. Отсюда происходят тысячи зол, и нет никого, кто бы исправил, кто бы вразумил. Напротив, это бесчиние получило некоторый законный вид и свободно распространяется. Согрешил ли кто и обвиняется? Таковой не о том старается, чтобы доказать свою невинность, а о том, как бы найти сообщников для своих преступлений. О, с каким ужасом представляю себе, что угрожает нам геенна! Поверьте мне, если бы Бог не готовил нам наказания там, мы видели бы каждый день страшные зрелища, ужаснее бед, перенесенных иудейским народом. Что в самом деле творится у нас? Впрочем, никто не сердись: я никого не назову по имени. Если бы кто-нибудь, придя в церковь и став посреди вас, находящихся теперь с нами, произвел испытание, или даже не теперь это сделал, а в день св. пасхи, – захотел бы тщательно испытать всех, пришедших сюда и приготовившихся приступить к тайнам, – захотел, говорю, испытать для того, чтобы узнать подробно все, содеянное ими, – то сколько бы он нашел зол, гораздо более тяжких, чем беззакония иудеев? Он нашел бы гадающих по полету и крику птиц, прибегающих к чарам, к наговорам и припевам, нашел бы блудников, прелюбодеев, пьяниц и хулителей. Я не хочу уже упоминать о любостяжателях, чтобы

не коснуться кого-либо из здесь стоящих. Что же после этого, если бы кто-нибудь исследовал всех, приходящих в храмы целой вселенной, – какого преступления он не встретил бы? Он увидел бы начальников жадных до денег, увидел бы, что должности приобретены ими через куплю, увидел бы между ними много завистливых, склонных к клевете, тщеславных, преданных ненасытному корыстолюбию, раболепствующих деньгам. При столь великом нечестии можно ожидать всякого зла. И чтобы вам узнать, какого наказания заслуживают преданные этим грехам, припомните древние события.

Один воин украл часть священных сокровищ, – и стали погибать все. Вы знаете, без сомнения, эту историю? Я говорю об Хармии, укравшем часть военной добычи, посвященную Богу (Нав.7). Некогда пророк говорил, что страна их исполнена волхований, как будто страна чужеземная (Ис. 2:6). Теперь же все и везде исполнено зла, и никто не страшится! Между тем следовало бы страшиться: Бог наказывает и праведных вместе с нечестивыми, как это было с Даниилом, с тремя отроками, как это было со многими другими, как, наконец, случается и ныне на войнах. Праведные через эти бедствия, ниспосылаемые на них свыше, свергают с себя ту тяжесть грехов, какую они имеют; нечестивые же – нет. Вследствие всего этого будем внимательны к самим себе. Не видите разве браней? Не слышите разве о бедствиях? Или вас ничто это уже не вразумляет? Народы и целые города погибли и разрушены; тысячи попались в рабство к варварам. Если геенна не вразумляет вас, вразумитесь хоть этими бедствиями. Может быть, вы думаете, что это не прещения (Божьи), что это просто обыкновенные события? Погибшие понесли великое наказание; но мы понесем еще большее, если не образумимся при виде стольких бедствий. Знаю, жестоки мои слова; но если вы вникнете в них, они принесут пользу. Хотя сказанное, конечно, не преподает вам благодати, – этого никогда и ждать нельзя, – но оно всегда в состоянии смирить и вразумить душу. А это послужит залогом будущих благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа,

с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

## Беседа 7

Еф.3:8–11. Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово

и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом,

дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия,

по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем.

Обилие смиренномудрия ап. Павла. – Как должно любить врагов.

Кто посещает лечебницу, посещает ее не просто, но с тем намерением, чтобы научиться врачеванию и употреблению лекарств. Так и мы, собравшись здесь, не просто собрались, но чтобы познать обилие смиренномудрия Павла. Что именно? Намереваясь сказать о величии благодати Божьей, послушай, что он говорит: «Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия». Выказал он смиренномудрие и тем, что оплакивал прежние грехи, уже исправленные, помнил об них, и был скромн до того, что называл себя хульником, гонителем и обидчиком; но с тем (что он говорит теперь) ничего и сравнить нельзя. Прежде, говорит, я был таким-то, и называет себя извергом; но когда теперь, совершенно исправившись, все еще унижает себя и называет себя меньше всех, – это подлинно великая и необыкновенная скромность. «Мне, наименьшему из всех святых». Не сказал: (меньшему) апостолов, – так что употребил выражение уничиженнее этого последнего. В ином месте он сказал: «и я недостоин называться Апостолом» (1Кор. 15:9); здесь же называет себя даже меньшим всех святых: "Мне, – говорит, – наименьшему из всех святых, дана благодать сия». Какая? «Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство

тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия». Пусть это не было открыто людям, – но неужели ты просвещаешь и ангелов, и архангелов, и начала, и власти? Просвещаю, говорит, потому что в Боге было это сокрыто, в Боге, «создавшем все Иисусом». И ты дерзаешь это сказать? Да, дерзаю, – говорит. Но как же это сделалось известным ангелам? Через Церковь. И притом не просто сказал: да (скажется) различная премудрость Божья, но – «многоразличная». Итак что же? В самом деле, ангелы не знали ее? Вовсе не знали: если начала не знали, то тем более ангелы не знали. Что же, не знали и архангелы? Не знали и они: откуда они могли узнать? Кто мог им открыть? Когда узнали мы, тогда узнали и они через нас. Послушай, что ангел говорит Иосифу: «наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф.1:21). Он (Павел) был послан к язычникам, а те (другие апостолы) – к обрезанным. Потому-то особенно удивительны и поразительны его слова: «Мне, наименьшему... дана». Но и это было делом благодати, что меньшему были поручены истины величайшие, что он был их благовестником, – ведь сделавшийся благовестником величайшего через это становится велик и сам. «Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово». Если богатство (Христа) остается неисследованным даже и после Его явления, то тем более неисследованно существо Его. Если и теперь еще есть здесь тайна, то тем более была она прежде, нежели узнали ее. Тайной же называете это (богатство любви Христовой) потому, что оно не было известно ни ангелам, ни кому другому. «И открыть всем, – говорит, – в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом». Ангелы знали только то, что «ибо часть Господа народ Его» (Втор. 32:9). Притом же в другом месте сказано: «князь царства Персидского стоял против меня» (Дан. 10:13). Потому неудивительно, если они не знали этого. Если не знали того, что касалось возвращения (израильтян), то тем более они не могли знать этого (богатства любви Христовой),

так как оно открылось через евангелие. Он, – говорит, – спасет Своих людей Израиля. Здесь ничего не говорится о язычниках; но о них открывает Дух. О призвании их было известно, но что при этом они воссядут и на престоле Божьем, этого кто мог ожидать, кто мог этому поверить? «Сокрывавшейся, – говорит, – в Боге». Впрочем это «домостроительство» (о спасении язычников) яснее раскрывает в послании к Римлянам. "в Боге, – говорит, – создавшем все Иисусом Христом». Хорошо он сделал, что, вспоминая о творении, сказал: «Иисусом Христом». Ведь сотворивший все через Него и это открывает через Него: "и без Него, – сказано, – ничто не начало быть» (Иоан. 1:3). Сказавши о началах и о властях, сказал и о горнем и о дольном. «От вечности». Ныне, говорит, совершилось, но не ныне определено, а предначертано издревле. «от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом», – т. е., по предведению веков, наперед зная будущее, грядущие века, потому что он знал, что будет, и согласно с тем определил. «от вечности», – конечно тех, которые сотворил Иисусом Христом, потому что через Христа «Все ...начало быть» (Иоан. 1:3). «В Котором мы имеем, – говорит, – дерзновение и надежный доступ через веру в Него» (Еф.3:12). Не как пленники, говорит, мы приведены, не как удостоенные прощения, не как согрешившие: "мы имеем, – говорит, – дерзновение и надежный доступ через веру», т. е. со смелостью (надеемся). Почему же так? По вере в Него. «Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава» (Еф.3:13). Почему же о них? И почему (скорби его) составляют их славу? Потому что Бог так возлюбил их, что отдал за них Сына, и предал на страдания Своих рабов (апостолов). В самом деле, и Павел был в узах для того, чтобы они получили такие блага. Так велика к ним любовь Божья! Тоже говорит Бог и о пророках: «бил их словами уст Моих» (Ос. 6:5). Как же они "унывали», когда другой скорбел? Это значит, что они приходили в страх, смущались. Об этом он пишет и Фессалоникийцам, говоря: «чтобы никто не поколебался в скорбях сих» (1Сол.3:3). Должно не только не скорбеть, но и радоваться. Впрочем, если вас может утешить предсказание, то предсказываем вам, что мы

здесь испытаем скорби. Почему же? Потому что так повелел Владыка. «Для сего преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф.3:14–15). Здесь (апостол) показывает отличительную черту своей молитвы за них. Не сказал просто: «молю», но сказал: «преклоняю колени мои», и тем выразил свое усиленное моление о них. «От Которого именуется всякое отечество». Уже не говорит (об отечестве, которое было разделено) «по числу сынов Израилевых» (Втор.32:8), но о Том, Кто сотворил и горние, и дольные колена, – не такие, каковы иудейские. «Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верой вселиться Христу в сердца ваши» (Еф.3:16–17). Смотри, с какой ненасытностью просит им благ для того, чтобы они не колебались. А каким образом это совершается? «Духом Его во внутреннем человеке вашем верой вселиться Христу в сердца ваши». Как именно? «Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову» (Еф.3:18–19).

О чем молился (апостол) вначале, о том и теперь. О чем же он говорил вначале? «чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его» (Еф.1:17–19). И теперь говорит тоже самое: «чтобы вы ...могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота», т. е. (да сможете) с точностью познать тайну домостроительства нашего спасения. Широтой и долготой и глубиной и высотой он называет познание богатства любви Божьей, – того, как она повсюду распространилась. Описывает же ее телесными чертами, приспособляясь к понятиям человеческим; (для того и говорит) что она обняла и верхнее и нижнее и находящееся по сторонам. Мы сказали, говорит, что этому может научить не наше слово, а

Святой Дух. Ним "крепко, – говорит, – утвердиться» против искушений и обольщений, – потому что не иначе можно утвердиться в добре, как через испытания и при помощи благодати Божьей. А о том, каким образом Христос обитает в сердцах, послушай, что говорит Он сам: Я «и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Иоан. 14:23). Обитает же не просто, но в сердцах верующих, которые утверждены и не колеблются в любви к Нему. «чтобы вы могли», – говорит, – т. е. нужно много силы. А для чего нужна эта сила, объясняя это, прибавляет: «чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всей полнотою Божиею» (Еф.3:18–19). Это значит: хотя любовь Христова и выше всякого человеческого познания, однако вы познаете ее, если в вас будет обитать Христос, – и не только познаете, но «дабы вам исполниться всей полнотою Божиею». Под исполнением же Божьим он или понимает познание того, как во Отце и Сыне и Св. Духе воздается поклонение Богу, или побуждает к тем подвигам, через которые можно было бы исполниться таких добродетелей, какими исполнен Бог. «А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем» (Еф.3:20). Хорошо сказал: "силою", потому что силе свойственно получать то, чего мы никогда и не ожидали. А что (Бог) делает для нас более, чем мы «просим или ...помышляем», это видно из написанного самим (апостолом). Я, – говорит он, – молюсь; а Он и без моей молитвы сделает больше наших прошений, – и не просто только больше или обильнее, но «несравненно больше всего», – выражение, которое показывает особенную великость дара. Откуда же это видно? Из силы, говорит, действующей в нас, – потому что мы никогда этого не просили и не ожидали. «Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь» (Еф.3:21). Хорошо сделал (апостол), что заключил свое слово молитвой и славословием: должно прославлять и благословлять Даровавшего нам такие блага. Достойно

удивления также и то, что за дары, полученные нами от Бога, славит (Его) во Христе Иисусе. Хорошо сказано и это: «Тому слава в Церкви», – потому что известно, что Церковь будет существовать всегда. А так как она всегда пребывает, то (апостол) хочет, чтобы и мы прославляли Бога до окончания мира, – что и объяснил он, сказавши: «во все роды». Необходимо сказать еще, что такое – отечествия (πατρίαι)? Здесь (на земле) под словом отечествия (поколения) разумеются роды; но каким образом будут роды на небе, где никто не родится один от другого? Вероятно (апостол) называет здесь отечествами небесные сонмы, так как и в Писании поколение Мерарино называется сонмом (Числ. 4:33). Не всего (апостол) просит от Бога, но требует и от них веры и любви, и не просто любви, но любви, вкоренившейся в нас и твердой, такой любви, которой бы и ветры не поколебали, и иное что не разрушило. (Апостол) сказал, что скорби составляют славу; если же таковы мои скорби, тем более таковы ваши собственные.

Итак, скорби еще не служат признаком того, будто мы оставлены (Богом): явивший к нам такую благодать, конечно, не оставит нас. Если же (апостолу) Павлу нужна была молитва и помощь Духа для того, чтобы он мог узнать любовь Божью, то кто после этого познает существо Христово, руководясь одними умствованиями? А разве, в самом деле, так трудно познать, что Бог любит нас? Очень трудно, возлюбленный! Одни не знают даже и этого – отчего, как говорят, и случаются в мире тысячи зол, – а другие не знают меры (этой любви). Павел не отыскивает этой меры и не хочет измерять ее (любовь); да и как бы он мог это сделать? Но говорит, что превосходное и великое дело познать (богатство любви), и что он это самое может доказать познанием, которого мы удостоились. Что выше того, чтобы "крепко" и «утвердиться» иметь в себе Христа? Многого, говорит, мы и просим (у Бога); но Он может сделать для нас гораздо больше, нежели сколько мы просим, – чтобы мы не только любили Его, но и сильно любили. Постараемся же, возлюбленные, познать любовь Божью. Это важно для нас: ничто другое не приносит нам столько пользы, ничто столько не

возвышает нас. Познание этой любви может действовать на души более, чем страх геенны. Откуда же мы ее узнаем? И из сказанного, и из того, что каждодневно совершается. Для чего, в самом деле, сотворено все это? Для какой нужды? Ни для какой. Причина бытия и горних и дольних существ – одна любовь (Божья). Но особенно эта любовь видна из того, что Он благоденствует людям, сам наперед ничего не получив от них. Потому, в подражание Ему, будем и мы благоденствовать врагам, – не отвергнем тех, кто ненавидит нас и отвращается от нас. Это уподобляет нас Богу. Если, сказано, ты любишь любящего, какая польза? Это и язычники делают (Мф.5:46–47). Но, что служит признаком истинной любви? Любовь к ненавидящему. Я хочу привести пример, и, – простите мне, – не находя его в области предметов духовных, заимствую его из плотской жизни. Не видите ли вы любовников? Сколько они терпят от любовниц обид, сколько коварства, сколько вреда, как бывают мучимы и иссушаемы ими, – и, тем не менее, они любят их более своей души, проводя ночи у дверей их. Научимся этим примером, конечно, не тому, чтобы любить этих распутных женщин, но чтобы так любить врагов. В самом деле, скажи мне, не хуже ли всех врагов поступают (любовницы с пристрастившимися к ним)? Не расточают ли они их имущества, не наносят ли им личных оскорблений и не повелевают ли ими с большей властью, чем своими рабами? Однако (любовники) не отстают от них. И никто не имеет такого врага, какого имеет любовник в своей любовнице, потому что любовница и гордится им, и бесчестит его, и часто злоупотребляет им, и поступает с ним тем презрительнее, чем более бывает любима им. Что звероподобнее души с таким настроением? Однако любят (любовники своих любовниц). Впрочем, сейчас найдем такую любовь и у духовных (людей), – не нынешних, потому что ныне она охладела, – а у древних, великих и дивных мужей.

Блаженный Моисей превзошел и тех, которые имеют страстную любовь. Как и каким образом? Во-первых, покинув царский двор с его роскошью, почести и славу, он предпочел лучше быть с израильтянами. А этого другой не только не сделал бы, напротив покраснел бы, если бы кто уличил его в

родстве не только с рабами, но и с людьми, которых считают за преступников. Он же не только не устыдился родства, но и показал себя самым ревностным защитником (израильтян) и за них сам подвергся опасности. Как? Видя, сказано, что один обижает другого, он защитил обижаемого и убил обидчика. Но это еще он сделал не для врагов. Правда, велик и этот поступок, но не так, как то, что после случилось. На другой день он увидел тоже самое, и видя, что обижает тот, за которого он отомстил (вчера), убеждал его не делать обиды. А этот человек, по своей крайней непризнательности, и говорит (ему): «кто поставил тебя начальником и судьей над нами?» (Исх. 2:14)? Кого не раздражили бы такие слова? Если бы прежнее дело было совершено под влиянием гнева и безрассудной раздражительности, то и этого человека (Моисей) убил бы. Тот, для которого это было бы сделано, не донес бы на него. Но он, – говорит (Писание), – сказал так потому, что они были в родстве между собою; напротив, будучи сам обижаем, не говорит ничего такого: «кто поставил тебя начальником и судьей над нами?» Почему же ты не говорил так вчера? Обида, нанесенная тобою, и твоя жестокость и поставили меня князем и судьей. Но, заметь, ныне некоторые говорят это и Богу. Они желают, чтобы (Бог) был жесток к тем, которые их обижают, и обвиняют Его в долготерпении к ним, – хотя сами, обижая других, этого не делают. Что оскорбительнее таких слов? Однако, и после этого, когда был посылаем к непризнательным и неблагодарным, (Моисей) пошел и не отказался. Мало того; когда после знамений и чудес, совершенных им, намеревались побить его камнями, и он избегал рук их, – оставаясь однако же, предметом постоянного их ропота, – (пророк) любил их такой любовью, что, после совершения народом известного тяжкого греха, говорил Богу: «прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32:32). Лучше желаю, говорит, с ними погибнуть, чем без них спастись. Вот поистине – не рассуждающая, какая-то страстная любовь! И что ты говоришь? Ты не дорожишь небом? Не дорожу, говорит, потому что люблю согрешивших. Хочешь быть изглаженным? Как же и быть иначе? Я люблю, говорит. Между тем, что

последовало далее? Послушай, что говорит Писание в другом месте: и озлоблен быть Моисей их ради «и Моисей потерпел за них» (Пс. 105:32). Сколько раз они оскорбляли его! Сколько раз оставляли и его и его брата! Сколько раз хотели возвратиться в Египет! И после всего этого он горел и пламенел (любовью), и готов был пострадать за них. Так должно любить врагов! Подвергаясь их нападениям, мучениям, терпя от них лишения, должно желать им спасения. Да и Павел, скажи мне, не желал ли быть ввергнутым в геенну, вместо них (израильтян)? Но нельзя при этом не привести в пример и самого Владыку, – как Он поступил, когда сказал: «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми» (Мф.5:45). Он (Спаситель наш) приводит в пример Отца; а мы приведем Его – Христа. Он пришел к нам, – разумею Его домостроительство, – сделался рабом ради нас, смирил Себя, истощил, принял зрак раба; придя (на землю), хотя сам не пошел на путь языков, но повелел это ученикам, и не только это сделал, но и обходил (различные места), врачуя всякую болезнь и всякую немощь.

Что же? Все дивились, и в недоумении говорили: «откуда же у Него все это?» (Мф. 13:56)? А те, которые получили от Него благодеяния, говорили: «Он одержим бесом» (Иоан. 10:20), Он хульник, безумец и обманщик (Мф.9:3, 27:63). Что же, отогнал ли Он их от Себя? Нет; напротив, слыша это, благодетельствовал еще более, шел к тем, которые намерены были распять Его, как будто им-то Он и должен был послужить во спасение. И будучи распят, что Он говорил? «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). И прежде, и после того терпя зло, Он до последнего издыхания все делал для них и молился за них. И после распятия чего не совершил для них? Не послал ли апостолов? Не явил ли знамений? Не поколебал ли и земли, для них? Так должно любить врагов из подражания Христу! Так поступал и Павел: побиваемый камнями, претерпевая тысячи страданий, все делал для них (врагов своих). Послушай, что он говорит: «желание моего сердца и молитва к Богу ...во спасение» (Рим.10:1); и еще: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге» (Рим. 10:2); и опять: «Если ...ты, дикая маслина, привился на место их и стал

общником корня и сока маслины» (Рим. 11:17). С какой нежной любовью говорит он эти слова, с каким благорасположением? Этого невозможно и высказать, поистине невозможно! Так должно любить врагов. Любовь к врагам есть любовь к Богу, даровавшему заповеди и законы, есть подражание Ему. Знай же, что, оказывая благодеяния врагам, ты благотворишь не им, а себе, не их любишь, а повинуешься Богу. Итак, зная это, утвердимся во взаимной любви, чтобы, в точности выполнив ее, получить обещанные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 8

Еф.4:1–2. Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны,

со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью.

Быть узником за Христа славнее сидения одесную Его. – Страдание за Христа выше всех благ. – О страже темницы, в которую заключен был Павел. – Почему попустил Бог погибнуть тем, которые стерегли Петра в темнице. – Оковы и страдания послужили к прославлению Павла. – Против одержимых жадностью и любостыжанием. – О трех отроках.

Достоинство учителей состоит не в том, чтобы стараться о приобретении чести и славы у своих учеников, но в том, чтобы вести их ко спасению, и все свои действия направлять к этой цели. Если бы какой учитель заботился только о первом (своей чести и славе), – он был бы не учителем, а тираном. И Бог поставил тебя над ними не для того, чтобы ты наслаждался большим почетом, но для того, чтобы, забывая себя, помышлял только о том, что относится к ним. Таков долг учителя. Таким был блаженный Павел; он был чужд всякой гордости и вел себя наравне с другими, – даже так, как будто он был меньше других: называл себя их рабом, и очень много наставлений преподавал в виде просьбы. Вот, смотри, и теперь пишет не повелительным, не властным тоном, а кротко и смиренно: «Итак я, узник в Господе, умоляю вас, – говорит, – поступать достойно звания, в которое вы призваны». Скажи мне, для чего ты просишь? Для того ли, чтобы тебе самому получить что-нибудь? Нет, говорит, а для того, чтобы спасти других. Но кто просит, тот просит о полезном для него самого? И мне это полезно, говорит, как я и написал об этом в другом месте: «ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе» (1Фес. 3:8). Так всегда сильно желал спасения ученикам своим! «Итак я, узник в Господе». Подлинно, великая и важная честь (быть в узах ради Господа), – она выше и царского, и консульского, и всякого другого достоинства.

Об этом же (узах своих) говорит и в послании к Филимону: «как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа» (Флм. 1:9). В самом деле, нет ничего так славного, как узы ради Христа, как оковы, возложенные на эти священные руки. Быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником. Кто любит Христа, тот понимает эти слова. Кто неудержимо стремится к Владыке и горит любовью к Нему, тот знает силу уз. Павел предпочел бы узничество ради Христа жизни на небесах. Его (скованные) руки для них (учеников его) казались светлее всякого золота, всякого царского венца. Не столько блестит на голове повязка с драгоценными камнями, сколько железные оковы ради Христа. Тогда темница бывает светлее царских чертогов. Что говорю – царских? Светлее и самого неба, потому что содержит в себе узника Христова. Кто любит Христа, тот знает это достоинство, знает эту добродетель, знает, сколько благ принесло роду человеческому узничество ради Него. Быть может, узы ради Него славнее сидения одесную Его, досточтимее восседания на двенадцати престолах. И что сказать мне (после этого) о человеческих (благах)? Стыжусь сравнивать богатство и золотое украшение с узами. Но, переставши говорить о величии уз, (скажу), что если бы узы ради Христа ничем не награждались, то все же велика была бы награда, достаточно воздаяние уже в том одном, что эти страдания претерпеваются ради любимого. Слова эти понятны любящим, если не Бога, то людей, – тем, которые более радуются, терпя страдания ради своих возлюбленных, чем получая от них почести. Понятны они были и священному сонму апостольскому. В самом деле, послушай, что говорит блаженный Лука: «Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Христа удостоились принять бесчестие» (Деян. 5:41). Иным кажется смешно – бесчестие считать достоинством и обращать в предмет радости. Но знающие Христову любовь считают это (бесчестие) выше всякого блаженства. Если бы кто давал мне или все небо, или эти оковы, я предпочел бы их. Если бы кто хотел поместить меня или в горних с ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я избрал бы темницу. Если бы кто делал меня одной из тех сил, которые окружают небо и престол

(Божий), или таким узником, я предпочел бы сделаться этим узником. И справедливо, нет ничего блаженнее этих оков. Я желал бы теперь быть в тех местах, где, говорят, еще хранятся эти узы, посмотреть их и подивиться людям, имевшим столь сильную любовь к Христу. Я желал бы видеть оковы, которых ужасаются и трепещут демоны, которые почитаются ангелами. Нет ничего лучше злострадания ради Христа. Я не столько ублажаю Павла за то, что он был восхищен в рай, сколько за то, что был ввергнут в темницу. Не столько ублажаю его за то, что слышал неизреченные глаголы, сколько за то, что был в узах. Не столько ублажаю его за то, что восхищен был на третье небо, сколько – за узы. А что узы больше всего этого, он знал это и сам. Вот послушай: он не сказал: молю вас аз, слышавший неизреченные глаголы. А что? «Итак я, узник в Господе, умоляю вас».

Неудивительно, если он не употребляет этих слов во всех посланиях, – ведь он был в узах не всегда, а по временам. Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести. Это – великая честь, это – слава, выше которой нет ничего. Если Он, сделавшись для меня рабом и ни во что вменивши славу, ничего не считал для Себя столько славным, как распинаться за меня, то чего не должен я претерпеть? Послушай, что говорит Он сам: «Отче!.. прославь Сына Твоего» (Иоан. 17:1). Что говоришь? Тебя вместе с разбойниками и грабителями ведут на крест, чтобы подвергнуть позорной смерти; Ты терпишь заушения и заплевания, – и Ты это называешь славой? Называю, говорит. Так как Я страдаю за любимых Мною, то и считаю (эти страдания) славой. Если же Он, возлюбивши достойных сожаления и несчастных, называет страдания славой; если для Него слава состояла не в том, чтобы быть на престоле Отчем, не в славе, а в бесчестии, и последнее Он предпочитал первому, – то тем более я должен считать это славой. О, блаженные узы! О, блаженные руки, украшенные этими узами! Не столько были почтенны Павловы руки, когда они поставили на ноги и даровали способность ходить хромоту в Листре (Деян. 14:8–11), сколько тогда, когда находились в узах. Если бы я жил в те времена, то по

преимуществу лобзал бы их, и прилагал бы их к своим зеницам. Я непрестанно лобзал бы руки, удостоившиеся быть в узах ради моего Владыки. Ты удивишься Павлу, что ехидна, коснувшись его руки, ничего ему не сделала? Не удивись: она устрашилась оков; их страшилось и целое море, – потому что тогда он был в оковах. Если бы кто давал мне силу воскрешать мертвых, я избрал бы не ее, а оковы. Если бы я не имел забот по церкви и мои телесные силы были крепки, то не отказался бы совершить столь дальнее путешествие для того, чтобы только видеть Павловы оковы и темницу, в которой он был заключен. Хотя везде встречаются памятники его чудес, но они не производят такого впечатления, как памятники его язв. И в Писаниях он не столько радует меня, когда совершает чудеса, сколько тогда, когда злостраждет, когда его бьют, влачат. Справедливо пользуются почитанием платки и полотенца, от которых совершались чудесные действия, – они тоже достойны удивления, но не такого, как те (апостольские страдания). Сказано: бивше его, и «дав им много ударов, ввергли в темницу» (Деян. 16:23); еще: «узники ...воспевали Бога» (Деян. 16:25); еще: «побили его камнями и вытащили за город, почитая его умершим» (Деян. 14:19).

Если хотите узнать, как много значат оковы, ради Христа налагаемые на тело (Его) раба, – послушайте, что сам Христос говорит: «Блаженны вы». Когда? Когда будете воскрешать мертвых? Нет. Когда же? Когда будете врачевать слепых? И не в этом случае. А когда? «Когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5:11). Если же одно поношение доставляет столько блаженства, то чего не сделает злострадание? Послушай, что говорит сам блаженный (Павел) в другом месте: «а теперь готовится мне венец правды» (2Тим. 4:8). Но узы славнее этого венца. Только бы их мне удостоиться, о другом же я и не рассуждаю. Без всякого воздаяния мне довольно одного страдания ради Христа. Пусть только мне дана будет возможность сказать, что я исполняю «недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1:24), и мне ничего более не нужно. И Петр удостоился таких оков. Он, сказано, «спал между двумя воинами, скованный двумя

цепями» (Деян. 12:6). Он так был спокоен в узах и так мало скорбел об этом, что мог уснуть: не овладел бы им глубокий сон, если бы он находился в большом беспокойстве. Он спал между воинами, – «И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его» (Деян. 12:7). Если бы кто мне сказал: чем хочешь ты быть – ангелом ли, толкнувшим Петра, или спасенным Петром? Я предпочел бы быть Петром, для которого приходил и ангел. Мне были бы сладостны эти узы. А зачем же, скажет кто-нибудь, он молился (по освобождении из темницы), как будто он освободился от величайшей беды? Не дивись этому. Он молился потому, что боялся умереть. Умереть же боялся потому, что хотел еще жить для страданий. Послушай, что говорит об этом и сам блаженный Павел: «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас» (Фил. 1:23–24). Это же далее он назвал и даром: «потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1:29). Таким образом последнее больше первого, – потому что "вам дано". Поистине это величайший дар, и больший всех (других даров), – и дара остановить солнце и луну, и дара подвинуть мир. Это больше власти над демонами, или силы изгонять демонов. Они не столько страдают, когда мы изгоняем их верой, сколько тогда, когда видят, что мы ради Христа терпим бедствия и бываем в узах. Это дает нам большее дерзновение (к Христу). Хорошо быть в узах ради Христа не потому, что они доставляют нам царство, а потому, что это бывает ради Христа. Не потому я ублажаю узы, что они (как бы) наперед открывают путь к небу, а потому, что они претерпеваются ради Владыки неба.

Знать (апостолу), что он претерпевал узы ради Христа, – сколько в этом утешения для него! Сколько радости! Сколько чести! Сколько славы! Я сам желал бы всегда говорить об этом, желал бы хотя прикоснуться к этим оковам; но как я лишен этого счастья на деле, то по крайней мере мысленно, через искреннее желание заключаю в них свою душу. Вследствие землетрясения, сказано, поколебалась темница со связанным

Павлом, «и у всех узы ослабели» (Деян. 16:26). Видишь ли свойство уз разрешать узы? Как смерть Господа умертвила смерть, так и Павловы узы разрешили узников, поколебали темницу, отворили двери. Впрочем естественная сила уз не такая, а (совершенно) противоположная – крепко содержать узника и не расторгать пред ним стен (темницы). А то свойство, (о котором мы говорим), принадлежит не простым узам, но узам ради Христа. «Страж... в трепете припал к Павлу и Силе» (Деян. 16:27, 29). Этого не делают обыкновенные узы, связавших не приводят к ногам связанных, а напротив подчиняют последних первым. А теперь свободный был у ног узника; связавший просил связанного, чтобы этот освободил его от страха. Скажи мне, не ты ли связал его? Не ты ли заключил его во внутреннюю темницу? Не ты ли наложил на ноги его колодку? Что же трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачем обнажил меч? Никогда, говорит, не случилось мне вязать таких (людей); я не знал, что такова сила узников Христовых. Что говоришь ты? Они получили власть отверзать небеса: ужели они не отворят темницы? Они разрешали связанных демонами: ужели железо будет сильнее их? Ты не знал этих мужей, потому и достоин извинения. Связанный – Павел, которого чтут все ангелы, – Павел, платки и убрusy которого прогоняли демонов и исцеляли болезни. А демонские узы много крепче и неразрывнее железных, потому что первыми оковывается душа, а последними – тело. Итак, освобождающий связанные души ужели не мог освободить своего тела? Расторгавший узы демонов ужели не расторг бы железных уз? Разрешавший тех узников и освобождавший от власти демонов посредством своих одежд разве не освободился бы сам собою? Он был прежде связан; потом разрешил связанных, чтобы показать тебе, что рабы Христовы связанные имеют гораздо более силы, чем свободные от уз. Не было бы так удивительно, если бы он это сделал, будучи свободным от уз. Значит, узы были причиной не слабости, а большей силы. Так сила святого блистательнее открывается тогда, когда, и связанный, он повелевает свободными от уз, когда – сам узник – он освобождает не только себя, но и других узников. Какая польза

от стен? Какая (польза) от того, что он был ввергнут во внутреннюю темницу, когда отворил и наружную? Но почему это совершилось ночью и с землетрясением? Впрочем я уклонился от апостольских слов, слишком много занялся апостольскими делами; но будьте несколько снисходительны ко мне, и позвольте мне усладиться Павловыми узами, – позвольте еще долее остановиться на них. Я взялся за узы, и – никто меня не отогнет от них. Я теперь крепче связан любовью, чем он тогда оковами. Этих уз никто не разорвет, потому что они – от любви Христовой. Их не могут разрешить ни ангелы, ни царство небесное. Послушаем, что говорит об этом сам Павел: «ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви... Христовой» (Рим. 8:38–39).

Для чего же это совершилось среди ночи, для чего с землетрясением? Внимайте Божью домостроительству и дивитесь. Узы ослабли у всех и отворились двери. Но это было сделано только для темничного стража, не для того, чтобы показать (ему силу уз), а для его спасения. Узники не знали, что они разрешены, как это видно из Павлова восклицания. Что именно говорится? «Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь» (Деян. 16:28). Не были бы все (в темнице), если бы знали, что двери отворены, и сами они освобождены от уз. Те, которые разламывают стены, проникают через кровли и заборы, и решаются на все, будучи в оковах, не остались бы, когда и узы были разрешены, и двери отворены, и сам темничный страж спал. Но вместо уз железных на них были узы сна. Так устроено было для того, чтобы и дело совершилось, и от чуда не произошло никакого вреда для темничного стража, который должен был спастись. Притом узники особенно крепко связываются ночью, а не днем. Поэтому можно было их видеть опять связанными с большим старанием и погруженными в сон. Если же бы это совершилось днем, то произошло бы большое смятение. Для чего же было потрясено здание? Для того, чтобы темничный страж пробудился и увидел совершившееся, так как он один был достоин спасения.

Здесь, прошу тебя, посмотри на обилие благодати Христовой. Говоря о Павловых узах, благовременно вспомнить о благодати Христовой, тем более, что самые узы составляют дело благодати Божьей. Некоторые осуждают за то, что спасен был темничный страж, тогда как в этом случае и должно бы подивиться человеколюбию Божьему. И неудивительно. Таково свойство (людей) немощных, что они порицают даже питательность пищи, которую следовало бы хвалить, и мед называют горьким. (Людей) больных глазами ослепляет свет, который должен бы был светить им, хотя это зависит не от естественного свойства света, но от немощи тех, которые неспособны пользоваться им, как должно. Что же они говорят? Тогда как следовало бы удивляться, что он (апостол) спас человека, впавшего в крайнее бедствие, и сделал его лучшим, – они говорят: каким образом (страж) не счел этого делом волшебства и чародейства, и еще более не стерег их и закричал на них? Но он при этом многое сообразил: во-первых, то, что слышал, как они воспевали Бога, – чародеи не стали бы петь таких песнопений, а он, сказано, слышал их воспевающих Бога (Деян. 16:25); во-вторых, то, что он не только не убежали, но и не допустили его убить себя. Если бы они для самих себя сделали это, то не оставались бы в темнице, но первые освободились бы сами. Велико и человеколюбие их: они воспрепятствовали умертвить себя тому, кто связал их, как бы так говоря ему: ты весьма крепко стерег нас, заключивши во внутреннюю темницу и связавши тяжкими оковами, – для того, чтобы самому тебе освободиться от тягчайших уз. Каждый (человек) связан узами своих грехов. Эти последние узы достойны проклятий, а те (узы) – блаженные и заслуживающие того, чтобы их испрашивать великими молитвами. Апостол чувственным образом показал, как последние (вещественные) узы освобождают от первых (уз духовных). Ты видел, как они освободились от железных уз, которыми были связаны? Увидишь, что и ты сам разрешен от других тяжких уз. Эти узы, – разумею не Павловы, а узников, – происходят от греховных уз. В темнице были двоякого рода узники, и сам страж был узником. Те были связаны железом и грехами, а он – только

грехами. Павел освободил их в удостоверение его, – так как узы были видимы. И Христос поступил также, или лучше – наоборот. Там было двоякое расслабление. Какое именно? Греховное и телесное. Что же он делает? "Дерзай, – говорит, – чадо! прощаются тебе грехи твои» (Мф.9:2). Сначала исцелил от расслабления душу, потом переходит и к телу. А именно, когда «некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встав, возьми постель твою, и иди в дом твой» (Мф.9:3–6). Он подтвердил умственным, телесным доказал то, что относилось к душе. Для чего Он поступил так? Чтобы исполнилось сказанное: «твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!» (Лк. 19:22). Что же (говорят) они? «Никто кроме Бога не имеет власти прощать грехи», т. е. ни ангел, ни архангел, ни другая сотворенная сила. Вы сами признали это. Что же Ему должно было сказать? Если будет показано, что Я отпускаю грехи, то ясно, что Я – Бог? Но Он не сказал этого, а что? «Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой». Итак, когда Я, говорит, сделаю более трудное, тогда, очевидно, уже не должно оставаться никакого неверия и спора о том, что гораздо легче. Потому-то и совершил Он прежде духовное исцеление, что много было противоречивших. А здесь (апостол) к чувственному пришел от умственного. Итак, вера (темничного стража) была не легкомысленна. Он видел узников и ничего не видел и не слышал худого от них. Он видел, что дело было совершено не посредством волшебства, – так как они воспевали Бога; видел в происходившем дело их великого человеколюбия, – так как они не мстили ему, хотя и могли. Они могли бы уйти (из темницы), освободив как самих себя, так и других узников, и если не узников, то, по крайней мере, самих себя; но не сделали этого. Итак он почувствовал уважение (к апостолу) не за чудо только, но и за самое его поведение. Как

он (Павел) воскликнул? «Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь». Видишь ли, как он, в самом деле, чужд тщеславия и гордости и какой исполнен любовью? Не сказал, что это случилось для нас, но точно один из узников говорит: «ибо все мы здесь». Между тем, если бы они (Павел и Сила) не прежде этого и не посредством чуда освободились, им надлежало бы молчать и освободить всех узников. А если бы они молчали и не остановили его рук громким воззванием, то (страж) пересек бы себе горло мечем. (Апостол) и потому сделал это воззвание, что был заключен в самое дальнее отделение темницы. Ты, говорит, поступил во вред себе, ввергнув во внутреннюю темницу тех, которые освободят тебя от опасности. Но они не подражали тому, что он делал. И если бы он умертвил себя, то все узники разбежались бы.

Ты видишь, что (апостолы) лучше захотели оставаться в узах, чем видеть погибель темничного стража. Потому он и размышлял сам с собою: если бы они были чародеи, то выпустили бы всех (других узников), и сами бы освободились от уз. Вероятно, многие и из таких (людей) бывали ввергаемы в темницу. А удивился он потому, что хотя и часто принимал (к себе) чародеев, но не видел ничего подобного. Чародеев не потряс бы оснований (темницы): этим можно разбудить стража и более затруднить для себя бегство. Но обратим, наконец, внимание на веру темничного стража. «Он потребовал, – сказано, – огня, вбежал в *темницу* и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи *мои!* что мне делать, чтобы спастись?» (Деян. 16:29–30)? Он имел в руках огонь и меч и говорил: «государи мои! что мне делать, чтобы спастись? Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 16:31). Чародеям несвойственно, говорит он, преподавать такое учение; в их словах нет и помину о демонах. Видишь ли, как был он достоин спасения? Увидевши чудо и освободившись от страха, он не забыл самого важного и при такой опасности, заботился о спасении души и приступил к учителям так, как должно было приступить, – припал к их ногам. «И проповедали слово Господнее ему и всем, бывшим в доме его. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно

крестился сам и все домашние его" (Деян. 16:32–33). Видишь ли пламенное рвение этого человека? Не отложил дела до времени, не сказал: «вот придет день, тогда увидим, подумаем», но с истинным усердием крестился сам и весь дом его. Он поступил не так, как поступают многие ныне, не обращая внимания на то, что и рабы, и жены, и дети их еще не освящены (крещением). Подражайте, молю вас, темничному стражу. Говорю это, не приказывая, а выражая свое желание. Что пользы в приказании, когда и желание не имеет силы? Да, – человек грубый, жестокий, живший вместе с тысячами злодеев, всегда имевший их пред глазами, вдруг сделался так сострадателен, так попечителен! «он омыл раны» их, – сказано. Обрати опять внимание и на пламенную ревность Павла: после уз и бичевания он благовещует. О, блаженные оковы! Какие порождения породили они в эту ночь! Каких чад родили! И о них можно сказать: их "которых родил я в узах моих» (Флм. 1:10). Видишь ли, как он (апостол) радуется, и как хочет этими (узами) придать больше достоинства рожденным чадам? Видишь ли, как велика слава уз, когда она озаряет своим Сиянием не только узника, но и рожденных им в это время? Рожденные Павлом в узах имеют нечто большее, не в отношении, говорю, к благодати, – благодать одна и та же, – и не в отношении к отпущению грехов, – и отпущение для всех одно и то же, – но в том отношении, что с самого начала научаются радоваться и увеселяться такими подвигами. "И, взяв их, – сказано, – в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам». Обрати внимание, наконец, и на плод. Он тотчас воздал им (за духовные блага) видимыми. «И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога» (Деян. 16:34). И чего бы не сделал он, когда отворенные двери темницы отверзали ему небо? Он обмыл учителя, предложил ему трапезу и радовался сам. Оковы Павловы вошли в темницу и все находящееся здесь превратили в церковь, всех сделали телом Христовым, предложили духовную трапезу, и родили чад, которым радуются ангелы. Итак не правду ли я говорил, называя темницу светлее неба? Она ведь была причиной радости и для неба. Если о едином

кающемся грешнике бывает радость на небесах, если где собраны двое во имя Христа, там и Он посреди их, – то тем более все это было здесь, где были и Павел, и Сила, и темничный страж, и весь его дом, и такая вера. Посмотри, в самом деле, какая твердость веры! Но эта темница напомнила мне другую темницу. Какую же? Ту, в которой был Петр. Но здесь не было ничего такого, – он «приказал четверем четверицам воинов стеречь его» (Деян. 12:4), и не пел, не бодрствовал, но спал, и хотя не терпел ударов, однако опасность была более. Там уже все было сделано, – они уже потерпели наказание, – а здесь еще нет. Потому здесь, хотя удары не причиняли боли, зато устрашало ожидание будущего. Но посмотри на чудо и здесь. "И вот, – сказано, – Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его» (Деян. 12:7). Чтобы Петр не подумал, что совершившееся есть только действие света, (ангел) толкнул его. Никто не видел света, а только он, и считал это привидением. Так спящие не чувствуют благодеяний Божьих! «И сказал ему, – сказано, – Ангел: опояшся и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним» (Деян. 12:8–10).

Почему же здесь не было того, что было с Павлом и Силою? Потому что их намеревались разрешить от уз, – поэтому Бог и не восхотел освободить их так же, как Петра. Что же касается блаженного Петра, то ему назначена была смертная казнь. Что же, говорят, не большее ли было бы чудо, если бы он, взятый из темницы и преданный в руки царя, здесь без всякого вреда был избавлен от великих опасностей? В таком случае не погибли бы и воины. Здесь много непонятного. Каким образом, говорят, Бог спас Своего раба с наказанием и гибелью других? Что же нам отвечать на это? Во-первых, что

(Бог) не желал гибели других; во-вторых, что это (гибель их) произошла не от того, что так было предопределено, а от жестокости судьи. Как? Бог расположил обстоятельства так, чтобы не только не погибли стражи, но и Петр спасся, – что видим мы и здесь в отношении к темничному стражу; но судья не воспользовался обстоятельствами, как следует. «По наступлении дня, – сказано, – между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром» (Деян. 12:18). Что же потом? Ирод делает исследование о случившемся и, допросивши стражей, «велел казнить их» (Деян. 12:19). Если бы он не допросил их, то имел бы некоторое извинение. Теперь же он потребовал их к суду, допросил, узнал, что (Петр) был в узах, что темница была крепка, что стражи стояли у дверей, стена не проломлена, дверь не отворена, и нет никакого другого признака злодеяния. После этого ему ничего более не оставалось, как удивляться силе Божьей, которая похитила (Петра) из среды этих опасностей, и поклоняться Тому, Кто мог совершить такое дело. Он же «велел казнить их». Как же после этого винить Бога? Если бы Он расторг стены и таким образом освободил (апостола), то можно было бы почесть это делом их небрежности. Если же, по устройению (Божьему), в случившемся было видно не человеческое злодеяние, а божественное чудотворение, то для чего он (судья) поступил так? Если бы (Петр) хотел убежать, то убежал бы, как был, – в оковах. Если бы хотел бежать от страха, то не показал бы такой предусмотрительности, не взял бы сандалий, а оставил их. В настоящем же случай и ангел говорит ему: "обуйся", чтобы было известно, что, не как задумавший убежать, а очень спокойно он поступил здесь. Находясь в узах и между двумя воинами, он не имел бы столько досуга, чтобы разрешить узы, и будучи при том во внутреннем отделении темницы. Таким образом, стражи наказаны по несправедливости судьи. Почему этого не сделали иудеи? Здесь я припоминаю другую темницу, – первую в Риме, вторую в Кесарии, настоящая же была в Иерусалиме. Почему архиереи и фарисеи, когда услышали от посланных ими в темницу, чтобы вывести из нее Петра, что «не нашли их в темнице», но что двери заперты, и стражи стоят перед дверьми

– не умертвили стражей, а «недоумевали, что бы это значило» (Деян. 5:24)? Если они, при всем желании умертвить их, не додумались ни до чего такого, то тем более должен был бы так поступить ты, – ты, который все делаешь в угоду им (фарисеям и книжникам). За это скоро и постигло его (судью) наказание. Если ты после того порицаешь (Бога), то порицай Его и за убийства на дорогах, за тысячи других несправедливых лишений жизни, и даже за детей, избитых ради Христа. Ведь и в их избииении, по твоим словам, должен быть виновен Христос. Но, на самом деле, (виною их смерти был) не Христос, а скорее безумие и жестокость Иродова отца. Если ты скажешь: почему же (Бог) не исхитил его из рук Ирода? – то и это Он мог сделать, но не было бы от того никакой пользы. Сколько раз и Христос уходил от их рук? Но принесло ли это какую-нибудь пользу неблагодарным? А здесь от совершившегося происходит большая польза верным. Когда при существовании памятников о каком-нибудь событии, оно подтверждается и врагами, тогда свидетельство не подлежит никакому сомнению. И вот как там, так и здесь уста врагов заграждены ничем иным, как рассказом пришельцев о случившемся. Почему же темничный страж не сделал ничего такого, между тем как виденное им ничем не меньше того, что видел Ирод? Если обращать внимание на поразительность случившегося, то узнать, что узник вышел, когда двери были заперты, нисколько не меньше, чем видеть отворенные двери. Последнее скорее может показаться видением, а первое – нет, если о нем точно будет рассказано. Поэтому и он (страж), если бы был злой, убил бы Павла, как Ирод – воинов. Но он не был таков. Если бы мы захотели опровергнуть и тех, которые говорят: зачем Бог дозволил избить детей? – то наше к вам слово вышло бы из пределов, назначенных ему сначала. Теперь, воздавши великую благодарность узам Павловым за то, что они были для нас причиной стольких благ, в заключение нашего слова, просим вас не только не скорбеть, если кому придется потерпеть за Христа, но и радоваться, подобно апостолам, и хвалиться, подобно Павлу: «И потому я гораздо охотнее, – говорил он, – буду хвалиться своими немощами». За это и сказано было ему:

«довольно для тебя благодати Моей» (2Кор. 12:9). Павел хвалится узами, – а ты превозносишься своим богатством? Апостолы радовались тому, что сподобились принять раны, – а ты ищешь неги и роскоши? Как же ты хочешь получить одинаковые с ними (блага), когда идешь совсем иным с ними путем? «И вот, ныне, – говорит (апостол), – я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня» (Деян. 20:22–23). Для чего же идёшь, если тебя ожидают узы и скорби? Именно для того, говорит, чтобы быть связанным за Христа, чтобы умереть за Него. Я готов принять не только узы, но и смерть за имя Господа нашего Иисуса Христа.

Нет ничего блаженнее этой души! Чем он хвалится? Узами, скорбями, цепями, ранами. "Я, – говорит, – ношу язвы Господа Иисуса, как какой великий трофей, на теле моем» (Гал. 6:17); и еще: «ибо за надежду Израилеву, – говорит, – обложен я этими узами» (Деян. 28:20); еще: «для которого я исполняю посольство в узах» (Еф. 6:20). Что же это значит? Как тебе не стыдно? Как ты не боялся, – после того, как претерпел узы, – обходить вселенную? Как не боялся того, что кто-нибудь назовет бессильным твоего Бога? Что поэтому иные не захотят иметь с тобою общения? Не таковы, отвечает он, мои узы. Они могут блистать даже в царских чертогах. «Так что узы мои, – говорит, – о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие» (Фил. 1:13–14). Видишь ли, что узы имеют более силы, чем воскресение мертвых? Они видели (апостола) в узах и получили еще более дерзновения. Ведь где узы, там должно совершиться нечто великое. Где скорбь, там непременно и спасение, там непременно успокоение, там наверное и великие дела. Так дьявол, когда хочет нанести удар, сам бывает поражен; когда связывает рабов Божьих, тогда еще более распространяется слово (Божье). И смотри, – это везде так бывает. Он был в узах, и вот что сделал в темнице: "в самых узах, – говорит, – моих" (Фил. 1:7). Был скован в Риме, и там

весьма многих обратил к вере. Это оттого, что не только сам он имел дерзновение, но и многие другие получали дерзновение через него. Он был в узах в Иерусалиме, и проповедь узника изумила царя и привела в страх начальника. Устрашившись же, сказано, отпустил его, и связавший не устыдился принять от связанного учение о грядущем. В узах он совершал плавание, не погиб во время кораблекрушения и укротил бурю. Когда он был в узах, его коснулось ядовитое животное и, не причинив ему никакого вреда, отстало от него. Он был узником в Риме и, проповедуя в узах, привлек к себе тысячи, вместо всего предлагая (своим слушателям) это самое, т. е. узы.

Ныне нет случаев быть заключенным в оковы, но есть другого рода оковы, если того желаем. Какие же? Это – сдерживать руки, чтобы не быть склонным к любостяжанию. Свяжем себя этими оковами. Вместо железа пусть послужит нам страх Божий. Разрешим связанных бедностью и скорбью. Не одно и то же – отворить двери темницы и дать свободу душе человека, стесненного нуждой. Не одно и то же – разрешить оковы узников и «отпустить измученных на свободу» (Лк. 4:18). Последнее больше первого, потому что за то нет награды, а за это – бесчисленные. Длинные были Павловы оковы и долго задержали нас. И на самом деле они длинные, и прекраснее всякой золотой цепи. Эти оковы, наподобие какой-то машины, влекут узников своих на небо, и как бы какая золотая цепь, простирающаяся (до неба), увлекают на небо. И удивительно то, что, связывая узников долу, они влекут их горе. Не таково, впрочем, их естественное свойство. Потому, если Бог устраивает так, (как мы видели теперь), то здесь не на естественное свойство и порядок вещей обращай внимание, а на то, что выше и того и другого. Научимся же отсюда в скорбях не падать духом и не печалиться. Посмотри, в самом деле, на этого блаженного. Он потерпел удары, и удары сильные: "дав им, – сказано, – много ударов» (Деян. 16:23). Он был заключен в узы, и в узы крепкие: (страж) "ввергнул его во внутреннюю темницу» (Деян. 16:24), и в темницу весьма прочную. Однако и в таких обстоятельствах, в полночь, – когда, под влиянием сна, этих сильнейших уз, спят даже те, которых усиленно будят, –

они (Павел и Сила) пели и хвалили Господа. Что может быть тверже этих душ? Они знали, что и отроки пели в огне и в печи. Быть может, они (Павел и Сила) думали: мы еще не потерпели ничего такого. Но слово, правильно развиваясь, привело нас еще и к другим узам, в другую темницу.

Что же делать? И хотелось бы умолкнуть, но не могу. Я нашел другую темницу, которая более удивляет и изумляет, чем эта. А вы воспряньте, как бы теперь только начиналось слово, и приникните к нему с оживленным вниманием. Хочу прервать слово, но не удастся. Как пьющий человек не отрывается от чаши, что бы ему ни говорили, так и я, взявшись за чудную темничную чашу узников Христовых, не могу перестать, не могу умолкнуть. Если в самом деле он и в темнице, и ночью, и в ранах не молчал, – умолкну ли я, сидя днем, пользуясь для собеседования полным спокойствием, – умолкну ли, когда не позволили себе молчать находившиеся в узах, битые палками, в полночь?

Отроки не молчали в печи и в огне: не стыдно ли будет нам молчать? Итак, посмотрим и эту темницу. И здесь были заключены в узы, но тотчас в самом начале оказалось, что они должны не сгореть, а как бы войти в темницу. Для чего (иначе) ты и связываешь тех, которые должны быть сожжены? Они были связаны, как Павел, и по рукам и по ногам, связаны с такой же жестокостью; и он (Навуходоносор) вверг их во внутреннюю темницу и потом повелел сильно разжечь печь. Но посмотрим на последовавшее за тем. Когда пели те (Павел и Сила), поколебалась темница и отворились двери. Когда пели и эти (отроки), оковы спали с их рук и ног, отворилась темница, и открылись отверстия печи, – потому что шумно врывалась роса духа (Дан. 3:19–93). Но мне представляется такое множество предметов, что я не знаю, о чем говорить прежде, о чем – после: потому прошу не требовать от меня порядка. И в том и другом событии много сродного между собою. Те, которые были вместе с ними (Павлом и Силою) в узах, освободились от уз и, однако, спали. Здесь же вместо этого было нечто другое: сгорели ввергнувшие их в печь. Но я хотел сказать, что царь увидел их свободными от уз и поклонился им (Дан. 3:95);

услышал их пение, увидел четырех ходящих и позвал их. Итак, подобно Павлу, который мог, но не вышел из темницы, пока не позвал и не вывел его тот, кто заключил в нее, и три отрока не вышли, пока царь не повелел им выйти. Чему же мы научаемся отсюда? Не спешить на страдания, не торопиться принимать скорби и не оставаться в них; когда нас освобождают от них. Царь поклонился им; мог бы и войти туда, где были святые, но, подошедши к отверстию, остановился: он не осмелился войти внутрь темницы, в которой приготовил для них сожжение. И замечай слова. Тот сказал: «Господи, что мне делать, чтобы спастись?» Этот, хотя не с таким смиренномудрием, однако сказал не менее приятные слова: «Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!». Великая честь! «Рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!» (Дан. 3:93). Как они выйдут, царь, когда ты бросил их связанными в огонь, когда они уже столько времени находятся в огне? Даже если бы они были адамантовыми, если бы состояли из металла, и тогда не погибли ли бы в продолжение того времени, как пели весь свой гимн? Но потому они и спаслись, что пели. Огонь убоялся их радости, убоялся и их удивительной песни, их гимна. Как же ты зовешь их? «Я предварительно сказал: «рабы Бога Всевышнего!», потому что рабам Божиим все возможно. Если бывают и у людей такие слуги, которые в делах своих господ не меньше имеют силы и власти, не меньше распоряжаются, чем сами господа, то тем более это возможно для рабов Божьих». Это – приятнейшие для них слова. Царь знал, что этими словами он доставит им особенное удовольствие. В самом деле, если они пошли в огонь для того, чтобы остаться рабами Божьими, то для них никакие другие слова не были приятнее этих. Если бы он назвал их царями, владыками вселенной, то не обрадовал бы так, как обрадовал, сказавши: «выйдите и подойдите». И что удивительного? Павел, когда писал к великому городу, владевшему вселенной, и гордившемуся своими достоинствами, противопоставил это (достоинство раба Божия), как равное его достоинству, даже как много, несравненно большее и консульства, и царства, и владычества над вселенной: он написал: «Павел, раб Иисуса Христа» (Рим.

1:1). «Рабы Бога Всевышнего!». Если они, говорит (царь), столько стараются о том, чтобы быть рабами, то убедим их в этом вполне. Теперь посмотри на благодушные отроков. Они не вознегодовали, не прогневались, не противоречили, а вышли. Если бы они считали обидой то, что были брошены в печь, то негодовали бы на бросившего. Здесь же мы не видим ничего такого: они вышли (из печи) так, как бы сходили с самого неба. Не погрешит тот, кто сказал бы о них то же, что сказал пророк о солнце: «выходит, как жених из брачного чертога своего» (Пс. 18:6). Почему? Потому, что они исходили тогда с большей славой, чем исходит солнце. Солнце является для озарения земли чувственным светом, а они освещают ее иначе, т. е. духовно. Ради их царь тотчас послал предписание в таких словах: «Знамения и чудеса, какие совершил надо мною Всевышний Бог, угодно мне возвестить вам. Как велики ...и как могущественны!» (Дан. 3:99–100). Таким образом, они вышли (из огня), распространяя от себя самые светлые лучи, которыми озарились и самые страны, и которые должны были посредством царских указов распространиться везде и рассеять повсюдный мрак. «выйдите и подойдите». Не повелел он погасить печи, – и такой уверенностью, что они могут не только ходить внутри нее, но и выйти из нее, несмотря на ее жгучий пламень, он сделал им особенную честь.

Но посмотрим, если угодно, и на слова темничного стража. «Господи, что мне сделать, чтобы спастись?» Что приятнее этих слов? Они заставляют ликовать самих ангелов. Для того, чтобы услышать такие слова, сделался рабом Единородный (Сын) Божий. Эти же слова говорили Петру первые верующие: что нам делать, чтобы спастись? Что же он сказал? "Уверуйте и креститесь» (Деян. 18:8). Из-за желания спасения и послушания иудеев, Павел охотно низринулсЯ бы и в геенну, чтобы услышать от них такие слова. И смотри: ничего не требует себе, а все предоставляет им. Но посмотрим на последующее. Царь не говорит: да спасусь; но сильнее всяких слов то, что он учит (других). Он тотчас же делается проповедником. Не нуждается в оглашении, как темничный страж. Но что? Прославляет Бога и исповедует Его силу. «Я вполне вижу, что Бог ваш есть Бог

богов и Господь господ, – что Он послал ангела своего и извлек вас из печи». И что далее? Не один страж, но многие оглашаются царским посланием, зная совершившееся. Что царь не мог обманывать, это, конечно, очевидно для всякого. Он не захотел бы засвидетельствовать этого о пленниках и тем унижить образ своих действий. Он не захотел бы принять на себя бесславия за такое безумие, – так что если бы истина не была весьма очевидна, он не написал бы такого указа, тем более, что тут так много было свидетелей. Видите ли, какова сила уз? Какова сила песнопения во время скорби? Они от гонения не предались унынию, не упали духом, но тогда-то особенно и были бодры, тогда-то особенно и благодушествовали. И справедливо так поступали они. Остается еще одно: почему в темнице узники были освобождены, а в печи сожжены служители казни, тогда как надлежало бы потерпеть это царю? Ведь не столько согрешили те, которые их заключали в оковы и ввергали в печь, сколько тот, кто приказывал это сделать. Итак, почему же они погибли? Здесь нет надобности говорить много (чтобы объяснить дело). (Погибли) потому, что были нечестивы. Для того это так было устроено, чтобы очевидна была сила огня и большее было чудо. Если в самом деле огонь пожрал с такой силою тех, которые были вне печи, то как он оставил невредимыми тех, которые находились в самой печи? (Это произошло так для того) чтобы очевиднее была сила Божья. И пусть никто не удивляется, что я сопоставил царя с темничным стражем: он поступил одинаково с последним. Царь не был славнее стража: оба одинаково получили пользу. Но праведники, как я говорил, тогда-то особенно и бывают бодры духом, когда находятся в скорби, когда бывают в оковах, потому что страдать за Христа – приятнее всякого удовольствия. Хотите ли я напомним вам еще о другой темнице? Нам необходимо от этих уз перейти к другой темнице. К какой же вы хотите? К той ли, в которую заключен был Иеремия? Или к темнице Иосифа? Или – Иоанна? Благодарение узам Павловым: как много они указали нам темниц! Хотите ли слышать о темнице, в которую был заключен Иоанн? И он был некогда в узах за Христа и за Божественный

закон. Что же он? Оставался ли в заключении праздным? Не отсюда ли из этого заключения, он послал учеников своих, сказав им: пойдите, скажите Христу: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Мф.11:3). И находясь там, он поучал других, не был нерадив. А Иеремия, исполняя свой долг, не предрек ли (в темнице) о вавилонском пленении? А Иосиф? Не был ли в заключении тринадцать лет? Однако ж, и тут (в темнице) не забыл о добродетели. Скажем еще об одних узах и окончим наше слово. Был в узах и Владыка наш, разрешивший вселенную от грехов; были связаны руки, сделавшие бесчисленное множество добра: связавше, сказано, – «отвели Его к Каиафе» (Мф.26:57). Был в узах Тот, Кто совершил столько чудес. Размышляя об этом, не будем никогда скорбеть, но и в узах будем радоваться. Мы, и без оков, все же как бы связаны. Видишь ли, какое благо – узы? Зная все это, вознесем за все благодарение Богу, во Христе Иисусе, Господе нашем.

## Беседа 9

Еф.4:1–3. Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира.

Высокое достоинство Павла, выходящего из темницы. – Что значит достойно ходить звания. – О любви. – Таинственность – следствие охлаждения любви.

1. В этих словах открыта для нас великая и более (всяких) отличий блистательная сила Павловых уз. И (Павел) не напрасно, как кажется, и не без цели показывает эту силу, но чтобы ею более пристыдить их. Что он говорит? «Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны». Как (ходить)? «Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью». Значит, хорошо быть узником, но не просто, а ради Христа; потому он и сказал: «узник в Господе», т. е. ради Христа. С этим ничто не может сравниться! Но узы (Павла), отвлекая нас от настоящего предмета речи, привлекают (к себе), и, будучи не в силах противиться этому влечению, мы говорим о них как бы невольно, а вернее – и с охотой и с молитвой. О, если бы всегда можно было беседовать об этих узах! Но будьте терпеливы: я хочу сказать еще о том, что бывает предметом внимания у многих, и о чем говорят так: если скорби благое дело, то как же он, защищаясь пред Агриппою, сказал: «молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз» (Деян. 26:29)? Он так говорил не потому, что считал скорби унижительным для себя делом, – нет; если бы это было так, если бы в самом деле они были унижительны, то он не похвалился бы ни узами, ни заключением под стражу, ни другими бедствиями, и не сказал бы: «я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами» (2Кор. 12:9). Что же это значит? То, что он считал великим делом узничество. Но как к

Коринфянам писал: «Я питал вас молоком, а не *твердой* пищей, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1Кор. 3:2), так и здесь (случилось, что) не могли слушать его учения о красоте, величии и пользе узничества: потому он и сказал: «кроме этих уз». Напротив, к Евреям он писал не так, а советовал им разделять узы с узниками. Поэтому и сам радовался за узы, отдавался в оковы и с узниками был отводим под стражу. Велика сила Павловых уз! Вместо всех зрелищ довольно одного этого – видеть Павла связанным и ведомым из темницы. Что может быть выше удовольствия видеть его в узах и сидящим в темнице? Как оценить мне это удовольствие?

Не видите ли вы царей и консулов, едущих на колесницах, убранных в золото, и их телохранителей, также имеющих на себе все золотое, – золотые копья, золотые щиты, золотом убрannую одежду, в золотых пополах коней? Но сколько первое зрелище приятнее последнего! Я бы желал лучше однажды взглянуть на Павла, с узниками выходящего из темницы, нежели тысячи раз видеть этих людей в сопровождении их копьеносцев. Сколько ангелов, думаете вы, предшествовало (Павлу), когда таким образом выводили его? Что я не лгу, это может подтвердить вам пример из древней истории. Елисей пророк, которого вы, быть может, знаете, во время войны сирийского царя с израильским, сидя дома, открывал придворные совещания царя сирийского со своими советниками и делал безуспешными его действия, наперед высказывая его тайные намерения, и таким образом не допускал (израильтян) впадать в те сети, которые расставлял им этот царь. Это беспокоило и устрашало последнего, и он был в большом недоумении оттого, что не знал, кто обнаруживает все его мысли, следит за ним и делает безуспешными его замыслы. Но когда царь находился в этом неведении и старался узнать причину (неуспешности своих предприятий), один из телохранителей сказал ему, что в Самарии живет пророк, по имени Елисей, и что он-то и разрушает планы царя тем, что открывает их. Царь думал, что он все узнал, но на самом деле ничто не могло быть печальнее его положения. Смотри в самом деле: вместо того, чтобы почитать этого человека, удивляться ему и устрашиться той

силы, по которой он, находясь на таком большом расстоянии, знает, без чьей бы то ни было передачи, все тайные планы царя, – вместо этого он приходит в раздражение и, увлекаясь только гневом, собирает всадников и воинов и посылает их схватить пророка. У Елисея был ученик, который находился еще, так сказать, в преддверии пророчества и не удостоился таких откровений (какие получал его учитель). Явились воины царя, чтобы связать пророка. Опять встречаемся с узами! Что мне делать? Отовсюду они вплетаются в нашу речь. Увидев множество войска, ученик испугался и, дрожа от страха, прибежал к учителю с известием об этом, по его мнению, несчастью и говорил, что им угрожает неизбежная опасность. Пророк усмехнулся тому, что (ученик его) устрасился того, что не было страшно, и советовал ему ободриться; но последний, как еще несовершенный, не убедился его словами и пораженный тем, что видел, все еще трепетал. Что же пророк? "Господи! – говорит он, – открой ему глаза, чтоб он увидел», что на нашей стороне больше, чем на их. И вдруг видит он: вся гора, на которой жил пророк, наполнена огненными конями и колесницами (4Цар. 6:17). А это было не что иное, как воинство ангельское.

2. Если Елисея, для такого только случая, окружало воинство ангельское, то что сказать о Павле? Пророк Давид говорит: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его» (Пс. 33:8), и еще: «на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногой твоей» (Пс. 90:12). Но что я говорю об ангелах? Сам Владыка был с ним, когда он выходил (из темницы). Его не видал и Авраам. Он не был и с Авраамом; но (теперь) Он сам дал обетование: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). Явившись Павлу, сказал: «не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла» (Деян. 18:9–10). И во сне Он явился ему и сказал: «поспеш и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства обо Мне" (Деян. 22:18). Так дивные святые и всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда делаются узниками (за Него). Как на доблестного воина приятно смотреть и во всякое

время, а особенно, когда он стоит и сражается подле самого царя, так представляй себе и Павла, которого можно было видеть учащим и в узах. Здесь расскажу то, что, между прочим, пришло теперь мне на мысль. И блаженный мученик Вавила был в узах за то же, за что и Иоанн, – за обличение царя в беззаконии, и, умирая, приказал положить эти узы вместе со своим телом, похоронить себя в узах, и теперь оковы лежат вместе с прахом: такова была любовь его к узам ради Христа! «В железо вошла душа его» (Пс. 104:18), – сказал пророк об Иосифе. Да и женщинам случалось испытать узничество. А мы не хотим связать самих себя! Я советую принять не это (узничество Павлово), – так как теперь не такое время, – но ты, не связывая рук, свяжи свой ум. Есть и еще узы, и кто не носит одних, понесет другие. Слушай, что говорит Христос: «связав ему руки и ноги» (Мф. 22:13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложим на себя те узы. Потому (Павел) и сказал: «Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны». И опять: глава у нас Христос. Он совоскресил и спосадил нас на небесных, несмотря на то, что мы так враждебны Ему и сделали столько зла. Велико это звание и к великому (направлено оно)! Велико не потому только, что (Он призвал нас) из такого состояния, но и потому, что призвал на такие дела и таким образом.

Как же достойно ходить (этого звания)? «Со всяким смиренномудрием». Кто таков, тот достойно проходит (это звание): смиренномудрие есть основание всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, кто ты и как спасен, то воспоминание об этом служит для тебя побуждением к добродетели. Ты не станешь гордиться ни узами, ни даже тем, что я сказал; но, зная, что все у тебя есть дар благодати, будешь смиряться. Смиренный человек может быть слугой, помнящим благодеяния и признательным за них. «Что ты имеешь, – говорит, – чего бы не получил?» (1Кор. 4:7)? Послушай и еще, что он говорит: «но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1Кор. 15:10). "Со всяким, – говорит, – смиренномудрием», – т. е., не в словах и не в делах только, но

и в наружных приемах и в тоне речи. Не обращай с одним смиренно, а с другим дерзко; сохраняй смирение со всяким, друг ли он твой, или враг, знатный, или ничтожный человек: в этом состоит смирение. Также и в других делах наблюдай смирение, потому что Христос говорит: «Блаженны нищие духом», – и это (блаженство) ставит прежде других. Потому-то (апостол) и сказал: «со всяким смиреннымудрием и кротостью и долготерпением». В ином есть смирение, но он горяч и раздражителен: тогда смирение не приносит ему пользы; часто, под влиянием гнева, он все теряет. "Снисходя, – говорит, – друг ко другу любовью». Как можно терпеть тому, кто раздражителен и клеветник? (Апостол) указал способ: "любовью", – говорит он. Если у тебя нет терпения по отношению к твоему ближнему, то как будет терпеть тебя Бог? Если ты нетерпелив пред своим сорабом, то как потерпит тебя Владыка? Где есть любовь, там все можно перенести. "стараясь, – говорит, – сохранять единство духа в союзе мира». Свяжи свои руки узами кротости. Так светлое слово – узы – опять нас озарило; мы оставили его, а оно опять пришло к нам. Хороши и те узы, хороши и эти; но первые – плод последних. Соедини себя с братом: все легко для людей, связанных между собою узами любви. Привяжи себя к нему и его к себе: тогда ты будешь господином не над собою только, но и над другим, сможешь сделать другом своим всякого, кого захочешь. Благодушно "стараясь": дает разуместь, что это дело не простое и не случайное. "Стараясь, – говорит, – сохранять единство духа».

3. Что такое единение духа? Как в теле душа все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразию, происходящему от различия членов телесных, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять (людей), неодинаковых между собою по происхождению и по образу жизни. Старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена, и всякое существо, одаренное душой, есть что-то единое и – это единство более единства телесного. Первое сродство выше последнего, (духовное) единство совершеннее. Союз духовный тем совершеннее, чем проще и однообразнее. А как он сохраняется? «в союзе мира». Его нет там, где вражда и

разделение. «Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?» (1Кор. 3:3)? Как огонь, попадая на сухие деревья, обращает их в один горящий костер, а над влажными не оказывает никакого действия и не соединяет их между собою, – так бывает и здесь: холодность душевная не способствует к соединению, а большей частью теплота. Отсюда происходит и теплота любви. (Апостол) хочет соединить всех нас узами любви. Подобно тому, – говорит он, – как, желая привязать самого себя к другому человеку, ты не иначе можешь сделать это, как, привязав его к себе самому, и если желаешь сделать этот союз взаимным, нужна его привязанность к тебе, – так и здесь, он хочет того, чтобы мы связаны были между собою не одним миром, но одной любовью, но чтобы у всех была одна душа. Это – прекрасные узы: этими узами мы соединяемся и между собою и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют связанных ими рук, напротив дают им большую свободу, открывают им большее пространство для деятельности и делают узников веселее, чем бывают не связанные. Сильный, находясь в союзе со слабым, укрепляет его и не допускает до гибели, а беззаботного он возбуждает к деятельности. «Брат от брата помогаем, – говорит (Премудрый), – яко град тверд» (Притч.18:19). Этого союза не может нарушить ни расстояние, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое; он выше и сильнее всего. Проистекая из единства души, он в одно и то же время может обнимать многих. Слушай, что говорит Павел: «Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно. В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы» (2Кор. 6:12–13). Что разрушает этот союз? Сребролюбие, властолюбие, честолюбие и многое другое ослабляет и разделяет членов этого союза. Как же устранить этот разрыв? Если не будет этих (страстей), не будет и препятствий для любви.

Вот что говорит Христос: когда "умножится беззаконие, во многих охладее любовь» (Мф.24:12). Ничто столько не противодействует любви, как грех, – я понимаю не только любовь к Богу, но и к ближнему. Как же, спросят, разбойники живут между собой мирно? Но, скажи мне, когда? Во всяком

случае, когда они не ведут разбойнической жизни. Но если они не соблюдают справедливости в разделе добычи и не отдают каждому законной части, то и их видишь во вражде и войне между собою. Так нельзя найти мира там, где злодеяние; но всегда можно найти его там, где живут справедливо и добродетельно. Что еще? Соперники живут ли между собою мирно? Вовсе нет! На кого же прикажешь указать мне? Скупой со скупым никогда не могут иметь мирных отношений. Если бы они были справедливы и уступчивы и не оказывали несправедливости друг другу, то и не было бы этого рода людей. Как два диких голодных зверя, за недостатком добычи, пожирают друг друга, так бывает в обществе (людей) скупых и злых. Таким образом, без добродетели не может быть мира. Составим, если угодно, целое общество из людей любостыжательных, пусть будут все они пользоваться равенством чести, никто не будет их обижать, а они сами будут несправедливы друг к другу: может ли существовать такое общество? Совсем нет! Живут ли мирно злободетельцы? Не найдешь и двух согласных между собою. И причина опять та же – охлаждение, а охлаждение любви – следствие умножения беззакония. Оно ведет к себялюбию, оно разрывает и рассекает тело, ослабляет и разрушает его. Напротив, от добродетели происходят совершенно противные действия. Добродетельный человек выше денег. Если бы бесчисленное множество (людей) жило в бедности, они могли бы оставаться в мире между собою. А скупцов, хотя бы сошлось только двое, они никогда не могут сохранять мирных отношений друг к другу.

4. Итак, если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель от любви, а любовь от добродетели. Объясню – каким образом. Добродетельный человек не предпочитает денег дружбе, он не помнит зла, не оказывает несправедливости ближнему, не наносит ему обид и сам все переносит великодушно. Из этого состоит любовь. Опять, кто любит, тот имеет все эти (качества). Таким образом, одно создается другим. Отсюда видно, что любовь от добродетели, – на что и указывал (Господь), когда говорил: когда умножится беззаконие, «во многих охладет любовь». А

что добродетель от любви, об этом говорит (апостол): «любящий другого исполнил закон» (Рим. 13:8). Потому необходимо быть одному из двух: или сильно любить и быть любимым, или быть в высшей степени добродетельным. Кто имеет одно, у того необходимо есть и другое; и наоборот, не имеющий любви делает зло, и делающий зло не знает любви. Будем же стремиться приобрести любовь: она предохранит нас от зла. Свяжем себя (узами любви). Пусть не будет у нас ни обмана, ни лукавства. Ничего этого нет там, где есть дружба. Об этом так сказал некий мудрец: «Если ты на друга извлек меч, не отчаивайся, ибо возможно возвращение дружбы. Если ты открыл уста против друга, не бойся, ибо возможно примирение. Только поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство могут отогнать всякого друга» (Сир. 22:23–25). Раскрытие тайны, говорит, удаляет его. Впрочем, если все мы будем дружно жить между собою, то не будет нужды и в тайнах. Как никто не имеет тайны от себя и ничего не может скрывать от самого себя, так – и от друзей. А когда не будет тайн, не возможен будет и разрыв из-за них. Тайны у нас – следствие того, что мы не можем положиться на верность каждого; тайны – плод охлаждения любви. В самом деле, какая может быть у тебя тайна? Хочешь несправедливо поступить со своим ближним? Или – воспрепятствовать ему в получении какого-нибудь блага, и потому скрываешься от него? Или этого ничего нет, но ты стыдишься (высказаться)? А это не признак ли того, что ты не доверяешь ему? При любви не будет ни измены тайне, ни порицания ее. В самом деле, скажи мне, кто и когда поносит сам себя? А если это и бывает, то для пользы. Мы делаем выговоры и детям для того, чтоб исправить их. И когда Христос укорял города (Хоразин и Вифсаиду), говоря: «Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаидо!» (Мф. 11:21, Лк. 10:13), – то (делал это для того), чтоб избавить их от бесславия. Ничто ведь не имеет такого влияния на душу, ничто столько не способно восстановить ее и исправить ее непостоянство (как обличение). И мы не без намерения обличаем друг друга. В самом деле, за что ты станешь укорять ближнего? За деньги? Не станешь, если свое собственное считаешь общим достоянием. За грехи? Но

это не укор, а скорее исправление. «Коварное злодейство», – сказано. Что же, станет ли кто губить и уязвлять себя самого? Никто.

Итак, будем стремиться к любви. Не просто сказано: возлюбим, но будем гнаться (за любовью), т. е. должно употребить большие усилия. (Любовь) скоро исчезает, быстро уходит от нас: так много препятствий встречает она для себя в этой жизни. Если мы гонимся за ней, то она не будет так поспешно оставлять нас, и мы скоро ее привлечем. Любовь Божья соединила небо с землей; любовь Божья посадила человека на царский престол; любовь Божья явила Бога на земле; любовь Божья сделала Владыку рабом; любовь Божья предала Возлюбленного за врагов, Сына за ненавистников, Владыку за рабов, Бога за людей, Свободного за невольников. Но и этим она не ограничилась, а призвала нас ещё к большему. Не только освободила нас от прежнего зла, но и обетовала нам даровать гораздо большее благо. Возблагодарив за все это Бога, постараемся стяжать всякую добродетель, а более всего будем преуспевать в любви, чтоб удостоиться обетованных благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 10

Еф.4:4. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания.

Губительность тщеславия.

1. Когда блаженный Павел желает расположить (христиан) к чему-нибудь особенно высокому, то, будучи исполнен мудрости и духовности, он побуждает к этому предметами небесными – примером самого Господа. Так в одном месте он говорит: «и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас» (Еф.5:2), и еще: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу» (Фил. 2:5–6). Точно также поступает и здесь. Когда бывают указаны великие примеры, у человека рождается сильная ревность и желание (подражать им). Итак, что же он говорит, побуждая нас к единению? «Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф.4:4–5). Что же такое "Одно тело"? Верные всех мест вселенной, живущие, жившие и имеющие жить. Угодившие (Богу) до пришествия Христова тоже составляют одно тело. Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? «Авраам, отец ваш, – сказано, – рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Иоан. 8:56); еще: «Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне" (Иоан. 5:46). Действительно, не стали бы писать о том, о ком не знали, что сказать. Если же знали, то без сомнения и почитали. Потому-то и они составляют одно тело. Тело не отделяется от духа, иначе оно не было бы телом, – потому что у нас о предметах, соединяемых между собою и имеющих большую связь, обыкновенно говорится: одно тело. Так точно и сами мы в соединении составляем одно тело, при одной главе. При единстве же того и другого, тело хотя состоит и из разных членов, важных и неважных, однако ни лучший из них не вооружается против члена ничтожного, ни первый не подвергается зависти со стороны последнего. И хотя не все

(члены) имеют одинаковое отправление, а каждый подчиняется определенному требованию необходимости, однако, поэтому самому, – что все совершается ими по необходимости, или по требованию различных нужд, – все они равно достойны уважения. Впрочем есть между ними одни высшие, а другие низшие, как например, голова господствует над всем телом, в ней заключаются все чувства и самое господство души, – вследствие чего без головы никому нельзя жить, тогда как, по отсечении ног, многие надолго еще остаются в живых. Таким образом, голова лучше прочих (членов) не только по своему положению, но и по своей деятельности и значению. Но для чего я говорю об этом? И в Церкви много есть таких, которые достигли такой же высоты, как и голова, созерцают небесное, как глаза в голове, весьма удалены от земли и не имеют ничего общего с ней. Иные же занимают место ног, попирая землю, – ног, впрочем, здоровых. Ведь ногам вменяется в преступление не то, что они попирают землю, а то, что они уклоняются на путь нечестия, что "Ноги их, – как сказано, – бегут ко злу» (Ис. 59:7).

Итак, ни глаза не должны презирать ног, ни ноги завидовать глазам. В противном случае, каждый член теряет собственное достоинство, и надлежащее употребление его бывает затруднительно. И справедливо: злоумышляющий на ближнего своего тем самым, прежде всего, злоумышляет на себя самого. Так, если ноги не захотят носить головы, когда нужно бывает передвижение с одного места на другое, то своей недейтельностью и неподвижностью они вредят и себе самим. Равным образом, если бы и голова не захотела иметь никакого попечения о ногах, то этим она, прежде всего, повредила бы себе самой. Но они (т. е. голова и ноги), как и следует, не враждебны друг другу, потому что так устроены природой. Каким же образом человеку можно не восставать против человека? Никто (скажешь) не восстает против ангелов, так как и они не восстают против архангелов; животные также не могут одержать верх над мной; а где природа одинакового достоинства, где одинаковые дарования и никто не имеет более другого, – почему же нельзя восставать одному против другого?

Но это-то самое и не дает тебе права восставать против ближнего. Если все общее, и ни один против другого не имеет ничего большого, то на каком основании можно превозноситься одному пред другим? Мы наделены одинаковой природой, сходны по душе и по телу, дышим одним и тем же воздухом и употребляем одинаковую пищу: почему же будем восставать (друг против друга)? Правда, возможность через добродетельную жизнь стать выше бесплотных сил может вести к высокому мнению о себе; но это еще не было бы высокомерием. Ведь я по праву ставлю себя высоко и очень высоко в сравнении с демоном. Смотри, каким образом и Павел ставил себя выше демона. Когда много удивительного говорил о нем демон, то он заставлял его молчать, не поддаваясь обольстителю. Так, когда отроковица, имевшая дух пытлив, говорила: «сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (Деян. 16:17), – он, после строгого воспрещения, связал ему его бесстыдный язык. И еще, в другом месте, он же пишет следующие слова: «Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре» (Рим. 16:20). Не следствие ли это различия природы?

2. Разве ты не видишь, что значение имеет не различие природы, а свободная воля? Следовательно, по свободной воле они (демоны) хуже всех. Но против ангела, ты говоришь, я не восстаю, потому что между мною и им большое расстояние.

Но также ты не должен восставать и против человека, как и против ангела. Как ангел отличен от тебя по природе, что, впрочем, не должно служить для него ни похвалою, ни осуждением, так и человек отличается от другого человека не по природе, но по внутреннему настроению и делается между людьми ангелом. Поэтому, если не вооружаешься против ангелов, то тем более (ты не должен вооружаться) против людей, которые в человеческой природе делаются ангелами. При этом, человек так же добродетельный, как ангел, для тебя гораздо лучше ангела. Почему? Потому, что он собственной волей исправил свою природу, и еще потому, что ангел удален от тебя местом и обитает на небе, а тот живет с тобой и возбуждает в тебе соревнование. Впрочем, и он далек от тебя –

даже более, чем тот: «Наше же жительство, – говорит, – на небесах» (Фил. 3:20). А (чтобы убедиться тебе) что он, действительно, далек от тебя, – выслушай, где обитает его глава: на троне царственном, говорит он. Но чем дальше от нас этот трон, тем далее и он от нас. Но ты говоришь: я вижу, что он пользуется честью и это производит во мне зависть. Зависть-то и была причиной бесчисленных беспорядков во всем творении и горнем и дольном, и не только на земле, но и в самой Церкви. Как бурный и противный ветер, устремляясь к спокойной пристани, делает ее опаснее всякой скалы и всякого плаванья на море, так точно и любовь к славе, овладевая (человеком), все разрушает и приводит в беспорядок.

Вы часто бывали при пожаре больших домов. Видали, как дым поднимается к небу, и как огонь, мало-помалу, истребляет все, потому что никто не заботится о том, как бы прекратить несчастье, а каждый думает только о себе. Нередко сходится целый город, собирается множество народа посмотреть на бедствие; но защиты и помощи нет ни от кого. Можно при этом видеть, как собравшиеся ничего не делают; каждый из них только протягивает руку, чтобы указать вновь туда пришедшему или на то, как пламя постоянно исторгается из окон, или как обваливаются потолки, и целые стены падают со своих оснований на землю. Бывает, впрочем, много людей смелых и не боящихся опасности, которые не боятся ближе подходить к горящим зданиям, но не для того, чтобы содействовать прекращению бедствия, а чтобы более насладиться зрелищем, и вблизи рассмотреть все, чего издали часто не видно. Если же это бедствие постигло дом знаменитый и великолепный, то, кажется, зрелище достойно особенного сожаления и больших слез. В самом деле, печальное зрелище – видеть, как главы колонн превращаются в пепел, как многие из них разбиваются вдребезги, иные от действия огня, а другие собственными руками своих строителей (делающих это для того), чтобы не дать большей пищи огню; (печальное зрелище) – видеть статуи, служившие, под защитой кровли, украшением здания, после падения кровли, без защиты, стоящими под открытым небом, в крайне безобразном виде. Еще что? Кто исчислит богатство,

заклучавшееся в этих зданиях, – золотые одежды и серебряные сосуды? И куда входил только один господин с своей супругой, где была кладовая для многочисленных одежды и ароматов, где было хранилище драгоценных камней, – всюду, как скоро начался пожар, проникают банщики, мусорщики, бродяги и все другие им подобные. И вот все, что ни находилось внутри, превратилось в воду, огонь, грязь, пыль и обожженные бревна. Но зачем я так широко раскинул пред вами эту картину? Не просто пожар дома хочу я описывать, – что мне за нужда в этом? – а хочу представить вашему взору, насколько возможно, бедствия Церкви. В самом деле, точно пожар какой, или молния, несясь с высоты, ринулась на самый кров Церкви, и между тем это никого не трогает! Когда горит отцовский дом, мы спим глубоким и непробудным сном. Кого не коснулся этот пламень? Каких изображений, стоявших в Церкви, не тронул он? И подлинно, Церковь есть не что иное, как дом, выстроенный для наших душ. Впрочем не все, что вошло в состав этого здания, одинаково по своему достоинству: из составных его камней иные блестящие и великолепны, иные же хуже и темнее, хотя все-таки гораздо лучше остальных. Можно видеть здесь много из них и таких, которые занимают место золота, – золота, украшающего кровлю: иные, как видно, служат таким же украшением, как статуи в домах; а многие стоят на подобие колон. Принято ведь и людей называть колоннами не только за их силу, но и потому, что, имея золотой головной убор, они своим красивым видом украшают (свое место). А в многочисленности народа можно видеть как бы большое и пространное протяжение стен: множество народа занимает место камней, из которых сооружаются стены.

3. Но нужно перейти к более блестящей картине. Эта Церковь сооружается не из (простых) камней, но из золота, серебра, драгоценных камней, оправленных в золото. Но, увы, какая жалость! Все это сожжено господством тщеславия, – этим всепожирающим пламенем, – и никто не пересилил его действия. Мы стоим и удивляемся пожару, но не имеем сил потушить зло. Да хотя бы и потушили его на короткое время, – пройдет два, три дня, и тлящаяся в золе искра низвращает все,

чего прежде и не касалась. Так и здесь, делается то же самое, что случается, обыкновенно, на пожаре. Причина этого заключается в том, что когда у нас не стало опор для самых церковных колонн, то огонь объял (эти колонны), поддерживавшие кров и сообщавшие крепость всему зданию; а через это ему открылся удобный доступ и к стенам. Если пламень истребит в здании деревянные части, то он устремляется на каменные. Но когда им разрушены и низвергнуты колонны, тогда он не имеет нужды истреблять остальное, – потому что, как скоро ниспадают столпы и подпоры верхних частей (здания), остальное само собою, без всякого препятствия, подвергается той же участи. Так точно ныне случилось и с Церковью: огонь объял всех. Ищем почестей у людей, воспламеняемся славолубием и не слушаем слов Иова: «то я боялся бы большого общества, и презрение одноплеменников страшило бы меня» (Иов 31:34). Видишь ли, добродетельную душу? Я не устыдился, говорит, пред множеством народа рассказать невольные грехи. Если же он не устыдился, то тем более нам следовало поступать так. «Припомни Мне, – говорит (пророк), – говори ты, чтоб оправдаться» (Ис. 43:26). Велика была сила этого зла: все она низвратила и истребила. Мы сделали рабами почести, оставив Бога. Мы не можем воспрещать этого своим подчиненным, будучи сами одержимы той же горячкой. Мы сами нуждаемся во врачестве, хотя и поставлены Богом для врачевания других. Какая же остается надежда на спасение, когда и сами врачи имеют нужду в помощи других? Это я сказал не без причины и не напрасно выражаю сетование, но для того, чтобы все мы вместе с женами и детьми, посыпавшись пеплом и облекшись во вретище, наложили на себя пост и просили Бога явить нам помощь и удалить от нас опасность. Подлинно наша помощь в Его великой и дивной деснице. От нас требуется больше, чем от ниневитян. «Еще сорок дней, – сказано, – и Ниневия будет разрушена» (Ион. 3:4). Страшное и весьма грозное объявление! И как было не (устрашиться ниневитянам) в ожидании того, что, по прошествии трех дней, их город для них же сделается гробом, и они все погибнут от одинакового

наказания? Если когда случилось в одно время и в одном доме погибнуть двум детям, то это было бедствием невыносимым. И если Иову казалась самым невыносимым бедствием – гибель всех (его детей) вследствие того, что над ними обрушилась кровля, то каково же было бы видеть не один дом, не двух детей, но целый народ, в количестве ста двадцати тысяч, погребенным под обрушившимися кровлями? Видите, какое бедствие! Подобная же угроза недавно была направлена и против нас не голосом пророка, – мы не достойны слышать такой голос, – но некоторым горним вещанием, огласившим нас громче всякой трубы. Опять повторяю сказанное: «еще сорок дней и Ниневия будет разрушена».

Поистине страшная угроза! Но ныне – совсем не то. Уже не три дня прошло и не гибель Ниневии угрожает нам, а много дней протекло с того времени, как на земле Церковь разрушена и повержена долу, как все одинаково рабствуют греху, а особенно те, на которых лежит ответственность управления. Чем сильнее зло, тем больше настоят нужда. Поэтому не удивляйтесь, если я убеждаю вас сделать в некотором отношении больше, чем сделали ниневитяне. Я проповедую вам не только пост, но и показываю то врачество, которое предохранило от падения этот город. Почему так? Потому, что когда Господь увидел (дела ниневитян), «они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион. 3:10). Сделаем это и мы с вами. Будем удаляться от корыстолюбия и славолубия, прося Бога явить нам Свою помощь и восстановить падших наших братьев. Мы не того должны страшиться (что угрожало Ниневии). Тогда имели ниспадать камни и бревна, и погибать тела; но нет ничего такого, но зато души имеют быть преданы огню гееннскому. Призовем же (Бога), прославим Его; за прошедшее испросим у Него прощение, а на будущее будем молить Его, чтобы, освободившись от этого лютого и сильного врага (греха), нам быть достойными воссылать хвалу человеколюбивому Богу и Отцу, с Которым Сыну со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 11

Еф.4:4–7. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания;

один Господь, одна вера, одно крещение,  
один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.

Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова.

Почему в церкви один получает больше, а другой – меньше. – Смирение необходимо для единства тела церкви. – Епископ поставлен для научения словом. – Производить разделения в церкви – не меньшее зло, чем впадать в ереси.

1. Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и – такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро. Словами: "Одно тело" он требует, чтобы мы сострадали друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях один другого; все это он выразил вместе. Потом весьма кстати прибавил: «и один дух», – научая, чтобы при одном теле был у нас один дух, так как может быть одно тело, но не один дух, – когда, например, кто-нибудь будет другом еретиков. Или этими словами ("один дух") он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров. Или, может быть, под словом – дух – он понимает здесь расположение, (πρόθυμον). Далее говорит (апостол): «как вы и призваны к одной надежде вашего звания». Т. е., Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого; всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувядаемую славу, всем братство, всем наследие, для всех сделанся общей главой, всех совоскресил и спосадил.

Итак, имея такое равночестие в духовном, для чего высокоумствуете? Потому ли, что такой-то из вас богат, а такой-то силен? Но не смешно ли это? Скажи мне, в самом

деле, если бы царь, избрав десять человек, облек их всех в порфиру, посадил на царском престоле и всем им даровал одну и ту же честь, – посмел ли бы кто-нибудь из них поносить другого – потому, что был бы богаче его и знаменитее? Отнюдь нет! Но этим сравнением я еще не все высказал, так как расстояние здесь не так еще велико. Итак, ужели мы, будучи равны на небе, будем превозноситься друг пред другом земными (отличиями)? «Один Господь, одна вера, одно крещение». Вот упование (нашего) звания. «Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас», – один и тот же. Или Он для тебя наименовался большим, а для того – меньшим? Ты спасся от веры, а тот – от дел? Тебе отпущены (грехи) в крещении, а тому – нет? Прочь (с такими мыслями)! «Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас». «Который над всеми», т. е., выше всего; «и через всех», т. е., обо всем промышляет, всем управляет; «и во всех нас», т. е., во всех обитает. Это же приписывается (в Писании) и Сыну: следовательно, это не означает меньшинства Сына: иначе того же не было бы сказано и об Отце. «Каждому же из нас дана благодать». Для чего же, говорят, и почему дарования различны? Это именно всегда приводило, как их самих (ефесян), так и коринфян и многих других, то к гордости, то к малодушию и зависти. Потому-то (апостол) и указывает нам везде на пример тела. Потому и теперь он предложил этот (пример), что хотел говорить о различных дарованиях. Впрочем, подробнее он исследует это в послании к Коринфянам, так как там особенно господствовал этот недуг. А здесь он теперь сделал на это только намек, – и смотри, что он говорит. Не сказал – по вере каждого, – чтобы не повергнуть в печаль тех, которые не получили великих (даров); но – что? «По мере дара Христова». Что, говорит, всего главнее, то общее всем, как-то: крещение, спасение через веру, (право) иметь Бога Отцом и всем иметь причастие в Том же Духе. Если же иной имеет нечто большее в (своем) даровании, то ты этим не огорчайся, потому что и трудов у него больше; помни и то, что с получившего пять талантов пять и взыскано было, а тот, кто получил два, два и принес, и отнюдь не получил за то воздаяния меньше первого.

Потому и здесь от того же доказательства он заимствует утешение для слушателя: «к совершению, – говорит, – святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (Еф.4:12). Потому и сам он говорил: "горе мне", – как и всякому, кто получил дар апостольства, – «если не благовествую!» (1Кор. 9:16). Но потому и горе ему, что он получил; а ты свободен от подобной опасности. "В меру". Что такое – "в меру"? Т. е., не за наши заслуги, так как (за заслуги) никто не получил бы того, что получил; но все мы (что получили, то) получили как дар.

2. Для чего же один (получил) больше, а другой – меньше? Это, говорит он, не имеет никакого значения, но дело безразличное: каждый (из получивших) способствует к созиданию. И потому показывает, что не ради собственного достоинства один получил больше, а другой меньше, но – для других, сколько кому сам (Христос) распределил. Так и в другом месте он говорит: «Но Бог расположил члены, каждый в *составе* тела, как Ему было угодно» (1Кор. 12:18). И не говорит о причине (такого распределения), чтобы не смутить мысли слушателей. «Посему и сказано: восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам» (Еф.4:8). Как бы так говорил он: что ты высокоумствуешь? Все было делом Божиим. Пророк говорит в псалме: «принял дары для человеков» (Пс. 67:19); а он говорит: «дал дары человекам». Последнее тождественно с первым. Таково же и следующее затем: «А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (Еф.4:9–10). Когда слышишь это, то не разумей (под этим) переходя. Здесь он делает то же самое, что и в послании к Филиппийцам. Как там, убеждая к смирennemудрию, он указывает на пример Христа (Фил. 2:5–9), так точно и здесь, говоря: «нисходил прежде в преисподние места земли». Иначе, излишни были бы слова его: «быв послушным даже до смерти» (Флп.2:8). От понятия о восхождении приводит к мысли о нисхождении. А дольнейшими странами земли он называет смерть согласно с понятиями человеческими, как и Иаков говорил: «сведете вы седину мою с горестью во гроб» (Быт. 44:29); как еще в псалме сказано:

«уподобился нисходящим в могилу» (Пс. 142:7), т. е., умершим. Для чего упоминается здесь об этой (дольней) стране? И о каком он говорит плене? О плене дьявола. Господь пленил этого тирана, разумею дьявола, и смерть, и клятву, и грех. Видишь ли добычу и корысти? «А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде?» Это направлено против последователей Павла самосатского. «Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все». Нисшел, говорит, в самые дольные отделения земли, за которыми уже нет других. И восшел превыше всего, далее чего уже нет ничего другого. Это означает Его силу и власть, потому что и прежде все Им наполнялось. «И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (Еф.4:11–12). Что говорит он в другом месте: «Посему и Бог превознес Его» (Фил. 2:9), то же высказывает и здесь словами: «Нисшедший, Он же есть и восшедший». Ни мало не повредило Ему нисшествие в дольнейшие страны земли и отнюдь не воспрепятствовало Ему быть превыше небес.

Таким образом, чем более кто смиряется, тем более тот возвышается. Как на воде – чем кто глубже погрузится в нее, тем сильнее она поднимает его наверх, и чем с (близшего) расстояния будет пущена стрела, тем вернее попадает в цель, так бывает и в смирении. Впрочем, когда мы говорим о восхождении Бога, необходимо прежде представлять Его нисшествие; а по отношению к человеку этого не нужно. Далее (апостол) указывает нам на (божественное) промышление и премудрость и говорит: Тот, Кто сделал столь многое, и показал такую силу, и не отказался низойти ради нас даже в дольнейшие страны, не сделал бы без причины такого разделения дарований. В другом месте он говорит, что это сделал Дух, именно: «в котором Дух Святой, – говорит он, – поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа» (Деян. 20:28). И тогда как здесь он говорит, что (сделал это) Сын, в другом месте говорит, что – Бог. И опять: «И Он поставил одних Апостолами, других пророками», а в послании к Коринфянам

говорит: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1Кор. 3:6). И опять: «Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду» (1Кор. 3:8). Так и здесь: что в том, что ты меньше приносишь (плодов)? Столько получил ты (и даров). Первое (поставил Бог) апостолов, так как они имели все. Второе – пророков, так как некоторые не были апостолами, но были пророками, например Агав. Третье – благовестников: это – те, которые не обходили всех стран, а только проповедовали, как Прискилла и Акила. Потом – пастырей и учителей, которым был вверен весь народ. Что же? Ужели пастыри и учителя меньше прочих? Конечно так: по сравнению с теми, которые обходили землю и проповедовали, те были меньше, которые сидели (дома) и имели занятие в одном месте, как Тимофей, Тит. Впрочем, из этого места нельзя вывести такого подчинения и предпочтения (одних по отношению к другим), но (это видно) из другого послания (1Кор. 12:28). "Он, – говорит, – поставил": не противоречь же. А может быть, благовестниками он называет и написавших евангелие. «К совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова».

3. Видишь ли достоинство (каждого)? Каждый созидает, каждый устраивает, каждый служит. "Доколе, – говорит, – все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13). Возрастом он называет здесь совершенное познание. Как человек в зрелом возрасте бывает тверд и постоянен в мыслях, а дети непостоянны, так точно и между верующими. «В единство, – говорит, – веры", т. е., пока окажемся все имеющими одну веру. Единение веры то и означает, когда мы все будем одно, когда все одинаково будем понимать этот союз. До тех пор должно тебе трудиться, если ты получил дар назидать других. Смотри, не совратись сам, завидуя другому. Бог почтил тебя и поставил на то, чтобы ты руководил к совершенству другого. Для этого был поставлен и апостол, для этого и пророк, который пророчествует и увещевает, для этого и благовестник, который проповедует, для этого и пастырь, и учитель: всем поручено было одно дело. Не говори же мне о

различии дарований: все они имели одно дело. Когда мы все веруем одинаково, это и есть единение (веры). Ясно, что он это называет (возрастом) совершенного мужа. Впрочем, в другом месте он называет нас детьми и в том случае, если бы мы были совершенны; но там он имеет в виду иное. Там он назвал нас детьми по отношению к будущему нашему знанию. Сказав именно, что мы «теперь знаю я отчасти», присовокупил: «гадательно» (1Кор. 13:12), и тому подобное. А здесь он говорит не об этом, а о постоянстве. Вот и в другом месте он говорит: «твердая же пища свойственна совершенным» (Евр. 5:14). Видишь ли, как и там назвал он совершенных? Посмотри и здесь, как он назвал их прикровенно, говоря: «дабы мы не были более младенцами» (Еф. 4:14). Он говорит о той небольшой мере (дарования), которую мы получили, чтобы мы сохраняли ее со всем усердием, твердостью и постоянством. «Дабы мы не были более». Этим выражением указывает на то, что некогда они были такими, и даже самого себя подчиняет условию исправления, исправляя других. Для того, говорит, и было столько строителей, чтобы здание было непоколебимо и защищено отовсюду, чтобы камни были сложены плотно. Волноваться, увлекаться и колебаться свойственно детям. «Дабы мы не были более, – говорит, – младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения» (Еф. 4:14). «Увлекающимися, – говорит, – всяким ветром». Он употребил это подобие, желая показать, в какой опасности находится всякая душа, преданная сомнению. "Всяким, – говорит, – ветром учения, по лукавству:(κοβεία) человеков, по хитрому искусству обольщения». Κοβευταί – так называются занимающиеся шахматной игрой. Это бывают люди хитрые, так как они обыкновенно выбирают для себя людей простых. И они-то все передвигают и переставляют. (Апостол) коснулся здесь мирских обычаев.

«Но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого, т.е. Христа, все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает

приращение для созидания самого себя в любви» (Еф.4:15–16). Довольно неясно он изложил свои мысли – оттого, что хотел высказать все вдруг. Вот что означают слова его: как дух, выходя из головного мозга, не просто сообщает, посредством нервов, чувствительность всем членам, но – сообразно с каждым из них – тому, который способен принять больше, и сообщает больше, а который меньше, тому меньше (потому что дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души так же зависимы от Него, как члены (от духа), то Его промысление и раздаяние даров, сообразно с мерой того или другого члена, производят возвращение каждого. Но что такое – «посредством всяких взаимно скрепляющих связей»? Т. е., посредством ощущения (αἰσθητικῶς). Этот дух, распределяющийся по членам от головы, прикасаясь к каждому из них, таким образом производит на них свое действие. Можно и так сказать: тело, воспринимая это воздействие (духа) соразмерно своим членам, возрастает таким образом. Или иначе: члены, получая соразмерное себе воздействие (духа), так возрастают. Или и еще: дух, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возвращает. Но почему он прибавил слово – "в любви"? Потому, что этот дух иначе не может сообщиться. В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух, (истекающий) из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью.

4. Все это сказано им для того, чтобы внушить смирение. Что, говорит, в том, что такой-то получил больше? Он получил Того же самого Духа, ниспосылаемого от той же самой главы, одинаково действующего, одинаково прикасающегося, «составляемое и совокупляемое» (со всем телом), т. е. имеющего о нем великое попечение. Не как-нибудь, но очень искусно должно быть расположено тело, так что, если в нем что-нибудь не на своем месте, то оно уже расположено не так. Таким образом, должно не только быть соединенным с телом, но и занимать там свое место, – иначе, если ты нарушишь это,

то не будешь соединен с ним и не получишь Духа. Не видишь ли ты, что бывает при перемещении костей, происходящем от какого-нибудь несчастного случая, когда (одна кость) оставит свое место и займет другое, – как это вредит всему телу и часто бывает причиной смерти? А бывает и так, что (кость) оказывается негодной, чтобы еще удерживать ее (в теле): в таких случаях многие вырезают ее и оставляют ее место пустым, потому что излишество во всем есть зло. И элементы (тела), когда они, потерявши свою пропорциональность, делаются избыточными до излишества, вредят целому. Вот что значит: «составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей», т.е., чтобы все (в теле) занимало свое место и не вторгалось в другое, ему несвойственное. Размысли об этом, сколько возможно. Ты соединяешь члены, а Он свыше всем распоряжается. И как в теле есть известные воспринимающие органы, так и у духа, который всецело есть небесный корень (жизни). Именно сердце (есть корень) духа, печень – крови, селезенка – желчи, и другие органы – других элементов; но все они зависимы от головного мозга. Согласно с этим и Бог поступил, удостоивая человека особенной почести: не желая покинуть его, сам Он сделался для него (конечной) виною всего, учредив в то же время сотрудников для Себя и одним из них поручив то, другим – иное. Так, апостол есть самый удобный сосуд тела (т. е. Церкви Христовой), принимающий от него все. Как бы посредством жил и артерий, он посредством слова способствует к сообщению всем жизни вечной. Пророк предсказывает будущее: и он (апостол) делает то же самое. Тот соединяет кости, а этот сообщает им жизнь – «к совершению святых, на дело служения». Любовь воссоздает, соединяет, сближает и сопрягает нас между собою.

Итак, если хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношению к этому телу (Церкви). В том и другом случае мы отделяемся от целого. Если же еще нам поручено созидать и других, и мы не созидаем, но

сами первые производим разделения, то чего не придется потерпеть за это? Ничто не может столько производить разделений в Церкви, как любоначалие; ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целостность Церкви. Первое совершено было для пользы всего мира, хотя и не с тем намерением; а последнее не доставляет никому никакой пользы, напротив составляет великий вред. Сказанное мною относится не к начальствующим только, но и к подчиненным. Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким, если бы не им было сказано. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая. В самом деле, скажи мне, для чего ты принимаешь мучения? Не для славы ли Христовой? Итак, будучи готов положить свою душу за Христа, как решаешься ты разорять Церковь, за которую положил душу Христос? Послушай, что говорит о себе Павел: «недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1Кор. 15:9). Вред (от разделений) не меньше того, какой причиняют враги, а гораздо больше. Там доставляется (Церкви) еще больший блеск, между тем как тут она сама себя роняет в глазах врагов, когда против нее воюют ее собственные дети. А это потому, что у них (врагов) считается за сильное доказательство обмана, когда те, которые родились в Церкви, в ней воспитаны, хорошо узнали ее тайны, – вдруг, изменившись, восстают против нее, как враги.

5. Сказанное мною направлено против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от Церкви. Если эти последние содержат противные (нам) догматы, то самому не должно с ними иметь общения; если же они мыслят одинаково с нами, то еще больше (должно избегать их). Почему так? Потому, что это недуг любоначалия. Не знаете разве, что случилось с Кореем, Дафаном и Авироном? Но одни ли они потерпели? Не вместе ли с ними (погибли) и их сообщники (Чис.16:32)? Что говоришь ты? «У них та же самая вера, и они также православны». Если так, отчего же они не с нами? «Один

Господь, одна вера, одно крещение». Если у них хорошо, то у нас худо; а если у нас хорошо, то у них худо. «младенцами, – говорит, – колеблющимися и увлекающимися всяким ветром». Скажи мне: ужели вы считаете достаточным то, что их называют православными, тогда как у них оскудела и погибла благодать рукоположения? Что же пользы во всем прочем, если у них не соблюдена эта последняя? Надобно одинаково стоять как за веру, так и за нее (благодать священства). А если всякому позволительно, по древней пословице, наполнять свои руки, быть священником, то пусть приступят все, и напрасно устроен этот жертвенник, напрасно (установлен) церковный чин, напрасно лик иереев: ниспровергнем и уничтожим это. Этого, говорят, не должно быть. Но не вы ли делаете это, а потом говорите: так не должно быть? Что еще говоришь ты: не должно быть, когда так на самом деле? Я говорю это и свидетельствую, имея в виду не свою выгоду, но ваше спасение. Если кто смотрит на это дело безразлично, такой пусть бы (внимательнее) взглянул. Если же ему нет об этом заботы, то нам она есть. "Я насадил, – говорит (апостол), – Аполлос поливал, но возрастил Бог». Как перенесем мы насмешки язычников? Если они укоряют нас за ереси, то чего не скажут по поводу их (расколов)? Если, говорят, одни у них догматы, одни таинства, то ради чего у них один предстоятель (церкви) нападает на другую церковь? Смотрите, говорят, у христиан все исполнено тщеславия. У них и любоначалие, у них и обман. Отнимите у них народ, пресеките болезнь, т.е., развращение народа, – и они останутся ничем. Хотите ли, я скажу вам, что говорят они о нашем городе, как они укоряют нас в легкомыслии? У них, говорят, всякому, кто только пожелает, можно найти людей без твердых правил, и никогда у них в таких людях не было недостатка. Какое посмеяние! Какой стыд! Но вот и еще – достойное посмеяния и служащее к нашему стыду. Если у нас кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах и на него захотят наложить какую-нибудь епитимью, то все весьма беспокоятся и боятся, как бы, говорят, он не отделился от нас и не пристал к другим. Пусть отделяется хоть тысячу раз, и пусть пристаёт к ним; я говорю не о согрешивших только, но

хотя бы кто и вовсе был безгрешен, – если хочет отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренне, лишаясь в таком как бы собственного члена, но огорчаюсь не так, чтобы опасение всего этого могло принудить меня сделать что-нибудь недолжное.

Мы не повелеваем, возлюбленные, вашей вере, не деспотически приказываем вам это. Мы поставлены для поучения вас словом, а не для начальствования и самовластия над вами; наше дело советовать вам и увещевать. Советник говорит, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу – принять или не принять совет. Он будет виновен только в том, если не скажет того, что ему поручено. Потому-то и мы говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: никто нам этого не говорил, никто не объяснил, мы этого не знали и вовсе не считали грехом. Итак, я говорю и свидетельствую, что производить разделения в Церкви не меньшее зло, как и впадать в ереси. Скажи мне: если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя к другому царю и не передаваясь во власть другого, взял в свои руки порфиру своего царя и, спустивши ее всю от застежки, разорвал на несколько частей, – меньше ли бы он был наказан, чем и тот, кто передался бы другому (царю)? Но что, если бы после этого он схватил за горло своего царя, заколол его и разрубил на части его тело, – какому бы наказанию следовало подвергнуть его, чтобы отплатить по достоинству? Если же тот, кто так поступит с царем, таким же рабом (по отношению к Богу), как и он сам, совершит преступление, превосходящее всякое наказание, – то какой геенны заслуживает тот, кто закалает самого Христа и рассекает на части? Ужели – этой, какой грозят нам? Мне кажется, что какой-нибудь другой, еще более ужасной. Расскажите же вы (женщины), какие находитесь здесь, – ведь этот порок большей частью замечается в женщинах, – расскажите этот пример отсутствующим и возбудите в них страх. Если же кто думает огорчить нас и мстит нам таким образом, то такой пусть знает, что он напрасно делает это. Если тебе хочется мстить нам, то я покажу тебе способ, как ты

можешь мстить без вреда для себя, или лучше, не без вреда, а с меньшим, по крайней мере, вредом: ударь меня по лицу, оплюй публично, нанеси мне раны.

6. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: ударь меня, то ты содрогаешься, – и между тем ты терзаешь своего Владыку без содрогания? Разрываешь Владычни члены и не трепещешь? Церковь – это отчий дом: «Одно тело и один дух». Но если ты хочешь мстить мне, то против меня и восставай. Зачем же, вместо меня, мстишь Христу? Или лучше: зачем ты наносишь удары по гвоздям? И вообще мстить ни в каком случае неодобрительно; но, вместо виновного, нанести обиду другому – гораздо хуже. Ты потерпел от нас обиду? Для чего же, в таком случае, огорчаешь того, кто тебе не сделал никакого зла? Это крайне безрассудно. Вот что я скажу на этот счет, и не шутя, не просто, но как думаю и как чувствую. Именно, я желал бы, чтобы всякий из тех, кто вместе с вами питает к нам неприязнь и ради этого вредит себе самому, удаляясь от нас к другим, нанес нам удар в самое лицо и, обнажив нас, стал бичевать без жалости, справедливо ли бы или несправедливо мы были обвинены, и лучше на нас выместил свой гнев, чем решался на то, на что решается теперь. Если бы это случилось, то не было бы в том никакой важности, потому что пострадал бы в этом случае ничтожный человек, нестоящий никакой цены. С другой стороны, потерпев от вас обиду и бесчестие, я помолился бы за вас Богу и Он простил бы вам ваши грехи, – не потому, что я имею такое дерзновение, но потому что, когда человек, которому сделана обида, молится за обидевшего, то получает великое дерзновение. "Если кто согрешит против человека, – сказано, – помолятся о нем» (1Цар. 2:25). Если же бы я сам не мог (этого сделать), то поискал бы других святых мужей и упросил бы их, и они сделали бы это. А теперь кого и просить нам, когда мы оскорбили Бога?

Посмотри, какая у них (производящих расколы) несообразность. Из тех, которые так поступают по отношению к Церкви, одни вовсе никогда не приходят сюда, или же однажды в год и то без порядка и как случится; другие приходят чаще, но также беспорядочно для пустых разговоров и ничтожной

болтовни. Иные представляются усердными, это – те, которые производят такие бедствия (в Церкви). Итак, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердие, то лучше бы вам быть в числе нерадивых; а еще гораздо лучше, если бы те не были нерадивы, а вы не были такими. Я говорю не о вас, находящихся здесь, но о тех отступниках. Такое дело есть как бы прелюбодеяние. Если же тебе не хочется слышать этого об них, то (не слушай и того, что они говорят) об нас, – так как здесь что-нибудь одно из двух должно быть противозаконно. Если вы нас подозреваете в этом, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите, – только пусть будет Церковь едина. Если же мы поставлены законно, то убедите низложить тех, которые противозаконно заняли кафедру. Говорю это, не приказывая вам, но предохраняя и предостерегая вас. Так как каждый из вас имеет возраст и дает отчет в своих поступках, то я прошу вас о том, чтобы вы, все слагая на нас, не считали невинными самих себя и, таким образом, в обольщении не повредили напрасно самим себе. Мы дадим ответ за ваши души, но только тогда, когда что-нибудь будет опущено с нашей стороны, когда мы не будем упрашивать вас, не будем увещевать, не будем свидетельствовать против вас. После этого, позвольте и мне сказать: «чист я от крови всех» (Деян. 20:26), и: "избавит" Бог душу мою (2Тим. 4:18). Скажите, чего вы хотите, укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду оправдываться. Но вы не говорите. Поэтому я прошу вас и самим твердо основаться здесь, и отложившихся привести, чтобы нам воспослать единодушную благодарность Богу, Которому слава во веки. Аминь.

## Беседа 12

Еф.4:17–18. Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего,

будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их.

Деньги – суетны, когда их расточают на удовольствия. – Против огнепоклонников. – Против веры в судьбу и в переселение душ.

1. Учитель должен назидать и исправлять души учеников не только советом и вразумлением, но и страхом и напоминанием о Боге. Ведь когда слова человека, как такого же раба, не в состоянии подействовать на душу, тогда уже необходимо напомнить и о самом Господе. Так делает и Павел. Сказавши о смиренномудрии и единении, равно как и о том, что не должно восставать одному против другого, послушай, что (потом) он говорит: «Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы». Не сказал: «чтобы вы более не поступали» как вы хотите, – так как это могло бы уязвить их, – но указал на других, хотя выразил то же самое. Также поступает он и в послании к Фессалоникийцам, когда говорит: «а не в страсти похотения, как и прочие язычники" (1Фес. 4:5). Вы оставили, говорит он, их (языческие) верования; но это всецело зависело от Бога; а я требую того, что зависит от вас, – именно: жизни и хождения по Богу. Это ваш долг; а я призываю Господа в свидетели своих слов, – что я не умолчал, но сказал, как вам должно вести себя. «По суетности, – говорит, – ума своего». Что такое суета ума? Занятие суетными предметами. А что суетно, как не все настоящее, о чем говорит Екклесиаст: «суета сует, – все суета!» (Еккл. 1:2)? Но скажет кто-нибудь: если (то или другое) суетно и ведет к суете, то для чего же оно существует? Если при том это – дело Божье, то как же оно может быть суетно? И много возражений касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дела Божий назвал (Екклесиаст) суетными, –

нет; не небо суетно, не земля суетна, – нет; не солнце, не луна, не звезды, не тело наше. Все это – «очень хорошо». Что же суетно? Послушаем, что говорит сам Екклесиаст: «Посадил себе виноградники,.. сделал себе водоемы,.. приобрел себе крупного и мелкого скота,.. собрал себе серебра и золота,.. завел у себя певцов и певиц... И сказал я в сердце моем, что и это – суета» (Еккл. 2:4, 6–8, 15); опять: «суета сует, – все суета!». Послушай, что говорит и пророк: "Собирает человек и не знает, кому достанется то» (Пс. 38:7). Поэтому «суета сует» – великолепные здания, обилие и избыток золота, толпы слуг, шумно бегущих по площади, гордость и тщеславие, высокомерие и надменность. Все это – суета, потому что произошло не от Бога, но произведено людьми. Почему, однако ж, это суетно? Потому, что не имеет никакой доброй цели.

Суетны деньги, когда их расточают на удовольствия; но не суетны они, когда их употребляют на вспомоществования бедным. Когда ты тратишь их на удовольствия, – посмотрим, какое отсюда происходит следствие. Тучность тела, отрыжки, ветры, обилие кала, головная боль, телесное расслабление, жар и изнеможение. Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно, так и человек, предающийся удовольствиям, наливает воду в просверленный сосуд. Еще суетными называют несбыточные честолюбивые замыслы: они действительно суетны, ненадежны, тщетны; вообще суетным называют то, что ни к чему не пригодно. Посмотрим же, не таковы ли (дела) человеческие? «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (1Кор. 15:32). Какое же отсюда последствие, скажи мне? Тление. Мы облакаемся в дорогие одежды и наряды: а что пользы от этого? Никакой. Так умствовали и некоторые из эллинов, но вотще. Они вели строгую жизнь, но по-пустому, не имея в виду никакой полезной цели, поступая так из тщеславия, для снискания почета от толпы. Но что такое честь, которую нам оказывает толпа? Ничто. Если и сами, воздающие нам честь, погибают, то тем более – эта честь. Кто воздает честь другому, должен наперед приобрести ее сам. Если же он не приобрел ее для себя, то как же доставить ее другому? А между тем мы домогаемся чести от

бесславных и презренных людей, бесчестных и позорных: что же это за честь?

2. Видишь ли, что все суета сует? Поэтому и сказал (апостол о язычниках): «по суетности ума своего». Но не такова ли у них и вера? В самом деле, не кланяются ли они деревьям и камням? (Бог) создал солнце, чтобы оно служило нам вместо светильника. Кто же поклоняется своему светильнику? Солнце дает от себя свет; когда же оно не может светить, тогда светит светильник. Итак, почему же ты не поклоняешься светильнику? Да, скажет иной, я поклоняюсь огню. Нельзя удержаться от смеха, слыша о таком бесчестии; и ты не стыдишься? Опять же: для чего ты гасишь то, чему поклоняешься? Для чего губишь, для чего умерщвляешь своего бога? Почему ты не даешь ему наполнить собою всего твоего дома? Если огонь – бог, то поднеси к нему свое тело, а не подкладывай бога под дно горшка или котла. Внеси его в твою кладовую, внеси туда, где твои шелковые одежды. Но ты не только не вносишь его, напротив, если он куда-нибудь случайно проникнет, ты гонишь его отовсюду, созываешь всех, плачешь, стенаешь, как будто зашел к тебе какой-нибудь зверь; и когда, таким образом, твой бог посетит тебя, ты называешь это величайшим несчастьем. Я имею Бога, и делаю все для того, чтобы воспринять Его на свою грудь, и считаю блаженством для себя не только то, когда Он посетит мой дом, но и то, когда я привлеку Его в свое сердце. Вовлеки же и ты огонь в свое сердце. Смешно это и суетно! Огонь хорош для употребления, а не для поклонения, для служения и рабского повиновения мне, а не для господства надо мною. Он создан для меня, а не я для него. Если ты поклоняешься огню, для чего же сам почиваешь на ложе, а своего повара заставляешь предстоять пред твоим богом? Сам займись поварством, сделайся пекарем или, если угодно, кузнецом, – для тебя ничего не должно быть почетнее этих занятий; так как за ними наблюдает сам твой бог. Почему ты почитаешь бесчестным то занятие, где так много твоего бога? Для чего поручаешь его рабам и не оставляешь за собою этой чести? Огонь – хорошая вещь, так как сотворен благим Творцом, но он – не бог. Он называется делом Божьим, но не

богом. Разве ты не видишь, как он неукротим, как он, охвативши дом, не останавливается нигде? Если ему попадает непрерывный ряд каких-нибудь предметов, он уничтожает все, пока руки плотников или других людей не уймут его неистовства; он не знает ни друзей, ни врагов, но одинаково поступает со всеми. Итак, такой-то твой бог, – и ты не стыдишься? Подлинно, хорошо сказал (апостол): «по суетности ума своего».

Но, говорят, наш бог – солнце. А скажи мне, почему это и из-за чего? Что оно много дает от себя свету? Но разве ты не видишь, как его побеждают облака, как оно подчинено закону естественной необходимости, подвержено затмениям, закрывается луной и облаками? Хотя облако бессильнее его, однако ж часто берет перевес; и это также дело премудрости Божьей. Бог должен быть вседозволен, солнце же имеет нужду во многом; а это несвойственно Богу. Так (солнце) нуждается в воздухе для того, чтобы светить, и при том в тонком воздухе, потому что слишком густой воздух не пропускает лучей сквозь себя. Нуждается и в воде или в чем-нибудь другом, что ограничивало бы его действие, чтобы ему не произвести пожара. Если бы не было источников, ни озер, ни рек, ни морей, которые посредством испарений, выходящих из них, производят некоторую влажность, то солнце могло бы все поглотить. Итак, видишь ли, что это за бог? Какое безумие! Какой смех! Так как, говорят, оно может вредить, то оно – бог. Напротив, потому-то оно и не бог, что для того, чтобы произвести вред, не нуждается ни в чем содействии, а чтобы быть полезным, имеет нужду во многом другом. Богу несвойственно производить вред, – отнюдь, – Ему свойственно благодетельствовать. Если же о солнце надобно сказать противное, то как же оно будет богом? Не видишь ли, что ядовитые лекарства производят вред, и (для этого) им не нужно больше ничего; но для того, чтобы доставить пользу, им нужно многое (другое)? Для тебя солнце создано и прекрасным и вместе бессильным: прекрасным, чтобы (по нему) ты познал Владыку, бессильным, чтобы ты не называл его своим владыкой. Но оно, говорят, питает растения и семена. Что же: ужели поэтому и навоз – бог? Ведь и он также питает

растения. Для чего же уж не присоединить к этому серпа и рук земледельца? Укажи мне, где бы солнце одно произрастило (растения), не нуждаясь для этого ни в земле, ни в воде, ни в трудах земледельца; пусть оно само посеет семена и, согрев их лучом своим, произведет нам колосья. Если же это зависит не от него одного, а и от дождя, то почему же вода – не бог? Но пока не об этом речь. Почему земля – не бог? Почему навоз и заступ – не боги? Уже ли ж, скажи мне, всему этому должно поклоняться? Какое безумие! А между тем колос скорее вырастет без солнца, чем без земли и воды, равно как и деревья и все другое. Без земли не может быть ни одного (растения). Если же кто-нибудь, всыпав земли в глиняный сосуд, – как это делают дети и женщины, – и прибавив туда нужное количество навоза, ставит этот сосуд под кровлей, то вырастают растения, хотя и слабые. Таким образом, существенное значение имеют земля и навоз, и их надобно почитать больше, чем солнце. Для того, чтобы солнце не производило вреда, нужно небо, нужен воздух, нужно столько вод, которые бы обуздывали его дикую силу и не позволяли лучу его, точно какому неукротимому коню, проникать всюду. Но, скажи мне еще, где бывает солнце ночью? Куда скрывается этот твой бог? Богу не свойственно подлежать стеснению и ограничению; это именно свойственно только телам. Но, говорят, в нем есть какая-то сила и она движется. Что же, скажи мне, эта сила – бог? Отчего же она является недостаточной и не сдерживает огня? Я опять повторяю прежнее. Что это за сила? Есть ли это сила светящая, или она светит посредством солнца, сама не принимая в этом никакого участия? В таком случае солнце превосходнее ее. Впрочем довольно нам вращаться в этом лабиринте.

3. А вода, говорят, ужели и она не бог? Вот и еще спор, подлинно достойный смеха! Как же не бог, говорят, вода, когда мы имеем в ней нужду в столь многих случаях? То же самое говорят и о земле. Вот уж именно говорящие это – «по суетности ума своего, помрачены в разуме». Впрочем, здесь (апостол) так выразился об их жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодеянию. И понятно: изобретая себе таких богов,

они согласно с этим поступают и во всем. Если только они могут скрыть (свои поступки) от взоров людей, то нет уже ничего, что могло бы удерживать их (от худых дел). Может ли, в самом деле, иметь для них какую-нибудь силу учение о воскресении, когда они считают его басней? А о мучениях в аду? Для них и это – басни; и, заметь, здесь внушение сатанинское. Когда им рассказывают о распутстве их богов, они не называют этого баснями, но верят. А когда им говорят о наказаниях, то они возражают: все это поэты выдумывают для того, чтобы повсюду расстроить счастливый порядок жизни.

Но философы, говорят они, изобрели нечто, вполне заслуживающее внимания и лучшее этих (басней). Какие же это философы? Ужели те, которые выдумали судьбу и утверждают, что все существует без Провидения, нет зиждительного Промысла, все сложилось из атомов? Но, говорят, другие признали Бога действительным бытием (οὐρα). Какие же это, скажи мне? Те, которые производят души человеческие от душ собак и уверяют людей, что в известное время тот или другой из них был собакой, львом, рыбой? Доколь не перестанете пустословить, «помрачены в разуме»? И подлинно они как в рассуждении догматов, так и касательно жизни, все говорят и делают так, как бы находились в темноте; человек, окруженный мраком, не видит ничего пред собой, он веревку принимает за ползущего змея, или, зашедши в тесное место, думает, что его схватил человек или демон. И сколько тут страха и беспокойства! Подобных же вещей боятся (и язычники). «Там убоятся они страха, – сказано, – [где нет страха]» (Пс. 13:5), а чего бы следовало страшиться, того они не страшатся. Подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню, и смело порываются к зажженному светильнику, а между тем боятся человека в одежде из козьей шерсти, так и эти эллины – настоящие младенцы, как и сказал об них некто: «эллины – всегда дети». Того, что не составляет греха, они боятся, как-то: телесной неопрятности, похорон, катафалков, тяжелых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как-то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния, блуда, – они и не думают считать за

грех. Ты можешь видеть, как (язычник) обмывается после мертвеца, но от мертвых дел он не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег, и в то же время думает, что одно пение петуха может разрешить всякое (недоумение). Так они помрачены разумом. Душа их преисполнена множества примет. Например, такой-то, говорят, первый встретился со мной, когда я выходил из дому: непременно случится тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне обувь, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левой ногой: и это предвещает несчастья. Это – домашние неудачи. Когда же я вышел из дому, у меня правый глаз мигнул: быть слезам. Равным образом и женщины, – когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное древко, издадут звук, или сами они оцарапают себя гребнем, – принимают это за худое предзнаменование; опять, когда они заденут основой о гребень и очень сильно, потом верхние прутья, ударившись о древко, от напряженного удара издадут звук, то и это считают за предвестие несчастья, и тысячи других у них достойных смеха (суеверий). Закричит ли осел, или петух, чихнет ли кто, и вообще, что бы ни случилось, все их тревожит, так что они, – как я сказал, – точно скованы тысячами уз, точно находятся во мраке, во всем подозревают (худое) и гораздо больше поработочены, чем тысячи невольников. Но не будем мы такими; напротив, осмеявши все такие (суеверия), – как живущие в свете, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землей, – будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если все это пустяки, то и посмеемся над этим, равно как и над первым виновником этого – дьяволом. Возблагодарим Бога и будем стараться, чтобы нам самим никогда не впасть в такое рабство, а если кто из наших друзей будет пленен, разорвем его узы, освободим его от этого несносного и постыдного заключения, сделаем его способным для восхождения к небу, выпрямим его опустившиеся крылья и научим его любомудрию касательно жизни и веры. Возблагодарим Бога за все и будем умолять Его, чтобы нам не оказаться недостойными врученного нам дара; с тем вместе,

позаботимся и о том, что от нас зависит, именно, чтобы нам поучать других не только словами, но и делами. От этого мы сможем получить бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 13

Еф.4:17–19. Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего,

будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их.

Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью.

Что следует разумеать под нечистотой. – Кто может считаться праведным. – О монахах и Девственницах, посвящающих себя Христу. – Добродетели и пороки женщин.

1. Это сказано не ефесянам только, но теперь говорится также вам, и не нами, но Павлом, или лучше, ни нами, ни Павлом, но благодатью Духа. Итак, нам должно внимать словам этим, как словам Духа. Что же сказано? Послушай: «Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их». Итак, если (такое их состояние было следствием) невежества и окаменения, то за что же обвинять их? Несведущего должно научить тому, чего он не знает, но несправедливо подвергать его упреку и взысканию. Но смотри, как (апостол) тотчас же лишает их такого извинения: "Они, – говорит, – дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью. Но вы не так познали Христа» (Еф.4:19–20). Здесь он показывает, что причиной их окаменения была их жизнь; жизнь же их была такой по их собственной беспечности и небрежению. "Они, – говорит, – дойдя до бесчувствия, предались распутству». Итак, когда ты услышишь, что «предал их Бог превратному уму» (Рим. 1:28), то припомни и настоящее изречение, что они сами «предались распутству». Как же предал их Бог, когда они сами предали себя? Если же предал их Бог, то как они сами себя предали? Тебе кажется, что здесь есть противоречие? Но слово – "предал" значит здесь – «попустил». Видишь ли, что где

нечистая жизнь, там такого же рода придумываются и догматы. «Ибо всякий, делающий злое, – сказано, – ненавидит свет и не идет к свету» (Иоан. 3:20). В самом деле, каким бы образом человек нечистый, валяющийся среди тел всяких женщин, гораздо больше, чем сколько свиньи валяются в грязи, жадный до денег и нисколько не любящий целомудрия, мог решиться на такую (добродетельную) жизнь? У них, говорит (апостол), такой образ действий обратился как бы в правило. От этого-то (и происходит) их окаменение, от этого – помрачение ума. И при сиянии света для нас может быть темно, если наши глаза больны; больными же они бывают от прилива дурных соков и излишнего накопления мокрот. Так и здесь: когда многочисленное стечение житейских дел помрачает ясность нашего ума, мы находимся в темноте. И, подобно тому, как, погрузившись глубоко в воду, мы не можем видеть солнца оттого, что над нами избыточная вода составляет как бы какую стену, – так и в мысленных очах происходит окаменение сердца, когда никакой страх не тревожит души. "Нет, – говорит, – страха Божия пред глазами его» (Пс. 35:2). И еще: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (Пс. 13:1). Окаменение происходит не от иного чего, как от бесчувственности; при этом заграждаются поры. Так, когда сгустившиеся мокроты сосредоточатся в одном месте, тот член мертвоет и делается бесчувственным; хотя бы ты стал его жечь или резать, что бы ни делал с ним, он (ничего) не чувствует. Так и они (язычники), после того, как раз навсегда впали в беспечность, что им ни говори, грози им хотя бы огнем или мечем, – на них ничто не подействует, ничто не убедит их. У них раз навсегда омертвел член (сердце). И пока ты не уничтожишь в нем этого бесчувствия, пока твое прикосновение к нему не будет так же ощутительно, как к здоровым членам, до тех пор все твои усилия будут тщетны. «с ненасытимостью», – говорит: этим словом (апостол), преимущественно, устраняет от них возможность оправдания. Ведь им можно было бы, если бы они захотели, не предаваться корыстолюбию, не быть беспечными, не служить чреву и не вести изнеженной жизни; можно было бы пользоваться умеренно и деньгами, и удовольствиями, и отдохновением. Но так как они не соблюдали

в этом умеренности, то и испортили все. "Делают, – говорит, – всякую нечистоту». Видишь ли, как (апостол) лишает их извинения, сказавши о делании нечистоты? Не по случайному, говорит, увлечению они грешили, но совершали все эти преступные действия, сами заботясь об них. «Делают всякую нечистоту».

Нечистота всякая – это любодеяние, блуд, сладострастная любовь к отрокам, зависть, всякая страсть и невоздержание. «Но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, – так как истина во Иисусе» (Еф.4:20–21). Выражение: «потому что вы слышали о Нем» – не означает, будто он говорит с сомнением, напротив показывает полную его уверенность: подобным образом он и в другом месте выражается: «Ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью» (2Фес. 1:6). Т. е., вы не для таких дел познали Христа. «Потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, – так как истина во Иисусе, – отложить прежний образ жизни ветхого человека» (Еф.4:21–22). Познавание Христа в том и состоит, чтобы вести праведную жизнь. Кто ведет дурную жизнь, тот не знает Бога и Бог его не знает. Послушай, как об этом (апостол) говорит в другом месте: «Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются» (Тит. 1:16). «Так как истина во Иисусе, – отложить прежний образ жизни ветхого человека», – т.е., вы не на таких условиях заключили договор (чтоб оставаться при прежней жизни). То, что мы имеем, не есть суета, но истина; как наши догматы, так и наша жизнь – истинны. Суета – грех и заблуждения, а праведная жизнь – истина. Она и цель имеет высокую, беспорядочная же жизнь приводит к ничтожному концу. «истлевающего, – говорит, – в обольстительных похотях» (Еф.4:22) обольщения его. Как пожелания его истлевают, так и сам он.

2. Каким же образом истлевают его пожелания? Смерть все разрушает. Так пророк говорит: «в тот день исчезают [все] помышления его» (Пс. 145:4). Впрочем, не одна только смерть, много есть и других причин (этого изменения). Так красота изменяется, увядает и пропадает от болезни и с наступлением старости. От тех же (причин) погибает и сила телесная.

Чувственные удовольствия в старости уже не так привлекательны. На это мы имеем указание и в примере Верзеллия, – без сомнения, вы знаете эту историю (2Цар. 19:32 – 35). А с другой стороны, похоть растлевает и губит самое существо человека. Как шерсть от чего рождается, от того же и погибает, так точно и ветхий человек. Пагубно для него славолубие, многих погубили удовольствия, обманула похоть. Впрочем, все это не составляет удовольствия в собственном смысле, но есть горечь, обман, подлог и тень. Наружная сторона этих предметов приманчива, но сами по себе они – не что иное, как тяжелое бремя, влекущее за собою великую нищету, пустоту и бедность. И если ты снимешь с них эту личину, откроешь их настоящее лицо, то увидишь обман. В том ведь и состоит обман, когда что-нибудь показывается нам не тем, что оно есть, но представляется тем, чего в нем нет. Отсюда проистекают и ложные суждения (о том или другом предмете). (Апостол) изображает нам четырех человек и, если хотите, я вам представляю это изображение. В настоящем послании (он изображает) двух, когда говорит: "отложившись ...ветхого человека,.. обновитесь духом ума вашего и облекитесь в нового человека» (Еф.4:22–24); а в послании к Римлянам – других двух, когда говорит: «но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7:23). Эти последние имеют сродство с теми первыми, именно с внутренним – новый человек, а с внешним – ветхий; но трое из них растлились. Или лучше, и теперь их трое: новый, ветхий и этот существенный (*ουσιώδης*) или естественный. «Обновиться, – говорит, – духом ума вашего» (Еф.4:23). Чтобы кто не подумал, будто он измышляет иного человека, когда говорит о ветхом и новом человеке, смотри, что он говорит: «обновиться». Обновление происходит тогда, когда обветшавшее молодеет, принимает другой вид, так что предмет остается один и тот же, но происходит перемена в его случайных свойствах. Как тело остается тем же, хотя происходит перемена в случайных его свойствах, так и здесь. Как же должно произойти это обновление? "Духом, – говорит, –

ума вашего». Поэтому, кто станет совершать что-либо ветхое, тот не сделает ничего: дух не потерпит ветхих деяний. "Духом, – говорит, – ума вашего», т. е., духом, который в вашем уме. «И облечься в нового человека». Видишь ли, что предмет один, а одежды две: одна, которая совлекается, и другая, в которую облачаются? "В нового, – говорит, – человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф.4:24). Почему он представляет человека под именем добродетели, и почему под именем порока? Потому, что нельзя определить (свойство) человека, не указав на его деятельность. Таким образом, (действия человека) не меньше, чем естественные его свойства, показывают, добр он, или не добр. Как легко раздеть человека, так же легко по добродетели или пороку видеть (свойства его). Человек новый (т. е. молодой) силен. Будем же и мы сильны в делании добрых дел. Он не имеет морщин: не будем иметь их и мы. Он не подвержен и нелегко поддается болезням: не будем и мы. «Созданного». Смотри, как он называет здесь осуществление (οὐσίωσιν) добродетели созданием, т. е. приведением из небытия в бытие. Что же? А тот (порок) не есть создание по Богу? Никак, но по дьяволу, который есть виновник греха. Почему? Потому что (новый) человек создан не из воды, не из земли, но в правде и преподобии истины. Что значит это? То, говорит, что (Бог) тотчас же – во время крещения, которое существенно необходимо для нашего возрождения, сделал его Своим сыном. Хорошо сказал (апостол): «в праведности и святости истины». Была некогда правда, было и преподобие у иудеев, но – не истины; то была праведность прообразовательная. Так, телесная чистота была образом чистоты, а не истинной чистотой; был образ праведности, а не истинная праведность. «В праведности, – говорит, – и святости истины». Может быть, это сказано и касательно ложной праведности, потому что многие у неверующих считают себя праведными, но они обманываются.

Праведностью называется добродетель всеобъемлющая. Послушай, что говорит Христос: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф.5:20); и в другом месте

праведным назван тот, кто греха нетворит (1Иоан. 3:9). Так и в судах мы называем правым того, кто терпит обиды, а сам не обижают. О, если бы и нам на страшном суде показаться правыми и получить некоторое снисхождение! Ведь пред Богом невозможно (оказаться совершенно праведным), какие бы мы ни представили оправдания: пред Ним всякая праведность несостоятельна, как и пророк говорил: "и победишь, когда будешь судить" (Пс. 50:6)<sup>1</sup>. Но если мы не будем нарушать взаимных прав, то будем правы; если сможем доказать, что нам была сделана несправедливость, и в таком случае мы будем правы. Что это значит, что (апостол) говорит им: "облекитесь", когда они уже облеклись? Здесь он говорит о жизни и делах. Тогда они облеклись в крещении, а теперь (апостол повелевает им облечься) в своей жизни и делах, чтобы уже не жить им больше по влечению обольстительных похотей, но по заповедям Божиим. Но что такое «преподобие»? Что чисто и согласно с требованием долга. Потому-то мы и употребляем это выражение (οσιον) о тех, которые освободились от суда, – т.е., (говорим): я уже больше ничего им не должен, я уже ничему не повинен. Так, у нас в обычае говорить: я отделался (ἄφωσιωσάμην), и тому подобное, т.е., я больше уже ничего не должен.

3. Итак, наш долг – не совлекать с себя этой одежды оправдания, которую пророк называет одеждой спасения (Ис. 59:17), чтобы нам сделаться подобными Богу, Который облекся в правду. Облечемся же в эту одежду. А облечься значит не что иное, как то, чтобы уже не совлекаться. Послушай, что говорит пророк: «да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно» в него (Пс. 108:18). И еще: "оденься в свет, как в ризу» (Пс. 103:2). И у нас в обычае говорить о людях: такой-то надел на себя (личину) такого-то. Таким образом, (апостол) хочет, чтобы мы не один день, не два, не три, но всегда пребыли в добродетели и никогда не снимали с себя этой одежды. Не так непристойно человеку быть нагим по телу, как быть обнаженным от добродетели. При телесной нагоде его непристойное положение видят такие же (как он) рабы, а там – это видит Владыка и ангелы. Скажи мне, если бы ты увидел кого-нибудь

идущего нагим по площади, не оскорбило ли бы это тебя? Что же сказать о тебе, когда ты ходишь без этой одежды? Не видал ли ты тех нищих, которых мы обыкновенно называем флейтщиками, как они расхаживают и возбуждают в нас жалость к себе? Однако ж и они не заслуживают никакого извинения. Мы не прощаем им того, что они проигрывают в кости свои одежды. Как же простит нас Бог, если мы погубим эту одежду? Когда дьявол видит кого-нибудь обнаженным от добродетели, тотчас марает и чернит его лице, наносит ему раны, делает и еще большие насилия. Обнажим себя от денег, чтобы не обнажиться от праведности. Облачение, состоящее в деньгах, повреждает эту одежду (оправдания): это – облачение из терний, и эти терния таковы, что чем больше мы покрываемся ими, тем более совлекаемся (истинной одежды). Чувственные наклонности также лишают нас этой одежды: он огонь, а такой огонь сжигает эту одежду. Богатство также есть моль: как моль поедает все и не щадит даже шелковых одежд, так и богатство. Итак, оставим все это, чтобы нам быть праведными, чтобы облечься в нового человека. Не оставим у себя ничего ветхого, ничего преходящего, ничего тленного. Добродетель не тяжела, не неудобноисполнима.

Не видишь ли тех, которые проводят жизнь в горах? Они оставляют и свои дома, и жен, и детей, и все свои служебные занятия, и, удалившись из мира, облачаются во вретище, посыпаются пеплом, возлагают на шею вериги, заключают себя в тесной келье и, на этом не останавливаясь, изнуряют себя постом и постоянным голодом. Если бы теперь я вам предложил все это, не отказались ли бы все вы? Не назвали ль бы такого дела трудным? Но я не говорю, что вы непременно обязаны это делать. Я только желаю этого, но не узаконяю. Далее, что скажу еще? Пользуйся и банями, имей попечение и о теле, ходи и на площадь, имей у себя дом, имей и слуг, употребляй и яства и напитки, – изгони только отовсюду корыстолюбие, потому что оно составляет грех, когда выходит из надлежащих границ законного приобретения. Итак, корыстолюбие – не что иное, как грех. И смотри: когда наш дух возмутится больше надлежащего, тогда, выйдя из себя, мы

начинаем злословить, тогда во всем поступаем несправедливо. (То же бывает) и с любовью к телу, к деньгам, к славе и ко всему другому. И не говори мне, что те (отшельники) имели особенные силы (к такой строгой жизни): многие гораздо тебя слабее и богаче и изнеженнее вступили в эту суровую и скорбную жизнь. И что говорю я о мужах? Девы, еще не достигшие двадцатилетнего возраста, проводившие все время в своих покоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанные благовониями и дорогими мазями, нежные по природе и еще более сделавшиеся изнеженными от этих усердных об них попечений, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только – украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться неге, не делавшие ничего даже сами для себя, но имевшие у себя множество приставленных к ним прислужниц, носившие на себе одежды еще более нежные, чем самое их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, – эти (девы), будучи внезапно объаты огнем Христовым, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнеженности, о своем возрасте, расстались со всеми этими удовольствиями и, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. И быть может, покажется невероятным, что я скажу, – однако же, это истинно. Именно я слышал, будто эти столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы, что ноги их оставались босыми; и они имели своим ложем тростниковые прутья; преимущественно же большую часть ночи они проводили без сна и уже не думали ни о благовонных мазях, ни о чем-либо другом из прежних прихотей, и даже оставляли в небрежении свою голову, обыкновенно составляющую особенный предмет их попечений, так что волосы заплетали просто и как-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у них бывает только вечером, и на этой трапезе нет ни овощей, ни хлеба, а только мука, бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно они заняты прядением шерсти и имеют еще занятия, гораздо труднейшие, чем какие (имеют) дома у них служанки. Именно они взяли на себя труд лечить

тела больных, носить их постель, умывать им ноги. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов! Так благое изволение превышает самую природу! Однако ж ничего такого я не требую от вас, потому что вы сами хотите, чтобы женщины опередили вас (на поприще благочестивой жизни).

4. По крайней мере, делайте то, что нетрудно: удержите свою руку (от недозволенного) и глаза от бесстыдных (взглядов). Что в этом трудного, скажи мне, что тяжелого? Будьте справедливы, никому не делайте обиды – никто, ни бедный, ни богатый, ни продавец, ни наемник. Ведь и между бедными могут происходить взаимные обиды. Разве не видите, какие они производят между собой раздоры и все разрушают? Вступай в брак, имей детей; сам Павел давал наставления таковым (ведущим брачную жизнь) и писал к ним. Велик тот подвиг, высока та скала, так что высота ее близка к небу, и ты не в состоянии подняться до нее? Имей же, хотя меньшее, и достигни низайшего. Ты не можешь раздать своих денег? Не похищай же хотя чужих и не обижай. Ты не можешь поститься? Не предавайся же, по крайней мере, излишеству. Ты не можешь лежать на тростниковом ложе? Не устраивай же, но крайней мере, себе постели, отделанной серебром, но употребляй постель простую и ложе, сделанное не на показ, а для отдохновения, равно не устраивай постели и из слоновой кости: ограничивай себя. Для чего наполняешь корабль своим несчетным имуществом? Если будешь вести скромную жизнь, то не будешь бояться ничего: ни зависти, ни воров, ни козней. Ты ведь богат не столько деньгами, сколько заботами; изобилуешь не столько стяжаниями, сколько беспокойствами и опасностями. «А желающие обогащаться, – сказано, – впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти» (1Тим. 6:9). Вот что терпят те, которые желают обладать многим. Я не говорю (тебе): прислуживай больному; прикажи, по крайней мере, это своему слуге. Видишь ли, как это не тяжело? Иначе как могли бы так далеко превзойти нас в этом слабые девы? Устыдимся, прошу вас, того, что в мирских делах мы нигде им не уступаем, ни в войне, ни в боях; а в духовных подвигах они

успевают больше нас; первые похищают награду и воспаряют на большую высоту, подобно орлам; мы же, подобно галкам, постоянно находимся внизу около дыму и чадных паров. Подлинно это свойственно галкам и жадным до лакомств псам – постоянно думать о повах и приготовлении кушаний. Послушай о древних женах: то были великие жены, великие и достойные удивления, каковы: Сарра, Ревекка, Рахиль, Деввора, Анна и те, которые жили при Христе. Но они никогда не превосходили своих мужей, а занимали второе место за ними. А теперь, напротив: жены превосходят и затмевают нас. Какой смех! Какой стыд! Мы занимаем место главы, и ужели над нами должно одержать верх тело? Мы поставлены начальствовать над женами не для того только, чтобы пользоваться правами начальствования, но чтобы первенствовать и в добродетели. Начальствующий должен, главным образом, показывать свое преимущество в том, чтобы превосходить добродетелью. А если его самого превосходят, то он уже не начальник.

Видите ли, какова сила пришествия Христова? Как оно уничтожило клятву? Теперь между женщинами больше девственниц, больше у них целомудрия, больше вдовствующих между ними. Ныне женщина не скоро произнесет какое-нибудь непристойное слово. Для чего же, скажи мне, срамословишь ты? Женщины любят наряды, и это их слабость. Но вы, мужья, и в этом их превосходите, надмеваясь как их нарядом, так и своим. Мне кажется, что не столько жена тщеславится своими золотыми украшениями, сколько муж нарядом своей жены; не столько гордится он своим золотым поясом, сколько тем, что жена носит золотые уборы. Таким образом, вы виновны в этом, так как вы воспламеняете эту искру, вы разжигаете этот пламень. С другой стороны, такая страсть не столько грешна в женщине, сколько в мужчине. Ты поставлен распоряжаться ею; ты везде хочешь иметь пред нею первенство. Покажи же и здесь, своими действиями, что ты выше страсти к роскоши. Женщине более извинительно заниматься нарядами, чем мужчине. Итак, когда ты сам не избегаешь (этой страсти), то, как же будет избегать ее она? Правда, у женщин есть некоторое

тщеславие; но тоже и у мужчин. Те склонны к гневливости; и эти также. А в чем женщины имеют преимущество, то уже не общее у них с мужчинами: я понимаю – скромность, теплоту (души), стыдливость, любовь к Христу. Почему же, говорят, (апостол) возбранил им учительскую кафедру? И это знак того, что существует большое расстояние между ними и мужами и что (жены) были тогда велики. Следовало ли бы, скажи мне, приступать женам к этому делу в то время, как учили Павел и Петр, и те святые (мужи)? А ныне мы дошли до такого зла, что оказывается естественным вопрос, почему жены не занимаются учительством? Таким образом, мы снизошли на степень их слабой природы. Я сказал это не потому, чтобы желал возвысить их, но чтобы возбудить стыд в нас, и нас научить, нас побудить к тому, чтобы мы снова приняли принадлежащее нам начальство, не в смысле преобладания, но в смысле попечения и руководства, в смысле преуспевания в добродетели. Таким образом, и тело будет иметь приличное благоустройство, когда будет иметь лучшего правителя над собой. Пусть же будет дано всем, как женам, так и мужам, пожить согласно с волей Божьей, чтобы всем нам сподобиться в тот страшный день милосердая Владыки и получить обетованные блага во Христе Иисусе Господе нашем.

## Беседа 14

Еф.4:25–27. Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу.

Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем;

и не давайте места диаволу.

Дурные последствия вражды и способ ее обуздания. – Как нужно подыматься языком. – Вред от злоречия.

1. Представив общее учение о ветхом человеке, (апостол) потом изображает его подробно, потому что учение о каком-либо предмете, изложенное в подробностях, бывает удобопонятнее. Что же говорит он? «Посему, отвергнув ложь». Какую ложь? Не понимает ли он идолов? Нет. Хотя и идолы – ложь, но здесь речь не о них, так как (ефесяне) не имели никакого общения с идолами. Он говорит им о лжи по отношению друг к другу, т. е. о лукавстве и обманах: «говорите истину каждый ближнему своему», – и представляет сильное побуждение к этому: «потому что мы члены друг другу»; поэтому никто пусть не обманывает своего ближнего. Об этом и Псалмопевец повсюду говорит: «уста лъстивы, говорят от сердца притворного» (Пс. 11:3). Ничто, решительно ничто столько не производит вражды, как ложь и обман! Заметь же, как везде (апостол) пристыжает их, указывая на (взаимную верность членов) тела. Глаз, говорит он, не обманывает ноги, ни нога – глаза. Если бы, например, случился глубокий ров, а поверх его положены были на земле прутья и закрыты землей, так что глазам обманчиво представлялась бы здесь твердая земля, не воспользуется ли (глаз) ногою, чтобы узнать, пустое ли пространство внизу, или же место твердое, на котором можно удержаться? Солжет ли при этом нога, не откроет ли того, что есть? А если глаз увидит змия, или зверя, обманет ли он ногу? Не даст ли тотчас знать ей об этом, чтобы она, узнавши это от него, шла осторожно? Точно также, когда ни глаз, ни нога не имеют средств узнать вредного яда, но все будет зависеть от обоняния, ужели обоняние солжет устам?

Никак. А почему? Потому что в таком случае оно погубит и себя. Напротив, как ему (обонянию) представится, так оно и говорит. А язык разве обманывает желудок? Не выбрасывает ли он того, что находит противным, и не глотает ли приятного? Вот каков взаимный обмен услуг (между членами тела). Замечай же, как верно, и при том, так сказать, чистосердечно производится это взаимное предостережение. Так и мы не будем лгать, если мы члены одного тела. Это будет знаком нашего дружества, а противное этому – вражды. Но как же быть, говорят, когда такой-то строит против меня ковы? Познавай истину: если он строит тебе ковы, то он уже не член (тела). А (апостол) сказал: не обманывайте член члена.

«Гневаясь, не согрешайте». Заметь мудрость: он говорит о том, как нам не согрешать, потом не оставляет и не послушавших этого наставления: так он дорожит своим духовным порождением! Как врач, давши наставления больному касательно того, как ему должно вести себя, не оставляет его своим попечением и тогда, когда больной не исполнит его наставлений, но, убедивши его пользоваться данным наставлением, снова врачует его, – так точно поступает и Павел. Врач, заботящийся только о собственной славе, оскорбляется, когда (больные) пренебрегают его наставлениями; но кто всегда заботится о здоровье больного, тот имеет в виду одно только то, как бы поднять его с постели. Таков именно и Павел. Он сказал: не лгите. Если же случится, что ложь подвигнет кого-нибудь на гнев, то он и против этого предлагает врачество. Что же говорит он? «Гневаясь, не согрешайте». Хорошо не гневаться; но если кто впадет в эту страсть, то, по крайней мере, не на долгое время: "солнце, – говорит, – да не зайдет во гнев вашем». Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся час, два, три; но да не зайдет солнце, оставив нас врагами. Оно по благодати (Господа) взошло, – да не зайдет же, сиявши на недостойных. Если Владыка послал его по многой своей благодати и сам оставил тебе согрешения, а ты не оставляешь их своему ближнему, то подумай, какое это большое зло. При том от него может происходить и другое зло. Блаженный Павел опасается, чтобы

ночь, захвативши в уединении человека, потерпевшего обиду и еще пламенеющего (гневом), не разожгла огня еще более. Днем, пока еще многое раздражает тебя, тебе позволительно дать в себе место гневу; но когда наступает вечер, примиришься и погаси возникшее зло. Если ночь застанет тебя (во гневе), то следующего дня уже не довольно будет для погашения зла, которое может возрасти в тебе в продолжение ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не в состоянии будешь уничтожить всего, и в следующую ночь дашь возможность более усилиться оставшемуся огню. Как солнце, если дневной теплоты его не довольно бывает для осушения и очищения воздуха, наполнившегося облаками и испарениями в продолжение ночи, дает этим повод быть грозе, когда ночь, захвативши остаток этих паров, прибавляет к ним еще новые испарения, – так точно бывает и в гневе. «И не давайте места дьяволу». Итак, враждовать друг против друга – значит давать место дьяволу. Тогда как должно нам соединиться вместе и восстать против него, мы, оставивши вражду против него, позволяем себе обратиться друг на друга. Подлинно, ничто так не способствует дьяволу находить место среди нас, как вражда.

2. Тысячи зол рождаются отсюда. Как камни до тех пор, пока они сплочены и не имеют пустоты, трудно раскалываются, а как скоро окажется в них скважина, хотя бы такая малая, как острие иглы, или сделается трещина, в которую можно лишь продеть один волос, распадаются и разрушаются, – так и при (нападениях) дьявола. Пока мы будем тесно соединены и сближены между собой, до тех пор он не сможет ввести (в среду нас) ни одного из своих (злых наветов). Но когда хотя немного он разделит нас, тогда вторгается подобно бурному потоку. Везде ему нужно только начало, – это для него самое трудное; когда же начало сделано, тогда он уже сам собой все подвигает вперед. Так, лишь только он открыл (твой) слух для клевет, и лжецы уже приобретают (твое) доверие, потому что (враждующие) руководствуются своей ненавистью, (все) осуждающей, а не истиной, право судящей. Как при дружбе даже справедливым нехорошим слухам не хочется верить, так при вражде напротив и ложные слухи принимаются за истину.

Другой тогда бывает у нас ум, другое судилище, выслушивающее не со спокойствием, но с большим пристрастием и предубеждением. Как положенный на весы свинец все перетягивает, так и тячайшая свинца тяжесть вражды. Потому, прошу вас, будем всячески стараться о том, чтобы нам до захождения солнца погашать свою вражду. Когда ты не обуздаешь своей вражды в первый и в следующий день, то часто продолжишь ее и на целый год, и, наконец, она сама собою усилится до того, что уже не будет нуждаться ни в чем (возбуждении). Она заставляет и слова, которые говорятся в одном смысле, принимать в другом, заставляет заподозривать движения и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону, и тем ожесточает и раздражает (человека), делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни называть, ни слышать имени того, против кого враждует, но произносить (против него) всякие бранные слова. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если помыслим о своих собственных грехах и о том, насколько мы виновны пред Богом; если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что (враждой) мы доставляем радость дьяволу, этому врагу, истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему собрату. Ты желаешь злопамятствовать, враждовать? Будь врагом, но против дьявола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечем, но чтобы вонзали все его острие в грудь дьявола. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и честь: мой член всего для меня дороже. Так будем говорить друг другу; не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы.

"Кто крал, – говорит, – вперед не кради» (Еф.4:28). Видишь, какие члены у ветхого человека? Ложь, памятозлобие, воровство. Почему он не сказал: крадый да будет наказан, да подвергнется пытке и истязанию, но – да не крадет? «А лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф.4:28). Где те, которые называют

себя чистыми, которые, будучи исполнены всякой нечистоты, дерзают называть себя так? Ведь для того, чтобы снять с себя обвинение, нужно не отстать только от греха, но и сделать что-либо доброе. Смотри, как должно заглаживать грехи: они крали, – это значит совершить грех; не крали, – это не значит загладить грех; но как (могли бы это сделать)? Если бы они трудились и помогали другим, то этим они загладили бы грех. Апостол хочет, чтобы мы не просто делали, но чтобы трудились, чтобы отдавали другим. И тот, кто крадет, также делает, но делает зло. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших» (Еф.4:29). Какое это слово – "гнилое"? То, которое в другом месте он называет словом праздным, злословием, срамословием, суесловием, буесловием. Видишь ли, как он посекает самые корни гнева – ложь, воровство, необдуманные речи? Слова: «вперед не кради» он сказал не столько для того, чтобы оказать снисхождение тем (кравшим), сколько для того, чтобы потерпевшим от этого внушить кротость и убедить их удовольствоваться тем, что они уже больше не подвергнутся этому. Кстати, учит он и относительно слов, потому что не только за дела, но и за слова мы дадим ответ. "А только, – говорит, – доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим» (Еф.4:29). Т. е., говори только то, что назидает ближнего, и ничего излишнего.

3. Бог дал тебе уста и язык для того, чтобы ты благодарил Его и назидал ближнего. Если же ты разрушаешь здание, то лучше молчать и ничего не говорить. И руки художника, назначенные для построения стен, но вместо того навывшие разрушать их, справедливо было бы отсечь. Так и Псалмопевец говорит: «Истребит Господь все уста лъстивые» (Пс. 11:4). Язык – причина всех зол, или лучше, не язык, а те, которые худо им пользуются. Отсюда – обиды, злословия, хулы, страсть к удовольствиям, убийства, любодеяние, воровство, все рождается отсюда. Каким же образом, говорят, отсюда – убийства? От оскорбительного слова ты придешь в гнев, разгневанный начнешь драться, от драки недалеко до убийства. Каким образом – любодеяние? Тебе скажут, что такая-то особенно расположена к тебе, она отзывается о тебе с отличной

стороны; эти слова поколеблют твою твердость, а затем в тебе возникнут и нечистые пожелания. Потому-то и сказал Павел: «только доброе». Так как слов великое множество, то он справедливо выразился неопределенно, повелевая касательно их употребления, и давая правило, как вести речь. Какое же правило? «Дабы оно доставляло благодать», – сказал он. Иначе сказать: (говори так), чтобы слушающий тебя был благодарен тебе. Например, твой брат соблудил: не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим ни мало пользы слушающему, но решительно повредишь ему, если будешь язвить его (своими словами). Если же ты будешь увещевать его, как он должен поступать, то этим заслужишь от него великую благодарность. Если ты научишь его иметь доброречивые уста, научишь не злословить, то этим ты многому его обучишь и заслужишь его благодарность. Если будешь говорить с ним о раскаянии, о стыдливости, о милостыне, все это будет смягчать его душу. За все это он выскажет тебе свою благодарность. Если же ты возбудишь смех, произнесешь непристойное слово, а тем более, если похвалишь порок, то ты все расстроишь и погубишь. Так можно понимать слова (апостола). Или же слова эти значат: чтобы их (слушающих) сделать облагодатствованными. Ведь подобно тому, как миро подает благодать помазующимся им, так и доброе слово. Потому и сказал некто: «имя твое – как разлитое миро» (Песн. 1:2). Оно (доброе слово) наполняет (слушающих) своим благовонием. Видишь ли: о чем внушает он везде, о том говорит и теперь, когда повелевает каждому назидать ближнего по мере своих сил? Итак, увещевая других поступать таким образом, тем более (располагай к этому) себя самого. «И не оскорбляйте, – говорит, – Святого Духа» (Еф. 4:30).

Это – слова, приводящие в страх и ужас, которые (апостол) повторяет и в послании к Фессалоникийцам. И там он выразил нечто подобное, сказав: «Итак, непокорный непокорен не человеку, но Богу» (1Фес. 4:8). Так и здесь: если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святого. При этом (апостол) указывает еще и на благоденствие (полученное от Святого Духа), чтобы тем

сильнее было обвинение: «И не оскорбляйте, – говорит, – Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления» (Еф.4:30). Он (Святой Дух) сделал нас пажитью царевой, освободил нас от всех прежних (зол), не оставил нас в числе тех, которые подлежат гневу Божьему, и – ты оскорбляешь Его? Смотри, какой там (внушается) страх: «Итак, непокорный, – говорит, – непокорен не человеку, но Богу», а здесь – он пристыжает словами: «И не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены». Пусть эти слова, как печать, лежат на твоих устах; не уничтожай этих знаков. Уста, запечатленные Духом, ничего такого (непристойного) не изрекают. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Потому-то это и великое зло, что ты считаешь его ничтожным. Зло, которое считают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении оно усиливается, усилившись же, становится неизлечимым. У тебя уста запечатлены Духом? Вспомни, какое слово произнес ты сейчас, по своему рождению, вспомни о достоинстве твоих уст. Ты называешь Бога своим Отцом и в то же время поносишь своего брата? Помысли о том, почему ты называешь Бога своим Отцом. (Потому ли, что Он Отец) по природе? Но поэтому ты не мог бы (называть Его так). За добродетель? Нет, и не за то. Почему же? По одному человеколюбию (Божьему), по Его благосердию, по Его великой милости. Итак, когда ты называешь Бога Отцом, то имей в мысли не только то, что, оскорбляя (своего брата), ты поступаешь недостойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благодати (Божьей). Не срами же своего благородства, – которое сам ты получил по милости, – жестоким обращением со своими братьями. Называешь Бога своим Отцом, и оскорбляешь (своего ближнего)? Это не свойственно сыну Божьему! Дело сына Божьего – прощать врагам, молиться за своих распинателей, проливать кровь за ненавидящих его. Вот что достойно сына Божьего: своих врагов, неблагодарных, воров, бесстыдных, коварных – сделать своими братьями и наследниками, а не то, чтобы своих братьев оскорблять, точно каких невольников.

4. Подумай, какие слова произносили уста твои, какой они удостаиваются трапезы; подумай, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты полагаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же, в таком случае, ты называешь его братом? А если он тебе – не брат, то как же ты говоришь: "Отче наш"? Ведь слово – наш указывает на множественность лиц. Подумай, с кем ты стоишь во время тайнодействий: с херувимами, с серафимами. Серафимы не злословят, но их уста имеют одно только занятие – славословить и прославлять Бога. Как же ты будешь вместе с ними говорить: «Свят, свят, свят», – после того как произносил своими устами злословия? Скажи мне: если бы царский сосуд, всегда наполнявшийся царскими кушаньями и назначенный на такое употребление, кто-нибудь из слуг употребил для нечистот, посмел ли бы он после этого опять ставить вместе с другими, употребляющимися при царском столе, сосудами, и этот, наполненный нечистотами? Отнюдь нет. Таково же и злословие, таково и оскорбление (ближнего)!

"Отче наш". И то ли одно ты произносишь? Вникни и в следующие слова: «сущий на небесах». Сейчас ты сказал: «Отче наш, сущий на небесах», – и эти слова возбудили тебя, окрылили твою мысль, внушили, что ты имеешь Отца на небесах. Не делай же ничего, не говори ничего земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься долу? Предстоишь пред престолом Царским, и произносишь злословия! Ужели ты не боишься, что Царь почтет твой поступок за оскорбление себе? Когда раб, пред нашими глазами, наносит удары другому рабу и поносит его, то, хотя бы он делал это и по праву, мы тотчас взыскиваем, принимая такой поступок за обиду себе; а ты, поставленный вместе с херувимами пред престолом Царя, поносишь своего брата? Видишь ли, эти святые сосуды? Они имеют одно назначение: кто же осмелится употребить их на другое? А ты святее их и гораздо святее: зачем же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесах, и предаешься злословию? Живешь с ангелами, и злословишь? Удостоился лобзания Владычного, и произносишь злословия?

Бог украсил твои уста столькими ангельскими песнопениями, удостоил их брашна не ангельского, но свыше ангельского – Своего лобзания и Своих объятий, и ты предаешься злословию? Оставь это, прошу тебя. Такое поведение производит великие бедствия и не свойственно душе христианской. Ужели мы не убедили тебя своими словами, не пристыдили? В таком случае, необходимо устроить тебя. Послушай же, что говорит Христос: «всякий,.. кто скажет брату своему:.. «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф.5:22).

Итак, если он угрожает геенной тому, кто скажет самое легкое (из обидных слов), то чего заслуживает тот, кто произносит более дерзкие укоризны? Научим свои уста доброречию. Отсюда происходит великая польза, а от злоречия – великий вред. Здесь не нужно тратить денег, – приставим только (к устам) дверь и запор, будем угрызать самих себя, как только с нашего языка сорвется оскорбительное слово, будем умолять Бога, будем упрашивать оскорбленного нами, чтобы нам не страдать безвинно, – ведь мы огорчили себя, а не его, – обратимся к лекарству, к молитве и к примирению с обиженным. Если мы должны наблюдать такую осторожность в словах, то тем более – в делах будем к себе строги. Будут ли это твои друзья, будет ли другой кто, кого ты злословил и поносил, извинись пред ними и испроси у них себе наказания. Будем знать, по крайней мере, что злословие есть грех. Если будем это знать, то скорее отстанем от него. Бог же мира да сохранит ваш ум и язык и да оградит твердой стеной – Своим страхом, во Христе Иисусе и Господе нашем, с Которым слава Отцу и Святому Духу.

## Беседа 15

Еф.4:31. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас.

Следует воздерживаться от крика, брани в побоев.

1. Как рои пчел никогда не садятся в нечистый сосуд, и потому люди, опытные в этом, готовят для них место, окуривая его курениями, мастиками и всякого рода благовониями, обрызгивают ароматными винами и всякими другими составами корзины, в которые они должны садиться, отроившись из ульев, и делают все это для того, чтобы неприятный запах, противный пчелам, не заставил их лететь прочь, – так все это применимо и к Святому Духу. Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рои духовных дарований; но, если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь. Поэтому-то этот блаженный и мудрый домохозяин тщательно очищает наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другого какого железного орудия. Он призывает нас в этот духовный улей и, устраивая его, очищает его молитвами, трудами и всякими другими средствами. Посмотри, как он очищает наше сердце: отгоните, говорит, ложь, отгоните гнев; и при этом показывает, как можно истребить зло с корнем: да не будем, говорит, гневливы духом. С нашей желчью обыкновенно бывает, что если ее немного, то и движение ее не сильно, когда расторгнется вместилище, но когда ее едкость и острота доведены до слишком сильной степени, то заключавшее ее доселе вместилище, будучи уже не в состоянии долее задерживать ее в себе и лопаля как бы от сильного огня, действительно больше не удерживает ее в надлежащих границах; треснув от чрезмерного напряжения, он извергает ее из себя и она расходится по всему телу. И дикий и лютый зверь, приведенный в город, пока находится в огражденном месте, никому не может сделать вреда, сколько бы ни бесновался и ни кричал; но если, разъярившись, он перескакивает ограду, то производит страх и тревогу в целом городе и заставляет всех

бежать от себя: таково же и естественное свойство желчи. Пока она находится в своих границах, то не производит в нас никакого важного вреда; но когда лопнет ее оболочка, и ей уже ничто не мешает разлиться по всему телу, тогда-то она, несмотря на свое крайне незначительное количество, по причине своей качественной силы проникает собою все элементы тела и портит их своей дурной примесью. Так, касаясь крови, к которой она близка и по месту и по качеству, разгорячает ее и все, что ни есть вблизи ее, делает излишне влажным и обращает в желчь; затем производит беспорядок и в других частях тела и, таким образом, все перепортив собою, лишает человека употребления языка и доводит его до смерти, изгоняя из тела душу. Но для чего мы говорим обо всем этом с такой подробностью? Для того, чтобы нам, через сравнение с чувственной желчью, лучше понять весь нестерпимый вред желчи духовной, – как она, производя совершенное расстройство в нашей душе, от которой рождается, причиняет ей совершенную гибель, – и чтобы, зная это, мы береглись, как бы не испытать на себе (ее вредного действия). Как та (желчь вещественная) производит воспаление в телесном составе, так эта (духовная) разжигает наши мысли и низводит того, кем овладевает, в гееннскую пропасть.

Итак, чтобы нам, после того как мы все это тщательно рассмотрели, избежать этого зла, обуздать этого зверя, а лучше – чтобы с корнем вырвать, для этого послушаем слов Павла: «Всякое раздражение, – не сказал: да очистится, – да будет удалено от вас". В самом деле, какая мне надобность удерживать ее при себе? Для чего мне держать у себя зверя, которого можно удалить из души и прогнать далеко прочь? Послушаем же слов Павла: «Всякое раздражение... да будет удалено от вас". Но, к сожалению, вот какое у нас замешательство. Тогда как следовало бы всячески стараться об этом, некоторые так неразумны, что считают за счастье для себя такое зло, гордятся им, тщеславятся и возбуждают зависть в других. Такой-то, говорят, человек желчный, настоящий скорпион, змей, ехидна: его страшно боятся! Что боишься ты, возлюбленный, желчного человека? Боюсь, говорит, чтобы он не

сделал мне вреда, не оскорбил меня. Я неопытен в коварстве, как он, и потому боюсь, чтобы он не завлек меня в свои сети, как человека простого и неспособного проникать в его замыслы, и не опутал нас своими ковами, приготовленными для нашего обмана. Смешно! Почему? Потому что такие слова приличны детям, которые боятся того, что нисколько не страшно. В самом деле, никто столько не заслуживает презрения, никто столько не достоин посмеяния, как желчный и злой человек. Ведь ничего нет бессильнее злобы: она делает (человека) бессмысленным и безумным.

2. Разве вы не видите, что злоба слепа? Разве вы не слышали, что копающий яму ближнему роет ее для себя? Но как же, скажут, не бояться человека, предавшегося гневу? Если должно бояться демонов и сумасшедших, то должно бояться и гневливых людей, как безумцев, все делающих без рассуждения. Соглашаюсь и я с этим, но отнюдь не согласен с тем, будто в делах надобно прибегать к помощи таких людей. Для успешного ведения дел всего больше необходимо благоразумие; коварство же, злоба и лукавство более всего препятствуют нам сохранять благоразумие. Не видите ли, каковы бывают тела, в которых разливается желчь, как они бывают невзрачны, совершенно потеряв естественный свой цвет? Как они бывают слабы, немощны и ни к чему не способны? Таковы же и души, одержимые этой болезнью. Коварство – это не что иное, как желчная болезнь души. Итак, коварство ни мало не сильно, отнюдь нет. Хотите ли я опять уясню для вас свои слова примером, представив вам образец (человека) коварного и простого? Авессалом был коварен и всех привлек на свою сторону. Смотри же, каково было это коварство. Он ходил, как сказано, (близ врат) и всякому говорил: «некому выслушать тебя» (2Цар.15:3), – желая привлечь этим на свою сторону. А Давид был прост. Что же? Смотри, каков был успех того и другого, смотри, как тот оказался безрассудным. Так как он имел в виду только то, как бы вредить своему отцу, то и был слеп относительно всего остального. Но Давид не так, потому что «Кто ходит в

непорочности, тот ходит безопасно» (Притч. 10:9), – т. е., кто ничего не замышляет на других, не готовит никому зла.

Итак, послушаемся блаженного Павла и пожалеем о злонравных людях, будем оплакивать их и всячески стараться употреблять все меры к тому, чтобы освободить их душу от этого зла. И не безрассудно ли это, – что мы стараемся ослаблять силу желчи, – хотя она и необходимый элемент (в теле), так как без нее человек не может жить – я разумею желчь стихийную, – не безрассудно ли, говорю, что мы стараемся ослаблять ее силу, несмотря на то, что она весьма полезна для нас, и между тем нисколько не заботимся и не стараемся о том, чтобы подавлять в себе желчь душевную, которая ни к чему не полезна, напротив производит столько зла? «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, – сказано, – тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3:18); или как еще говорит св. Лука: "принимали (верующие) пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян. 2:46–47). Не видим ли мы и теперь, что люди простые и нековарные пользуются от всех общим уважением? Никто таким людям не завидует в счастье, никто не нападает на них в несчастье; но все радуются их благополучию и сожалеют об них, если их постигает несчастье. Напротив, когда благоденствует человек злонравный, то все скорбят об этом, как бы о каком несчастье; а если он впадает в несчастье, то все этому радуются. Пожалеем же о таких людях, потому что они везде, на каждом шагу, имеют у себя врагов. Иаков был простосердечен, но победил злонравного Исава, потому что «В лукавую душу не войдет премудрость» (Прем. 1:4). «Всякое раздражение... да будет удалено от вас", так чтобы ее уже нисколько не оставалось. Иначе этот остаток, если будет возбужден, то, подобно искре, произведет внутри целый пламень.

Итак, тщательнее рассмотрим, что такое эта горесть: ей подвержен человек коварный, хитрый, злокозненный, подозрительный; от нее всегда рождается гнев и ярость, потому что невозможно такой душе оставаться в спокойствии. Горесть – корень гнева и ярости. Такой (человек) угрюм, никогда не

отдыхает душой, всегда задумчив, всегда мрачен, потому что, как я сказал, эти люди первые испытывают на себе дурные последствия своего злого нрава. "И крик". Что это? И почему (апостол) запрещает "крик"? Потому что таков должен быть (человек) кроткий. Крик – это конь, имеющий своим всадником гнев. Смири коня и победишь всадника. Пусть выслушают это с особенным вниманием женщины, потому что они особенно любят кричать и шуметь во всяком деле. В одном только случае полезно говорить громко, это – в проповедовании и учении, а более нигде, ни даже в молитве. Если ты хочешь проверить наши слова на деле, то воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. Вот способ укрощения гнева! И как невозможно разгневаться тому, кто удерживается от крика, так невозможно не придти в гнев тому, кто кричит. Не говори мне здесь о людях враждующих, злопамятных, злобных и раздражительных: у нас теперь идет речь о немедленном погашении этой страсти.

3. Итак, если мы приучим себя воздерживаться от крика и брани, то это немало может способствовать нам к укрощению души. Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, укротишь волнение сердца. И как невозможно, не поднимая рук, вступить в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу. Свяжи руки у бойца и вели ему биться, – он не в состоянии будет этого делать; точно также не может и гнев. Крик же возбуждает гнев даже и тогда, когда его нет. Особенно скоро, в подобном случае, (гнев) овладевает женщинами. Когда женщина прогневается на своих служанок, то весь дом наполняет своим криком. И как часто случается, что дом бывает выстроен на тесной улице, то все мимоходящие слышат ее брань и вопли служанки. Что может быть постыднее, как слышать чьи-либо вопли? Все тогда начинают подслушивать и спрашивать: что такое там случилось? Такая-то, говорят, бьет свою служанку. Как это безобразно, какой стыд! Но что же, (скажут), ужели вовсе не нужно прибегать к наказаниям? Я этого не говорю: нужно, но только не беспрестанно, не без меры, не из желания выместить на других свою досаду, даже и не за неисправность, как я постоянно говорю, но лишь тогда, когда

она вредит своей душе. Если ты по этому побуждению взыскиваешь с нее, то все будут хвалить тебя, и никто не осудит. Если же (ты бьешь ее) по своей прихоти, то все признают твою горячность и жестокость. И что всего постыднее, некоторые так бывают жестоки и безжалостны, до того бичуют (своих служанок), что раны не сходят с них целый день. Они обнажают девиц и, при содействии мужа, часто привязывают их к стульям. Увы, скажи мне, ужели в это время тебе не приходит на память геенна? Но ты обнажаешь девушку, и показываешь мужу: ты не стыдишься того, что они тебя осудят? Напротив ты, как можно сильнее, побуждаешь его к жестокости, настаиваешь связать ее, и, прежде всего, осыпаешь бедную и несчастную тысячей бранных слов, называя ее фессалинкой<sup>2</sup>, беглянкой, проституткой. Гнев не щадит твоих уст, имея в виду одно, как бы досадить виновной, хотя бы с позором для себя. После всего этого, прогневанная садится на своем месте, подобно тирану, призывает отроков и, давши приказ глупому мужу, употребляет его вместо палача. Должно ли это происходить в христианских домах? Но, говорят, так поступают с людьми лукавыми, бессовестными, бесстыдными и неисправимыми. Знаю это и я. Но их можно бы исправлять иным образом, например, страхом, угрозами, словами и при том такими, которые бы могли подействовать на них и в то же время не унижали тебя. Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдные слова и этим ты не столько ли же бесчестишь и себя, сколько ее? Потом, если ей понадобится пойти в баню, то раны на ее обнаженной спине не будут ли свидетельствовать о твоей жестокости?

Но, говорят, рабы делаются негодными, если их предоставить самим себе. Я и это знаю; но исправляй их, как я уже говорил, иначе, не бичами только, не страхом, но и лаской, и добрым обращением. Она стала твоей сестрой, если она верующая. Помни, что ты ее госпожа, она тебе служит. Если она склонна к пьянству, отними у нее возможность пьянствовать, призови мужа, увещай. Ужели ты не понимаешь, как тебе неприлично бить женщину? Законодатели, установившие много наказаний для мужчин, и костры и пытки, редко приговаривают к

этому женщину, но простирают строгость только до сечения розгами. Они так снисходительны к их полу, что в необходимых случаях даже освобождают их от тяжелых наказаний, особенно когда они бывают беременными. Неприлично мужчине бить женщину; если же (неприлично это) мужчине, то тем более той, которая с ней одного пола. Это делает и жен ненавистными для своих мужей. Но что делать, говорят, если она предается распутству? Выдай ее замуж, пресеки повод к распутству, не позволяй развратничать. Но что, если она ворует? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензии? Мне быть сторожем? Какое безумие! Отчего же, скажи, и не быть тебе ее сторожем? Разве у тебя не такая же душа, как и у нее? Разве она не удостоена тех же (даров) от Бога? Не к одной ли она приступает с тобой трапезе? Не разделяет ли она и твоего (духовного) благородства? Что же, говоришь ты, если она бранчива, сварлива, склонна к пьянству? А сколько есть таких и между свободными женами? Господь повелел мужам переносить все недостатки жен. Пусть только, говорит, твоя жена не будет прелюбодейкой, и ты сноси все другие ее недостатки. Если она склонна к пьянству, если бранчива и сварлива, если завистлива, если расточительна, если любит пышные наряды, – тебе необходимо исправлять ее. Для того ты ее глава. Исправляй же, делай для этого то, что от тебя зависит. Если она остается неисправимой, если ворует, – храни свое имущество, но не наказывай ее так жестоко. Если она сварлива, загради ее уста. Это (правило) высшего любомудрия. А, между тем, некоторые доходят до такого бесстыдства, что срывают у служанок покрывала с головы и таскают их за волосы.

4. Что вы все покраснели? У нас речь не обо всех, но только о тех, которые предаются такой зверской жестокости. Жена да не будет непокровенна (1Кор. 11:6), говорит Павел; а ты совершенно лишаешь ее покрывала? Видишь ли, как ты оскорбляешь саму себя? Если она явится к тебе с непокрытой головой, ты называешь это оскорблением; а между тем сама, обнажая ее, ты не считаешь своего поступка непристойным? Потом ты говоришь: что мне делать, если она не исправляется?

Вразуми ее розгой и ударами. При том (подумай), сколько и у тебя самой недостатков, и ты не исправляешь их? Говорится теперь это не в защиту их (служанок), а для вашей пользы, свободные женщины, чтобы вы не делали ничего неприличного и унижительного, чтобы не вредили себе. Если ты дома приучишь себя к тихому и кроткому обращению со служанкой, то тем более такой будешь по отношению к своему мужу. Если ты даже там, где ты свободна в своих поступках, не будешь делать ничего подобного, то тем более не будешь делать этого там, где есть к тому препятствие.

Таким образом благоразумное обращение со служанками весьма много может вам способствовать к приобретению благосклонности у своих мужей. "Какой мерой мерите, – сказано, – такую и вам будут мерить» (Мф.7:2). Обуздай свои уста. И если ты научишься твердо переносить строптивость служанки, то ты не будешь огорчаться и тогда, когда потерпишь обиду от равной себе; когда же ты не будешь огорчаться этим, то ты достигнешь высокого любомудрия. Но иные в гнев употребляют даже проклятия: ничего не может быть хуже, как выражать свой гнев таким образом. Что же мне, скажешь ты, делать, если она (служанка) любит украшать свою наружность? Удержи ее от этого, и я одобрю, но удержи, начавши с себя самой, не столько страхом, сколько своим примером. Будь ей во всем первым образцом. И "злоречие, – говорит (апостол), – да будет удалено от вас". Замечай, как происходит зло: горесть рождает гнев, гнев – ярость, ярость – крик, крик – хулу, т. е. бранные слова, затем хула – удары, удары – раны, раны – смерть. Но ничего подобного Павел не хотел сказать, а сказал только: "со всякой злобой да будут удалены от вас». Что такое – "со всякой злобой»? Всякая злоба ведет к этому концу. Есть (люди, которые) подобны тем хитрым собакам, что не лают и не нападают прямо на проходящих, но притворяясь смиренными и кроткими, схватывают неосторожных и вонзают в них свои зубы. Такие гораздо хуже нападающих прямо. Так как и между людьми есть собаки, которые, не прибегая к крику, к гневу, к оскорблениям и угрозам, строят тайные ковы и готовят другим тысячу зол, мстя им делами, то (апостол) указал и на

таких. «Да будут удалены от вас, – говорит, – со всякой злобой». Не мсти и делами, если щадишь слова. Для того я удержал твой язык, остановил крик, чтобы в тебе не возгорелся сильнейший пламень. Если же ты и без крика делаешь то же самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы в твоём молчании? Разве ты не знаешь, что те пожары хуже, которые таятся внутри и не бывают видны снаружи? Не также ли и раны, которые не выходят наружу, а производят воспаление внутри? Так и тот (скрытый) гнев хуже и вреднее для души. Но и он, – говорит (апостол), – "со всякой злобой да будут удалены от вас», как малой, так и великой. Будем же послушны ему и изгоним из себя всякую горечь, всякую злобу, чтобы нам не оскорбить Святого Духа. Истребим горечь с корнем, отсечем ее от себя. Ничего доброго не может быть душе, наполненной горечью, ничего полезного, но от нее все несчастья, все слезы, все вопли и стенания. Не видите ли, как мы отвращаемся от тех зверей, которые кричат, – именно от львов, от медведей, – но не от овцы, так как у ней нет крикливости, а тихий голос? Равным образом, из музыкальных инструментов те, которые издают крикливые звуки, неприятны для слуха, как, например, тимпаны, трубы, а те, которые обладают тихими звуками, приятны, каковы: флейта, цитра и свирель.

Итак, настроим свою душу удерживаться от крика, и этим мы сможем подавить в себе гнев. А когда мы отгоним от себя (гнев), то сами первые насладимся спокойствием и приплывем в тихую пристань, куда да будет дано всем нам достигнуть во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 16

Еф.4:31–32. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас;

но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас.

Нужно насаждать добродетель и искоренять пороки. – Лучшая месть – воздаяние добром за зло.

1. Если нужно получить царство небесное, то недостаточно освободиться от греха, но нужно еще много упражняться и в добродетелях. От порочных действий нужно удерживаться для того, чтобы освободиться от геенны; а чтобы наследовать царство (небесное), необходимо стяжать добродетель. Разве вы не знаете, что так бывает и в светских судилищах, когда происходит исследование какого-либо дела и в собрание стекается весь город? И там был древний обычай – увенчивать золотым венцом не того, кто не сделал зла городу, – потому что за это он только не подвергается наказанию, – но того, кто оказал много благодеяний. Таков путь к этой почести! Но я не знаю, как случилось, что едва не ускользнуло от меня то, что преимущественно необходимо было сказать вам; я восстановлю первую часть этого отдела, сделав в нем небольшую поправку. Когда я говорил, что для того, чтобы не впасть в геенну, достаточно нам воздерживаться от худого, то, пока я говорил, мне пришла на мысль некоторая страшная угроза, обещающая наказание не тем, кто дерзнул (сделать) какое-либо зло, но тем, которые опустили (сделать) что-либо доброе. Что же это за угроза? Когда наступит, сказано, и придет страшный Господний день, то Судья, воссевши на седалище, и поставивши овец с правой стороны, а козлищ с левой, скажет овцам: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть» (Мф.25:34–35). Это прекрасно, – потому что следовало им за такое великое милосердие получить такое воздаяние. Но когда те, которые не уделяют нуждающимся из того, что имеют сами, наказываются не только лишением благ, но и посылаются в

огонь гееннский, – какой в этом смысл? Конечно, и здесь не менее благоприличный смысл, чем в предыдущем. Через это именно мы научаемся, что творящие благое наслаждаются благами на небесах; а те, которых нельзя обличить ни в чем худом, но которые (опустили) сделать что-либо доброе, повержены будут в огонь гееннский вместе с творившими злое. Можно сказать, что не делать добра – есть уже отчасти зло, потому что показывает леность, а леность есть (составная) часть зла, или вернее, не часть, а повод к злу и корень зла. Ведь всякому злу научила праздность. После этого, не безрассудно ли задаем мы вопросы, в роде того: какое займет место ничего не сделавший худого, и ничего доброго? Не делать добра значит – делать зло. Скажи мне, в самом деле, если есть у тебя какой-нибудь слуга, не вор, не наглец, не грубиян, к тому же воздерживающийся от пьянства и от всего прочего, но который постоянно сидит праздным и ничего не делает такого, что слуга обязан исполнять для господина, – разве ты его не подвергнешь бичеванию и истязаниям? Конечно, скажешь ты. А между тем он ничего не сделал дурного. Значит, это-то самое и худо (что он ничего не делал доброго). Но, если угодно, поведем речь и о другом образе жизни.

Возьмем в пример земледельца: пусть он несколько не причиняет ущерба нашему имуществу, не клеветает, не ворует, а только, сложа руки, сидит дома, – не сеет, не проводит борозд, не запрягает волов, не ухаживает за виноградником, вообще не прилагает никакого попечения о земле. Разве мы не накажем такого? И, однако, он не сделал никакой неправды, и нам не в чем обвинить его. Но этим самым (бездействием) он и совершил неправду, потому что, по общему понятию, несправедливо поступает тот, кто не принимает со своей стороны участия в общем деле. Что, скажи мне, если бы каждый из художников и ремесленников несколько не делал вреда ни тому, кто занимается отличным от него ремеслом, ни тому, кто – одинаковым, а только находился бы в бездействии, не была ли бы для вас погублена и утрачена таким образом целая жизнь его? Если угодно, мы распространим свою речь и на тело: так, пусть рука не бьет головы, не вырывает языка, не выкалывает

глаза и вообще не делает никакого подобного зла, а только остается праздною и не исполняет своей службы всему телу: разве несправедливо будет отсечь ее, вместо того, чтобы носить ее праздною и вредною для всего тела? Или, если рот не съедает рук, не кусает груди, а только не делает ничего, что ему следовало бы делать, – не гораздо ли лучше зажать его? Итак, если и по отношению к рабочим, и по отношению к художникам, и по отношению ко всему телу большая несправедливость – не только совершение какого-либо зла, но даже и бездействие в добре, – то тем более это бывает (несправедливо) со стороны (членов) тела Христова.

2. Потому-то и блаженный Павел, отвлекая нас от неправды, ведет к добродетели. Да и что пользы, скажи мне, в том, если будут вырваны все терния, но не будут посеяны полезные семена? Труд опять послужит нам к такому же вреду, если останется недовершенным. Потому-то и Павел, усиленно заботясь о нас, дает нам заповеди не только об отсечении и удалении злых дел, но и побуждает в скором времени показать насаждение дел добрых. Сказавши: «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас», он присовокупил: «но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга», – потому что это – навыки и расположения, и недостаточно удалиться от одного навыка, чтобы вместо него приобрести другой (противоположный), но нужно снова некоторое движение и стремление, не меньшее, чем при удалении от злых дел, для того, чтобы стяжать дела добрые. И в отношении к телу, черный, освободившись от этого качества, еще не вдруг делается белым. Впрочем, не станем говорить о предметах физических, но приведем пример из мира нравственного. Тот, кто не враг, не есть и полный друг: есть нечто среднее между враждой и дружбой, в каковых отношениях к нам большая часть людей преимущественно и находится. Тот, кто не плачет, еще не всегда смеется, но есть состояние среднее. Так и здесь, кто не досадителен, тот еще не совершенно добр, и кто не гневлив, тот не совсем участлив. Но нужно еще особое старание, чтобы стяжать такое благо. И смотри, как по требованиям лучшего

земледелия блаженный Павел очищает и возделывает землю, вверенную ему Земледельцем: он выбросил гнилые смена, потом увещевает приобрести надлежащие растения. «Будьте ...добры», – говорит он. Если после того, как терния будут вырваны, земля будет оставаться праздною, то снова возрастет бесполезные травы. Поэтому, нужно наперед отдых и праздное состояние ее сменить посевом добрых семян и растений. (Апостол) уничтожил гнев, – положил доброту; уничтожил досаду, – положил сострадательность; вырвал злобу и злоречие, – насадил помилование. Слова: «прощайте друг друга» – это именно и означают. Будьте, говорит он, склонны к прощению (обид), потому что такая милость больше (той, какая оказывается) в делах денежных. Тот, кто прощает деньги сделавшему у него заем, делает прекрасное и достойное удивления дело; но такая милость (касается) тела, хотя он и приемлет себе воздаяние сокровищами духовными и относящимися к душе. Но тот, кто простил грехи, принес пользу душе – и своей собственной, и того, кто получил прощение, потому что таким образом действий он сделал более кротким не только себя, но и его.

Мы не столько, преследуя обидевших нас, уязвляем их души, сколько, прощая их, приводим их в смущение и стыд. Между тем (поступая мстительно) мы не приносим пользы ни самим себе, ни им, а, напротив, и им, и себе вредим, теряя "мзду» (Ис. 1:23), подобно начальникам иудейским, и возжигая гнев во врагах. Если же за несправедливость мы заплатим кротостью, то, утоливши весь гнев его (врага), мы через это при нем самом как бы воссели на судилище, решающее дело в нашу пользу и сильнее осуждающее его, чем нас. Он сам обвинит себя и осудит, и будет искать всякого случая, чтобы отплатить за оказанную ему долю великодушия еще большей мерой, зная, что если он отплатит равной, то окажется ниже, потому что не первый начал, но получил пример от нас, и потом принес меньше (нас). Итак, он будет стараться превысить меру, чтобы недостаток, какой потерпел он оттого, что вторым пришел к отплате, уничтожить чрезмерностью отплаты, и чтобы ущерб, который от времени потерпел тот, кто прежде подвергся

страданиям (от обиды), сделать общим посредством чрезвычайной кротости. Люди, если они благодарны, не столько сетуют о зле, сколько о добре, которое получают от обиженных ими, потому что и нечестиво, позорно и смешно, получая благодеяния, не воздавать тем же. Когда потерпевший зло не воздает тем же, это привлекает ему похвалы, рукоплескания и одобрение от всех; потому-то в особенности (получающие такие благодеяния) и уязвляются этим. Итак, если хочешь мстить, мсти этим способом; воздавай добром за зло, чтобы сделать его (врага) должником и одержать дивную победу. Потерпел ты зло? Делай добро, и таким образом мсти врагу. Если ты его преследуешь, то все порицают равно и тебя, и его; если же ты перенесешь (обиду), то, наоборот, тебе будут рукоплескать и удивляться, а его обвинять.

3. Что может быть неприятнее для врага, как видеть, что сопернику его все удивляются и рукоплещут? Что горче для врага, как видеть, что его все осуждают в глазах его неприятеля? Если ты ему отомстишь и, может быть, обвинишь его, ты отомстишь один; а если простишь ему, то все отомстят ему за тебя, а это (т. е.) – иметь врагу столько мстителей – тягостнее, чем терпеть зло. Если ты откроешь уста, замолчат они; если же замолчишь ты, то поразишь его не одними устами, но тысячами других, и так отомстишь гораздо более. Когда ты станешь порицать (врага), то многие тебя осудят, именно скажут, что это – слова страсти; а когда ничем не обиженный станет осыпать его порицаниями, тогда мщение совершенно чисто от всякого подозрения. И, действительно, когда те, которые не потерпели ничего неприятного, по причине чрезмерной твоей кротости, вместе с тобою скорбят, как обиженные, то это мщение свободно от всякого подозрения. Что же, скажут, неужели никто не мстит? Быть не может, чтобы люди были каменные, так что не удивились бы, при виде такого Любомудрия. И хотя бы в то время они и не отомстили, но впоследствии, будучи в состоянии (это сделать), сделают: насмеются над ним и охулят его. Да если и никто другой не удивится тебе, он сам вполне удивится, хотя и не скажет этого. Ведь понятие о добре, хотя бы мы впали в самую бездну зла,

остается у нас невредимым и несокрушимым. Почему, думаешь ты, Господь наш Христос говорит: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39)? Не потому ли, что чем более кто будет великодушен, тем более и себе и ему принесет великой пользы? Для того повелел Он обратить и другую (ланиту), чтобы исполнить пожелание разъяренного. Кто такой зверь, чтобы не пришел наконец в себя? Говорят, что и собаки так поступают: когда они залают и нападут на кого-нибудь, то стоит тому упасть навзничь, и они ничего не сделают, и это потушает всю их ярость. Итак, если и они стыдятся того, кто выказывает готовность потерпеть от них зло, то тем более – род человеческий, который разумнее.

Но стоит упомянуть о том, что пришло на память мне много прежде и приведено было в доказательство. Что же это? Мы говорили о иудеях и их начальниках, что они обвиняются (Богом), как гонящие мзду (Ис. 1:23). Хотя им и позволял это закон: «Око за око, зуб за зуб» (Лев. 24:20), но не для того, чтобы они выкалывали друг другу глаза, а чтобы по страху потерпеть (тоже взаимно) удерживали дерзость, не делали ничего худого другим и сами не терпели того же от других. (Слова): «Око за око» сказаны для того, чтобы связать руки его, а не для того, чтобы направить против него твои, – и не для того, чтобы обезопасить от вреда только твои глаза, но и для того, чтобы сохранить целыми и его глаза. Но, как я уже спрашивал, для чего, если мщение было позволено, те, которые употребляли его на деле, подвергались обвинению? Что это значит? Это направлено против злопамятства. Потерпевшему зло позволялось тотчас действовать (сообразно с ним), для того, как я сказал, чтобы удержать обидчика; но отнюдь не позволялось помнить зла. Злопамятство есть дело не гнева и не пылкого увлечения, но обдуманной злобы. Бог снисходит тем, кто внезапно подвергся оскорблению и устремился на мщение; потому и говорится: «Око за око». А в другом месте: «На пути... зла – ...смерть» (Притч. 12:28). Если же, несмотря на то, что дозволено вырвать око за око, полагается такое наказание злопамятным, то не тем ли большее (потерпят) те, которым повелено быть готовыми к перенесению зла? Итак не будем

злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога. "Какой мерой мерите, – говорит Он, – *такою* и вам будут мерить» (Мф.7:2). Будем же человеколюбивы, и сострадательны к сорабам, чтобы и в настоящей жизни избежать сетей, и в день будущий получить от Него прощение, благодать и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

## Беседа 17

Еф.4:32. Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас.

Еф.5:1–2. Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное.

Сладострастие – меньшее зло, чем гнев.

1. То, что прошло, имеет большую силу и представляется более дивным и вероятным, чем то, что имеет случиться. Потому-то и Павел делает увещание на основании того, что было, – так как оно имеет большую силу, по причине Христа. Сказать: отпусти, и отпустится тебе, и: если не отпускаете, не отпустится и вам, – такие слова много могут значить для людейлюбомудрых и верующих в будущее. Но Павел усовещивает не только этим (будущим), но и тем, что уже случилось, потому что (убеждаться) тем значит бегать наказания, а этим – быть причастником какого-либо блага. Подражай, говорит, Христу: этого одного достаточно для увещания к добродетели, т. е. для того, чтобы подражать Богу. Это убедительнее тех слов: «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф.5:45). Он не просто сказал, чтобы мы подражали Богу, но выражает желание, чтобы в отношении к тому, чем мы наслаждаемся, мы выказывали друг к другу отеческое расположение. Расположением же этим называется милосердие и соболезнование. И так как людям невозможно не огорчать и не огорчаться, то он нашел другое лекарство – чтобы мы прощали друг другу: "прощайте, – говорит, – друг друга». Но в этом нет ничего похожего (на прощение Божье), потому что если ты кому простишь, то и он тебе простит, а Богу ты ничего простить не можешь. При том ты (прощаешь) сорабу, а Бог – рабу и врагу и ненавидящему Его. "Как и Бог, – говорит, – во Христе простил вас». И эти слова весьма загадочны; впрочем, вот что он говорит. Не просто, говорит, без всякой опасности простил, но –

с опасностью для Сына, потому что, для помилования тебя, принес в жертву Сына. А ты, хотя тебе и часто представляется безопасное и ничего нестоящее помилование, не делаешь его.

«Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное». Чтобы ты не подумал, что это было делом необходимости, послушай, что не просто он сказал, но: «предал Себя», как бы говоря: Владыка возлюбил тебя, когда ты был врагом; люби же ты друга; а если ты не можешь этого, делай, по крайней мере, что можешь. О, что может быть благоднее этих слов? Назовешь ли ты царство, или другое что-либо, – ничто не будет равняться с ними. Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда вместе с Ним прощаешь. Грехи нужно прощать скорее, чем долги денежные, потому что если ты простишь деньги, ты этим не будешь подражать Богу, а если будешь прощать грехи, ты будешь подражать Богу. Во всяком случае, как ты можешь говорить: я беден и не могу простить, – когда не прощаешь и того, что можешь? Если же и прощение грехов ты будешь почитать для себя делом убыточным, то что ж произойдет, когда дело коснется твоего богатства, имущества, пожитков? «Итак, подражайте Богу». А вот и еще прекраснейшее увещание: "как, – говорит, – чада возлюбленные». У вас есть и другая необходимость подражать Ему, – не только потому, что вы Им благодетельствованы, но и потому, что сделались чадами. «как чада возлюбленные». Так как не все сыновья подражают отцам, но только возлюбленные, то и говорит: «как чада возлюбленные, и живите в любви». Вот и основание всего: если будет любовь, то не будет ни ярости, ни гнева, ни крика, ни брани, – все это будет уничтожено. Потому он и поставляет главнейшее на конце. Почему ты сделался чадом? Потому, что тебе прощено. На том же основании, на каком удостоен ты столь высокой чести, и сам ты прощай ближнему. Скажи мне: если бы кто-нибудь тебя, узника и виновного в бесчисленных злодеяниях, возвел на царство... А лучше, оставим это. Если бы кто тебе, когда ты был в горячке и боролся со смертью, помог каким-нибудь лекарством, – не превознес ли бы ты выше всего

этого человека и даже самое название лекарства? Если к временам и местам, с которыми связано получение пользы, мы тяготеем как к собственной душе, – то тем более – к самым действиям. Будь привержен к любви, потому что через нее ты спасен, через нее сделался сыном (Божьим); и если в состоянии будешь спасти другого, то ужели ты не воспользуешься тем же лекарством и не станешь всех увещевать: отпустите, чтобы отпущено было вам (Лк. 6:37)? Так поступать – дело душ признательных, свободных и благородных. «Как и Христос, – говорит, – возлюбил нас». Ты милуешь друзей, а Он – врагов; следовательно, то, что сделал Владыка, гораздо важнее. Да и как иначе слово – "как и" удержит свой смысл? Не ясно ли, что (в таком только случае), если мы будем благодворить врагам? «И предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное». Видишь ли, что страдание за врагов есть благоухание приятное и жертва угодная? Хотя бы ты и умер, и тогда будет жертва: вот что значит подражать Богу.

«А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым» (Еф. 5:3). Сказав о грубой страсти – о гневе, (апостол) переходит к меньшему злу. А что сладострастие есть меньшее зло, послушай, как и Моисей в законе говорит сначала: "не убей", – что относится к гневу, – а потом: «не прелюбодействуй», – что относится к сладострастию. Как горечь, и крик, и всякое зло, и злоречие и все подобное происходят от гневливости, так блуд, нечистота, любостяжание – от (сладострастного) пожелания, потому что и любовь к деньгам, и любовь плотская – одна и та же страсть. И как там он уничтожил крик, эту колесницу гнева, так теперь отсекает сквернословие и шутки, колесницу распутства. «Также сквернословие, – говорит, – и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение» (Еф. 5:4). Не произноси слов ни шутливых, ни постыдных, и не приводи их в действие, и ты угасишь пламя. «не должны даже именоваться, – говорит, – у вас", т. е., чтобы отнюдь даже не казалось (будто это есть у вас). То же говорил он, и пиша к Коринфянам: «Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние» (1Кор. 5:1), т. е., будьте все чисты, потому что слова ведут к делам. Потом,

чтобы не показаться тяжелым и суровым, и пресекая наклонность к шуткам, присовокупил и причину, говоря: «не приличны *вам*», т. е. они нисколько (неприличны) для нас, «а, напротив, благодарение».

2. Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне, сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, не принадлежащее к ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь (ненадлежащий) инструмент? Никак, – потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоит. Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному (разговору). Теперь время не увеселения, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносит шутки? Близ тебя дьявол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воеет, раздувает огонь против твоего спасения, – а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли же ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорит Павел: «я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (Деян. 20:31). Если же он употреблял такое попечение о милетянах и ефесянах, – не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, – то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорит и к Коринфянам: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами» (2Кор. 2:4); и еще: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор. 11:29). Послушай, что он говорит еще в другом месте, ежедневно, так сказать, желая переселиться из мира: «Ибо мы, находясь в храмине, воздыхаем» (2Кор. 5:4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны, – а ты занимаешься тем, что свойственно плясунам? Не видишь ли ты лиц людей воюющих, как они суровы, как строги, как брови их страшны и полны ужаса? У них ты видишь лицо суровое, сердце бодрое, ум отважный, быстрый, сдержанный, осторожный и беспокойный, большое благочиние, большую

стройность и великое молчание в рядах; не говорю уже, что они не произносят постыдного слова; они вовсе ничего не говорят. Если же они, сражаясь с врагами чувственными и не будучи в опасности потерпеть какой-либо вред от слов, наблюдают столь великое молчание, то ты, который должен вести войну и за слова, и даже большую часть войны, – как ты допускаешь этой твоей части оставаться обнаженной? Разве ты не знаешь, что мы здесь подвергаемся многим наветам? Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех, и нисколько не думаешь о деле? Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Но, говорят, эти шутки не таковы. Однако, послушай, – (апостол) изгоняет всякие шутки.

Ныне время войны и битвы, бдения и бодрствования, вооружения и приготовления к борьбе. В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, потому что это – время мира. Послушай, что говорит Христос: «мир возрадуется; вы печальны будете» (Иоан. 16:20). Христос распялся на кресте из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличным и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, насколько велико это зло. Это дело дьявола – нерадеть о безразличных (поступках). И, во-первых, если бы это было и безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходит много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодеем. А что это не безразлично, видно из следующего. Посмотрим, откуда (этот порок) происходит. Или лучше, посмотрим, каков должен быть святой. Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, какой, будь он хотя и эллин, смешон. Это позволительно только играющим на сцене, где гнусность, там и шутки; где безвременный смех, там и остроты. Послушай, что говорит пророк: «Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с

трепетом» (Пс. 2:11). Шутливость делает душу слабой, ленивой, вялой; она возбуждает часто ссоры и порождает войны.

3. Что же? Разве ты принадлежишь не к числу мужей? Оставь же то, что свойственно детям. Тебе не нравится, если твой раб говорит на площади что-либо бесполезное; а ты, называя себя рабом Бога, произносишь на площади шутки? Прекрасно, если душа трезвенная, – ее нельзя увлечь; а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собою и не нужно ей будет козней и нападений дьявола. А чтобы тебе лучше узнать (дело), обрати внимание на самое название. Шутником (εὐτράτελος) называется человек непостоянный, на все готовый, нетвердый, изменчивый, бывающий всем. Но это – несвойственно тем, которые служат Камню. Такой человек легко изворачивается и переменяется, потому что он должен подражать и изменению лица, и словам, и смеху, и походке (других) и всему; при том ему нужно выдумывать остроты, потому что для него и это необходимо. Но играть комедии несвойственно христианину. При том охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом, или услышать со стороны. Если это дело хорошее, то зачем оно предоставляется мимическим актерам? Ты делаешься таким актером, и не стыдишься? Для чего вы не позволяете этого свободным вашим (женщинам)? Разве этим вы не свидетельствуете, что это нечестный обычай и неблагопристойное дело? Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога. Разве ты не видишь, так называемых, смехотворов, клоунов? Вот они – шутники. Изгоните, умоляю вас, из душ своих это непривлекательное удовольствие: это дело паразитов, мимических актеров, плясунов и публичных женщин. Пусть будет оно далеко от души свободной и благородной, даже и от рабов. Если кто бесчестен, если кто мерзок, тот и охотник шутить. Многим это дело кажется даже добродетелью, и это достойно слез. Как похоть мало-помалу

доводит до любодееия, так и наклонность к шуткам кажется привлекательной, а между тем менее всего привлекательна. Послушай, что говорит Писание: «Грому предшествует молния, а стыдливого предваряет благорасположение» (Сир. 32:12). Но ничего нет бесстыднее шутника; потому уста его исполнены не приятности, а горечи. Изгоним этот обычай из-за трапез. Есть некоторые, которые учат этому даже бедняков. О, нелепость! Шутами делают тех, которые окружены горестями! Где нет этой болезни? Она вошла и в Церковь, она уже коснулась и Писаний.

Сказать ли нечто, чтобы показать чрезмерность зла? Стыжусь, а все-таки скажу. Я хочу показать, до чего дошло зло, чтобы не подумали, что я занимаюсь мелочами и рассуждаю с вами о чем-нибудь маловажном, чтобы, хотя этим способом мне можно было отвлечь вас от заблуждения. Пусть никто не полагает, что я выдумываю: я скажу то, что слышал. Случилось кому-то быть у одного из тех, которые тщеславятся ученостью, – я знаю, что возбужу смех, а все же скажу; поставивши стол, этот сказал: «хватайте, дети, чтобы не распалился желудок». Равным образом иные говорят: «горе тебе, мамона, и тому, у кого нет тебя». И много таких нелепостей привнесла шутливость, как, например, когда говорят: «теперь нет рождения». Я говорю это, показывая нелепость постыдного обычая, потому что подобные выражения (происходят из) души, чуждой благочестия. Не достойны ли такие (слова) молний? Можно бы найти много и других подобных выражений. Потому, умоляю, изгнавши отовсюду этот обычай, будем говорить то, что нам прилично, и пусть святые уста не произносят слов, свойственных устам бесчестным и позорным. «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой?» (2Кор. 6:14)? Лучше, если мы, удалившись от всего неприличного, в состоянии будем воспользоваться обещанными благами, чем если, занимаясь этим, погубим через то трезвенность ума. Человек шутливый скоро делается злоречивым; а злоречивый способен к бесчисленному множеству и других пороков. Итак, упорядочивши эти два душевные состояния и подчинивши их разуму, как послушных коней, – я разумею похоть и гнев, – поставим над ними

возницей ум, чтобы получить награду высшего звания, которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 18

Еф.5:5–6. Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога.

Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления.

Любостяжание есть идолослужение. – Нужно исправлять своего ближнего.

1. Были, как кажется, и у наших предков такие, которые позволяли народу своевольствовать, приводили в исполнение дела, упомянутые у Иезекииля, даже делали то, что свойственно лжепророкам, – которые "бесславят Бога пред народом Его за горсти ячменя» (Иез. 13:19). То же, я думаю, и теперь иные делают. Так, когда мы говорим, что назвавший брата уродом подлежит геене, некоторые спрашивают: ужели назвавший брата уродом подлежит геене? Нет! – отвечают. И когда говорим, что лихоимец есть идолослужитель, – и над этим опять смеются, говоря, что это выражение преувеличено; и все заповеди унижают подобным образом. Их-то имея в виду, и писал тогда к Ефесянам блаженный Павел, говоря: «ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога». Потом присовокупляет: «Никто да не обольщает вас пустыми словами». Суетные слова – те, которые имеют временную прелесть, но никогда не выказываются в делах, потому что дело их – обман. «Ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления». За прелюбодеяние, говорит, за любостяжание, за нечистоту, или и за это и за обман, так как они недобросовестны. Непокорливыми сынами называет весьма упорных, которые не слушают (Бога).

«Итак, не будьте сообщниками их. Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе» (Еф.5:7–8). Смотри, как мудро сделал увещание, – сперва Христом, т. е. любите друг друга, и никого не обижайте; потом опять – наказанием и геенной. «Вы были некогда тьма, – говорит, – а теперь – свет в Господе». Это же

говорит и в послании к Римлянам: «Какой же плод вы имели тогда? *Такие дела*, каких ныне сами стыдитесь» (Рим.6:21)? И напоминает им прежние пороки, т.е.: размыслите, говорит, что некогда вы были, и что теперь; не обращайтесь к прежнему нечестию, и не пренебрегайте Божьей благодатью. «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе». Не за вашу, говорит, добродетель, но по благодати Божьей это с вами произошло, т.е.: и вы некогда были того достойны, но более уже нет. Потому «поступайте, как чада света» (Еф.5:8). А что значит: «чада света», – он объясняет, непосредственно за этим прибавляя: «потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине. Испытайте, что благоугодно» Господу (Еф.5:9–10). "Во всякой, – говорит, – благодати": это против гневливых и жестоких. "И истине": это против любостяжательных. "И истине": это против ложного удовольствия. Не о том, говорит, заботьтесь, о чем я сказал, но о противоположном. "Во всякой", – т.е., плод духовный должен обнаруживаться во всем. «Испытайте, что благоугодно» Господу. Следовательно то свойственно детскому и несовершенному разумению. «И не участвуйте, – говорит, – в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть» (Еф.5:11–13). Сказал, что вы – свет; свет же открывает все то, что бывает во тьме; так что, если вы, говорит, будете добродетельны и достойны удивления, – нечестивые не будут иметь возможности таиться. Подобно тому, как в то время, когда стоит светильник, освещаются все, и разбойник не можете приблизиться, так, при сиянии света от вас, обличаемые нечестивцы будут поражены. Следовательно, должно избличать. Но каким же образом говорит (Христос): «Не судите, да не судимы будете» (Мф.7:1)? Обличать, сказал (апостол), т.е. вразумлять, а не осуждать. И, кроме того: «Не судите, да не судимы будете» – сказано о самых незначительных грехах. Сообразно с этим и присовокупил (Христос): «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф.7:3). А слова (апостола) означают следующее: как рана телесная до того времени, пока таится,

будучи прикрыта снаружи, и пока углубляется далее, не пользуется никаким лечением, так и грех, доколь скрывается как бы во мраке, до тех пор продолжает действовать весьма смело; но как скоро будет обнаружен, – делается светом; не самый грех, – как это возможно? – но тот, кто сделал его. Если он будет выведен на середину (собрания), если будет вразумлен, если покается, если получит отпущение, то не разогнал ли ты тьмы его? Не исцелил ли тогда его раны? Не вызвал ли плод вместо бесплодия? Или это он говорит, или то, что ваша жизнь, будучи открытой, есть свет, – потому что никто не скрывает безукоризненной жизни все же то, что скрывается, скрывается потому, что помрачено. «Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф.5:14). О спящем и мертвом говорит – таком, который в грехах, потому что и он издает дурной запах, как мертвец, и он неподвижен, как спящий, и он подобно спящему ничего не видит, но бредит и мечтает. Иные читают: «И прикоснёшься» (ἐπιψάσῃς) "к Христу"; другие: «осветит тебя» (ἐπιψάσῃ σοί) "Христос". Но это последнее, лучше. Восстань от греха, и сможешь увидеть Христа. «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету» (Иоан. 3:20). Итак, кто не делает (зла), тот приходит (к свету).

2. Но не о неверных только он это говорит, потому что многие и из верных нисколько не менее неверующих привязаны к нечестию; есть даже те, которые и гораздо более. Потому-то и к ним необходимо сказать: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос». Прилично сказать к ним и это: «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22:32). Итак, если не мертвых, то будем жить. Некоторые говорят, что выражение: лихоимец есть идолослужитель – преувеличено. Но оно не преувеличено, напротив – совершенно верно. Как и каким образом? Таким, что лихоимец отдаляется от Бога, подобно тому, как идолослужитель. А чтобы ты не подумал, что это сказано неосновательно, – вот Христово изречение, которое гласит: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф.6:24). Те, которые работают маммоне, удалили себя от служения Богу; те же, которые отреклись Его владычества и служат бездушному

золоту, явно идолослужители. Но я не делал, говорит (любостяжатель), идола, не ставил жертвенника, не приносил в жертву овец, не возливал вина, – я ходил в церковь, и руки воздевал к Единородному Сыну Божьему, и в таинствах участвую, и имею общение в молитве и во всем другом, что прилично христианину. Итак, каким образом я поклоняюсь, говорит, идолам? Это-то самое и удивительно, что ты, испытавши и вкусивши Божьего человеколюбия, и увидевши, что Господь благ, – оставил Благого и принял на себя (владычество) жестокого тирана; говоришь, будто не работаешь ему, а на самом деле подверг самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбия. Ты мне не сказал о каком-либо своем добром деле, но только – о дарах Владыки. Скажи мне, спрашиваю я, на основании чего судим о войне? На основании того ли, что он служит телохранителем царя, от него получает содержание и украшается его именем, – или того, что он не думает о делах его, но показывает только вид, что держит его сторону и заботится о его делах, сам же способствует успеху его неприятелей? Явно – того, что он телохранитель царя. Поэтому и достоин он более жестокого наказания, нежели в том случае, если бы отвергся явно служения царю и передался врагам. Потому и ты дерзко восстаешь против Бога, как идолослужитель, не одними твоими устами, но обидой бесчисленного множества людей. Но (лихоимец) не есть, говорят, идолослужитель. А когда эллины говорят: христианин – лихоимец, тогда уже не один он себя посрамляет делами, но и обиженных заставляет часто это говорить. Если же не говорят, так это должно считать следствием их осторожности. Разве не видим мы, что дело бывает именно таким образом?

Что такое идолослужитель? Разве не тот, кто поклоняется страстям, вместо того, чтобы владеть страстью? Например: когда мы говорим, что такой-то поклоняется идолам, он говорит: нет – не им, но Афродите и Аресу. И если мы скажем: кто сама Афродита? – более знающие из них говорят: удовольствие. А кто Арес? Гнев. Так и ты (отвечаешь) о маммоне. Если скажем: что такое маммона? Любостяжание, – и ты ему поклоняешься. Не поклоняюсь, говоришь. Почему? Потому что себя не

сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения делами и поступками, потому что такое поклонение важнее. И чтобы ты убедился в этом, смотри, по отношению к Богу, кто достойнее Ему поклоняется, – те ли, которые просто стоят на молитве, или те, которые исполняют Его волю? Явно, что последние. Так и по отношению к маммоне, – те, которые творят его волю, более поклоняются ему. При том же поклоняющиеся страстям (олицетворенным) часто бывают свободны от (собственных) страстей. Так, посмотри на почитателя Ареса – он часто владеет гневом. В тебе же не то – ты сам себя делаешь невольником страсти. Но ты не закалаешь овец? Зато – людей и души разумные, иные – голодом, другие – клеветой. Ничего нет неистовее подобной жертвы! Кто видел, чтобы когда-нибудь души заколались? Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, почувствуешь от него запах крови козьей и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, почувствуешь тяжелый запах человеческой крови. А если остановишься здесь, то не заметишь сжигаемых крыльев птиц, ни запаха от того и поднимающегося дыма, но – умерщвленные человеческие тела. Иные бросились с крутизны, другие накинули на себя петлю, иные перерезали ножом горло. Ты видел жертвы грубые и бесчеловечные? Хочешь ли посмотреть еще на более жестокие, сравнительно с этими? Я покажу тебе не только человеческие тела, но и души человеческие, которые там закаляются. Ведь и душу закалать можно заклинанием, соответствующим душе, потому что как для тела есть смерть, так и для души. «Душа согрешающая, – говорит (Писание), – та умрет" (Иез. 18:4). Смерть души не такова, какова смерть тела, но гораздо тяжелее. Та смерть – телесная, разлучивши душу и тело друг от друга, одно избавляет от многих забот и трудов, другую же препровождает в известное место; а потом (тело), разлученное на время и удаленное, опять соединяется с нетлением, и снова получает свою душу.

3. Такова эта смерть; смерть же души страшна и ужасна. Она не переводит души (в известное место), как бывает с телом, по разлучении ее с ним, но связанную опять нетленным

телом ввергает в огонь неугасимый. Такова-то смерть души! Итак, подобно тому, как есть смерть души, есть и заклание души. В чем состоит заклание тела? В умерщвлении и в отнятии силы душевной. В чем – заклание души? И это – тоже умерщвление. В чем же умерщвление души? Как тело тогда умирает, когда душа оставляет его лишенным своей силы, так и душа тогда умерщвляется, когда Дух Святой оставляет ее без Своей силы. Эти заклания особенно и совершаются на жертвеннике любостяжания. Не удовлетворяются они, не останавливаются на крови человеческой, но если вы не принесете самой души, жертвенник любостяжания не насыщается, – если не примет душ обоих, души приносящего жертву и приносимого. Ведь необходимо прежде быть принесенным в жертву тому, кто ее приносит, и, таким образом, он совершает жертвоприношение и, будучи мертвым, приносит в жертву живого. Если ты клеветешь, поносишь и негодуешь, не есть ли это раны души неисцелимые? Видишь, что выражение не преувеличено?

Хочешь и еще послушать и узнать, каким образом любостяжание есть идолослужение, – и тяжелее идолослужения? Идолослужители кланяются творению Божьему. «И поклонялись, – говорит (апостол), – и служили твари вместо Творца» (Рим. 1:25); ты же поклоняешься своему собственному творенью. Бог не сотворил любостяжания, но изобрела его твоя безмерная ненасытность. И смотри, как это безумно и достойно смеха. Те, которые поклоняются идолам, чтут тех, которым кланяются, и если кто скажет об этих идолах худо, если будет над ними смеяться, они защищают их. Ты же, как бы в каком опьянении, поклоняешься предмету, который не только не свободен от порицания, но и полон нечестия. Итак, ты гораздо хуже их, потому что не можешь сказать в свою защиту, что это не зло. Если и те весьма неизвинительны, то ты еще более, как несчетное число раз порицающий любостяжание и осмеивающий тех, которые служат ему, раболепствуют пред ним, предаются ему. Но не угодно ли, – мы исследуем, откуда явилось идолослужение? Один мудрый муж говорит, что некто богатый человек, снедаемый преждевременной потерей сына, и,

не имея никакого утешения в скорби, хотел утолить страдание тем, что, сделав бездушное изображение умершего, и затем смотря на него, думал изображение принимать за самого умершего (Прем. 14:15). Некоторые же льстивые люди, которым бог – чрево, служа в его честь пред изображением, ввели обычай идолослужения. Итак, оно введено слабостью души, неразумным обычаем, невоздержанием. Любостяжание же не так. И оно от слабой души, но только от худшей. Не потерял кто-либо сына, не ищет утешения в скорби, не понуждается льстецами. Но как? Я вам скажу. Каин обманул Бога, потому что то, что следовало дать Ему, удержал у себя, а то, что следовало оставить себе, принес Ему, и начал зло с Бога. Если сами мы – Божьи, то тем более – первые плоды наших стяжаний. От любостяжания, в свою очередь, родилось стремление к женщинам. Увидели дочерей человеческих, и предались похотению (Быт. 6:4). От них – опять к деньгам, так как желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходит не от иного чего, как от того, что любовь охладела. Желание иметь больше бывает не от чего другого, а только от безумия, человеконенавистничества и высокомерия. Разве не видишь, как велика земля? Как несравненно больше, чем нужно, воздуха, неба? Бог устроил творение в таком объеме для того, чтобы погасить твое любостяжание. Но ты и при всем том грабишь и, слыша, что любостяжание есть идолослужение, не ужасаешься даже пред этим? Хочешь овладеть землей? Но разве нет на небе наследства, которого ты себя через то лишаешь?

4. Скажи мне, если бы кто предоставил тебе право взять все, – разве ты не захотел бы? А можно, если хочешь. Некоторые говорят, что они скорбят, если наследство переводят на других, хотели бы лучше истребить его, нежели видеть других его владетелями. Я тебя не извиняю и в этой слабости, потому что и это свойственно немощной душе. Но пусть будет так. Поставь же в завещании наследником Христа. Ведь (наследнику) должно быть живому; это будет свидетельствовать и о прекрасно направленной воле, к тому же ты, хотя по необходимости, станешь щедрее. Христос повелел давать

нищим для того, чтобы нас живых сделать любомудрыми, чтобы убедить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не в этом состоит презрение денег, что, умирая и не будучи господином, ты предоставляешь их то тому, то другому. Не добровольно даешь остаток, но по крайней необходимости. Смерти – благодарность, не тебе! Это не есть дело нежной любви, но – нужды. Впрочем пусть будет и так, но освободись же хоть тогда от страсти. Подумай, сколько ты похитил, сколько приобрел обманом? Все возврати четверицею, и, таким образом, оправдаешь себя пред Богом. Но некоторые дошли до такого безумия и испорченности, что даже и тогда (пред смертью) не понимают должного, а поступают так, как будто бы старались сделать тяжелее для себя суд Божий. Потому-то блаженный тот (Павел) говорит в послании: «поступайте, как чада света». Любостяжатель же преимущественно живет во тьме, и на всех распространяет великий мрак. «Не участвуйте, – говорит, – в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть».

Послушайте, увещаю всех, кто не хочет напрасно негодовать. Он похищает, и ты не обличаешь? Ты опасаясь гнева? Хотя не напрасно негодование, хотя ты обличаешь справедливо, а все же боишься гнева? Обличи брата, вырази вражду, по любви ко Христу, по любви к нему самому; останови его, если он идет в пропасть. Общение в трапезе, в добрых речах, приветливость и нежность – небольшое дело любви. Мы даем друзьям такие дары, которые избавили бы душу их от гнева Божьего. Восставим их, видя повергнутыми в печь нечестия. Но, говоришь, он не исправляется? А ты сделай свое, и будешь прав пред Богом. Не скрывай таланта. Для того ты имеешь разум, для того – язык и уста, чтобы исправлять ближнего. Одни бессловесные не заботятся о ближнем и не имеют никакого понятия о других. Ты же, называя Бога Отцом, и ближнего – братом, видя его совершающим множество зол, предпочитаешь расположенность к нему его пользе? Да не будет этого, умоляю вас. Нет больше доказательств любви, как

не презирать заблуждающих братьев. Увидел враждующих? Помири. Увидел обманом приобретающих имущества? Помешай. Увидел обижаемых? Защити. Этим ты к себе первому выразишь любовь, а не к ним. Для того мы и друзья, чтобы друг другу приносили пользу. Друг иначе слушает друга, иначе кого-нибудь постороннего. Постороннему он, быть может, не будет и доверять, равно как и учителю, а другу не так. «Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света». Что он хочет этим сказать? Говорит это потому, что одни из грехов совершаются здесь тайно, а другие явно. Там же будет не так, потому что нет никого, кто бы не признавал за собою греха. Потому говорит: «Все же обнаруживаемое делается явным от света». Что же, не о идолослужении ли, скажешь, говорится и здесь? Нет; речь здесь о жизни и грехах. Все являемое, говорит, свет есть. Потому, умоляю, не отказывайтесь ни других обличать, ни сами досажайте, будучи обличаемы. Доколь что совершается во мраке, совершается с большей смелостью; но как скоро имеет многих свидетелей происходящего, тогда освещается. Потому будем делать все наиболее для того, чтобы удалить мертвость от братьев своих, чтобы рассеять мрак, чтобы приблизить Солнце правды. Если много будет светочей, то и для нас будет удобен путь добродетели, да и те, которые во мраке, лучше будут обличены, так как свет, распространяясь, прогоняет и мрак. А если не будем так поступать, то можно опасаться, что они угаснут от преобладания над светом мрачной и греховной тьмы, которая отгоняет блеск света. Итак, будем стараться и о других, как о самих себе, чтобы всеми (делами своими) воссылать славу человеколюбивому Богу, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

## Беседа 19

Еф.5:15–17. Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые,

дорожа временем, потому что дни лукавы.

Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия.

Что такое лукавство дня. – Нужно благодарить Бога и в несчастии. – Причины многих естественных вещей неизвестны. – Относительно предметов божественных пытливость неуместна. – В чем истинное побуждение к повиновению.

1. Снова (апостол) искореняет горечь, снова отсекает повод к гневу. Что в самом деле говорит он? «Смотрите, поступайте осторожно». Он знал Учителя своего, что Он, посылая учеников, как овец среди волков, заповедовал им еще быть подобными голубям. «Будьте... просты, – говорит, – как голуби» (Мф.10:16). Так как, с одной стороны, (христиане) были среди волков, а с другой – были наставлены не мстить за себя, но переносить обиды, то поэтому они и нуждались в подобном наставлении. И прежнего уже достаточно было к тому, чтобы сделать их мужественнее; а когда к двум сделано прибавление, то пойми, что (наставление дано) уже чрезмерное. Смотри же, с каким тщанием он их предостерегает, говоря: «смотрите, поступайте осторожно». Целые города вели войну против них (апостолов); эта война перешла и в дома. Отец вооружался на сына, сын на отца, мать на дочь, дочь на мать. Что же? Откуда эти разделения? Они слышали, что Христос говорил: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:37). Итак, чтобы не подумали, что Он напрасно вводит войны и распри, так как могла произойти великая вражда, если бы они и сами вздумали вооружаться, для этого (апостол) и говорит: «смотрите, поступайте осторожно», т. е. исключая проповеди, ничем другим не давайте себе повода к вражде против вас, – одна она пусть будет основанием вражды. Пусть никто не обвиняет вас в чем-нибудь другом, оказывайте почтение и всякое повиновение, если ничто не вредит

проповеди, если ничто не препятствует благочестию, – потому что «Итак отдавайте, – сказано, – всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13:7). А когда увидят вас покорными другим, то сами устыдятся. «не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем». Увещевает так, желая не того, чтобы мы были изворотливыми и ловкими, но слова его означают следующее: время не ваше; ныне вы странники и пришельцы, чужеземцы и посторонние; не ищите почестей, не ищите славы, не ищите могущества, не будьте и мстительны; все переносите, и этим искупайте время; много платите, все, чего бы от вас ни захотели. Это сказано темно: попытаюсь уяснить примером. Представим, что кто-нибудь имеет великолепный дом, потом, что некоторые приходят, чтоб его разорить, и он много им раздает и тем избавляет себя: тогда говорим, что он искупил себя. Подобным образом и у тебя великий дом и истинная вера; приходят, чтобы взять все; отдай же все, кто бы что от тебя ни потребовал, только, главное, спаси веру. «Потому что, – говорит, – дни лукавы».

Что такое лукавство дня? Порочность дня должна быть свойственна дню. Если ты узнаешь, что такое порочность в окружающем нас, узнаешь и то, что такое порочность дня. Что такое порочность тела? Болезнь. А что – порочность души? Злоба. Что – порочность воды? Горечь. И всякого рода порочность есть неустройство в природе того предмета, которому порочность приписывается. Итак, если и день может иметь порочность, то она заключается в самом дне, в часах, в свете. Так и Христос говорит: «довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34). Через это мы можем понять и то. Итак, в каком же смысле он называет дни лукавыми? В каком – время лукавым? Не сущность, не создание (так называет он), а то, что в продолжение их делается. Подобно тому и у нас есть обычай говорить: «тяжелый день провел я, дурной». Между тем, каким бы образом он мог быть тяжелым, как не в зависимости от того, что случилось в течение его? А то, что в течение его случается, – доброе от Бога, злое же от порочных людей. Следовательно, люди творцы того, что бывает порочного во времени, и потому

говорят: «злые времена». Так и мы называем времена порочными. "Итак, – говорит, – не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Господня. И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Еф.5:17–18), – так как невоздержание и в этом делает нас вспыльчивыми и дерзкими и стремительными, раздражительными и несносными. Вино дано для веселья, а не для пьянства. А ныне не напиваться – считается делом женоподобным и смешным. Какая же надежда на спасение? Смешно, говоришь ты, не напиваться, тогда как пьянство более всего должно быть осмеяно. Весьма хорошо и частному человеку быть чуждым пьянства; а гораздо более – воину, который имеет дело с оружием, с кровью, со смертоубийствами; гораздо более – военачальнику, когда, и без того, гнев его воспламеняется от власти, от управления, от того, что он постоянно живет среди засад и битв. Хочешь знать, где вино хорошо? Послушай слов Писания: «Дайте секиру погибающему и вино огорченному душею» (Притч. 31:6). И справедливо: оно ведь имеет силу смягчать огорчение и тоску и удалять печаль. «Вино... веселит сердце человека» (Пс. 103:15). Как же от вина происходит пьянство? Ничто не может производить противоположных действий. Значит, пьянство не от вина, но от неумеренности. Вино дано нам не для чего-нибудь другого, как для здоровья тела; но и этому препятствует невоздержание. Послушай же и того блаженного, который пишет и говорит Тимофею: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1Тим. 5:23).

2. Для того Бог и сотворил тела наши соразмерными, требующими немногого для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни. Таковую жизнь Он и хотел даровать нам сначала; но так как мы сами сделали себя недостойными ее, то Он отсрочил ее и во время отсрочки не позволяет нам наслаждаться без меры. Небольшого стакана вина и одного хлеба достаточно для наполнения желудка человеческого. Владыку всех бессловесных (Бог) создал нуждающимся гораздо менее сравнительно с ними, и дал небольшое тело, указывая этим не иное что, как то, чтобы мы стремились к другой жизни. «Не упивайтесь, – говорит, –

вином, от которого бывает распутство». Оно не спасает, а губит не только тело, но и душу. «Но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу, благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуюсь друг другу в страхе» Христовом (Еф. 5:18–21). Хочешь, говорит, веселиться? Хочешь провести день? Я даю тебе питье духовное. Пьянство уничтожает благозвучие речи, заставляя наш язык заикаться; равным образом извращает и глаза, и все. Учись петь псалмы, и увидишь сладость этого дела, – потому что поющие псалмы исполняются Духа Святого, а поющие сатанинские песни – духа нечистого. Что означают слова: «в сердцах ваших Господу»? Это значит – со вниманием приступай к этому делу, потому что невнимательные поют без пользы, произнося только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте. «Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуюсь друг другу в страхе» Христовом. Т.е., пусть восходят к Богу прошения ваши с благодарением; ничто так не радует Бога, как то, когда кто-нибудь благодарит Его. Преимущественно же мы можем выражать свою благодарность удалением нашей души от вышесказанного, очищением ее от того, о чем сказал (апостол). «но исполняйтесь, – говорит, – Духом». В нашей ли это власти? Да, в нашей. Когда будем очищать душу свою от лжи, жестокости, блуда, нечистоты и любостяжания, когда сделаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себе, когда не будет в нас кощунства, когда сделаем себя достойными, – тогда что воспретит Св. Духу приблизиться и прилететь к нам? И Он не просто приблизится, но наполнит сердце наше. Когда же внутри нас будет такой свет, то после того добродетель не будет уже нам трудна, но – легка и приятна. "благодаря, – говорит, – всегда за все». Как же? Должно благодарить за все, что ни случится? Подлинно так, – хотя бы то была болезнь, хотя бы бедность. Если и в ветхом завете некоторый мудрец советовал, говоря: «Все, что ни приключится тебе, принимай радостно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив» (Сир. 2:4), то тем более

это должно быть в новом. Хотя бы ты и не понимал причины чего-нибудь, благодари: в том-то и заключается благодарность. Ничего нет важного, ни удивительного в том, если ты благодаришь, когда облагодетельствован, здоров, все тебе удается и ты счастлив. Нужно, чтобы ты благодарил в несчастьях и скорбях. Не говори ничего, кроме слов: благодарю Тебя, Владыка! Но что я говорю о бедствиях, которые случаются здесь (на земле)? За самую геенну, за наказания, за муки, которые будут там (за гробом), должно благодарить Бога. Если мы будем внимательны, – это дело принесет нам великую пользу, когда именно страх геенны будет налагать узду на сердца наши. И не только за явные благодеяния, но и за тайные, посылаемые против желания, мы должны благодарить. (Бог) много облагодетельствует нам, когда мы не хотим или не видим этого. Если не верите, я вам разъясню это дело. Подумай, не все ли приписывают солнцу и идолам своим беззаконные и безбожные эллины? Что ж? Разве Он не посылает благодеяний и им? Не Его ли промыслу обязаны они жизнью, здоровьем, детьми и другим подобным? А так называемые маркиониты? А манихеи? Разве не хулят Его? Что же? Разве не облагодетельствует Он и им каждый день? Если же тем, без их ведома, облагодетельствует, то тем более нам. И что другое свойственно Богу, как не облагодетельствовать человеческому роду и в наказаниях и в благодеяниях?

Итак, не в счастье только мы должны благодарить, потому что тут нет ничего важного. Это знал и дьявол; потому и говорил: «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? ...но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?» (Иов. 1:9–11). Но злодею этому (дьяволу) не было от того никакой пользы, и пусть не случится, чтобы и относительно нас было ему что-нибудь большее. Когда постигают нас бедность, болезни, несчастья, тогда-то и должно сильнее благодарить. Я разумею благодарность не на словах, не на языке, а в поступках, делах, мысли и сердце. Всей душой будем благодарить Его. Ведь Он любит нас более, нежели наши

родители, и любовь Божья настолько различна от любви родительской, насколько благодать отстоит от лукавства.

3. Это не мои слова, но любящего нас Христа. Послушай, что говорит Он: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф.7:9–11)? И опять послушай, что говорит Он в другом месте: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя», – говорит Господь (Ис. 49:15). Если он не любит нас, то для чего сотворил? Разве это Ему было необходимо? Разве мы делаем что-нибудь Ему полезное и нужное? Разве Он нуждается в ком-либо из нас? Послушай слов пророка: «Ты – Господь мой; блага мои Тебе не нужны» (Пс. 15:2). Но не понимающие и не чувствующие этого говорят: при благодати Божьей должно быть равенство для всех. Но скажи мне, неблагодарный человек, в чем ты видишь отсутствие благодати Божьей, и что называешь равенством? Один, говорят, с детства калека, другой безумствует и одержим демоном, иной всю жизнь до глубокой старости провел в бедности, иной в жестоких болезнях. Таковы ли дела Промысла? Один глух, другой нем, третий беден, иной же зол и беззаконен, исполнен бесчисленных пороков, а имеет деньги, содержит блудниц и нахлебников, приобрел великолепный дом, ведет беззаботную жизнь.

И много говорят подобного, сплетая длинное слово осуждения на Промысл Божественный. Что же? Нет, стало быть, Промысла? Что нам сказать против них? Если бы это были эллины и сказали нам: кем управляется мир? – мы спросили бы их в свою очередь: что же? нет Промысла? Зачем же вы почитаете богов, поклоняетесь демонам и героям? Ведь если есть Промысл, то он бодрствует над всеми. Если между христианами и эллинами найдутся отчаивающиеся и сомневающиеся, – что им сказать? Скажи мне, ужели от случая произошло столько благ: ежедневный свет, благоустройство в существующем, хор звёзд, равномерное течение дней и ночей,

последовательность природы в растениях, животных и людях? Кто, скажи мне, управляет этим? Если нет никого пекущегося, а все поддерживается случайно, то кто над землей и водами, опрокинувши, расprostер такой прекрасный, такой величественный шатер, – я разумею небо? Кто дал плодоносящие времена? Кто вложил такую силу в семена и растения? Все случайное бывает совершенно беспорядочно, между тем как все благоустроенное художественно. Что у нас из случайного, скажи мне, бывает свободно от великой неурядицы, великого замешательства, беспорядка? Я уже не говорю о том, что происходит без причины, но даже о том, кто делает, но берется за дело без умения. Пусть, например, будет дерево, камни и известь; пусть возьмет их человек, не знающий домоустройства, и начнет строить и трудиться. Не все ли он погубит и испортит? Опять же, пусть будет корабль без кормчего со всем, что нужно иметь кораблю, кроме кормчего, не говорю – не оснащенный, но даже оснащенный: он не в состоянии будет плыть. Эта земля, стоящая на воде, могла ли бы, скажи мне, простоять столько времени без поддерживающей силы? И есть в этом смысл? И мнение такого рода не стоит осмеять тысячи раз? Если при этом (вода) носит и небо – вот другая тяжесть. Но на воде ли держится небо – другой вопрос. Все это – дело Промысла. Все, носящееся на воде, не должно быть вогнутым, но выпуклым. Почему? Потому что тело выпуклое, как например в корабле, остается наружу и стремится вверх, а тело вогнутое все погружается в воду. Итак, для него (неба) нужно тело упругое, твердое, способное выдержать напор и вынести наложенную тяжесть. Не воздух ли поддерживает небо? Но он гораздо жиже, рыхлее воды и вещам, даже самым легким, не может противопоставлять достаточного сопротивления, а тем более такой громаде. Целого века нам недостаточно было бы, если бы мы стали рассматривать все дела Промысла, как в общем, так и в частностях. Спрошу настоящего совопросника: от Промысла все это произошло, или случайно? – и, если бы он сказал: нет Промысла, – опять спрошу: как же это произошло? И не найдется он указать ни на одну причину. Отсюда уже, тем более, ты не должен разузнавать и усиливаться разгадывать

вопросы, касающиеся жизни человека. Почему? Потому что человек превосходнее всего этого и все это произошло для человека, а не человек для этого.

4. Итак, если ты не понимаешь премудрости и порядка, заключающихся в промышленности о нем (человек), как можешь постигнуть причины, заключающиеся (в Боге)? Да, скажи мне, почему (человек) сотворен столь малым, до того удаленным от высот небесных, что сомневается в являющемся свыше? Почему северные и южные страны необитаемы? Почему, скажи мне, зимой ночь бывает больше, летом – меньше? К чему стужи, жар, почему тело смертно? Я предложу тебе бездну и других вопросов, даже, если хочешь, не перестану спрашивать, и во всем ты будешь безответен предо мной. В том-то, главным образом, и состоит Промысел, что причины для нас непостижимы. Если бы это не превышало нашего разумения, то, пожалуй, кто-нибудь и в самом деле счел бы человека причиной всего. Такой-то, говорит, беден, а бедность есть зло. Что такое также болезнь, или слепота? Все это – ничто, человек! Одно только несчастье – грешить, и об этом одном нам и должно рассуждать. Оставивши исследования относительно причин действительных бедствий, мы слишком много хлопочем о постороннем. Отчего никто из нас никогда не старается узнать, почему он грешил? В моей ли власти грешить, или не в моей? Нет нужды тут много говорить, поищу ответа в самом себе. Не победил ли я когда-нибудь страстных влечений, не восторжествовал ли над гневом из стыда, или из страха пред людьми? Когда найду такие случаи, то заключу отсюда, что грешить в моей власти. Никто об этом не любопытствует, никто не берет на себя труда это узнать; но без размышления, по словам Иова, смертный «пустой ...мудрствует» (Иов. 11:12). Что тебе за нужда до того, что один слеп, другой беден? Не об этом Бог повелевает рассуждать тебе, а о том, что сам ты делаешь. Если ты сомневаешься, промышленности ли какая-нибудь сила о мире, ты самый безрассудный человек; если же ты убежден в этом, то зачем сомневаешься, что должно угождать Богу? «Благодаря всегда, – говорит, – за все Бога» (Еф. 5:20). Войди в лечебницу и, когда там бывает раненый, посмотри, как врач

режет и жжет его. Впрочем, я говорю это не по отношению к тебе, – ты войди в мастерскую плотника. И не добьешься ты смысла, ничего почти не поймешь из того, что там делается; многое покажется тебе бестолковым, когда, например, он сверлит, или стругает дерево. Если я приведу тебя к другому, более простому искусству, например к живописи, то и здесь ты растеряешься. Скажи мне, не напрасным ли тебе покажется делать то, что делает (живописец)? К чему, для него служат начертания и переплетения линий? Когда же он положит краски, тогда бросится тебе в глаза красота искусства и все-таки, и после этого, ты не в состоянии будешь ничего понять в точности. Но зачем я говорю о плотниках, живописцах, таких же рабах, как и мы? Расскажи мне, как пчела делает соты, и тогда говори о Боге. Изучи искусство муравьев, паука, ласточки, и после этого говори о Боге. Объясни мне это, если ты умен; но ты не в состоянии.

Итак, ужели не перестанешь ты, человек, искать излишнего, – а это поистине излишне, – не перестанешь безрассудно любопытствовать? Нет ничего мудрее такого незнания, и признающиеся в полном незнании в этом случае оказываются умнее всех, а суемудрствующие неразумнее всех. Таким образом, заявление о своем знании не всегда показывает мудрость, а иногда и глупость. Скажи мне, если бы из двух человек один объявил, что измерит протянутыми веревками воздух, простирающийся от земли до неба, а другой, осмеивая первого, признавался бы, что он этого не знает, – кого мы, скажи, осмеяли бы: называющего себя знающим, или незнающего? Очевидно, – именуемого знатока. Итак, незнающий мудрее того, кто выдает себя за знающего. Еще: если бы кто объявил, что знает, сколько стаканов (воды) содержит в себе море, а другой – что не знает, – здесь опять незнание не мудрее ли знания? Конечно. А почему? Потому что это незнание шире (чем знание). Признающийся в незнании знает кое-что. Именно что? То, что нечто сокрыто от человека; а это немаловажно. Тот же, кто говорит, что знает, в особенности не понимает того, о чем говорит, будто знает; потому-то он и заслуживает осмеяния. Увы, сколько мы имеем побуждений

обуздывать неуместную пытливость и любопытство, – и все же не удерживаемся, но вмешиваемся в жизнь других (и спрашиваем): почему тот беден, почему этот слеп? С такими вопросами мы впадем и в другие бредни, – почему, например, это женщина, почему не все мужчины, почему это осел, почему бык, почему собака, почему волк, почему камень, почему дерево, – и вопросы продлятся в бесконечность. Поэтому-то Бог и положил меру нашему знанию и (положил основание ей) в нашей природе. Посмотри со мной на весьма любопытное явление. Когда мы смотрим с земли на небо, на такую высоту, то ничего тяжелого не чувствуем, а когда взойдем на какую-нибудь высокую башню и захотим, несколько наклонясь, посмотреть вниз, то вдруг ощущаем кружение и помрачение головы. Скажи мне причину этого; но ты не найдешь, почему глаз имеет большую силу (чем другие чувства), и перестает действовать на значительнейших расстояниях

5. И в отношении слуха можно видеть подобное. Никто не сможет наполнить криком весь воздух, окидываемый глазом, или слышать на таком расстоянии. Почему не все члены имеют одинаковую честь, не отправляют одинакового назначения и не занимают одного места? И Павел любопытствовал об этом, или лучше, не любопытствовал, – потому что он был мудр, – но, пришедши к этому вопросу, сказал: «Но Бог расположил члены, каждый в *составе* тела, как Ему было угодно» (1Кор. 12:18). Все он приписал воле Божьей. Прекративши изыскания, будем же и мы только благодарить за все. Потому, говорит, «благодаря всегда за все». Это свойственно рабу мудрому, благоразумному и рачительному, а то (пустое любопытство) – болтливому, ленивому, мешающемуся не в свое дело. Не знаешь ли, что между слугами самые пустые и ни к чему негодные бывают говорливы, болтливы и стараются разузнать тайны, скрываемые господами, а благоразумные, усердные только и смотрят, как бы выполнить свою службу? Кто много говорит, тот ничего не делает; кто много делает, тот ничего не говорит неуместного. Поэтому и Павел говорил, пиша о вдовах: «приучаются ...не только праздны, но и болтливы» (1Тим. 5:13).

Скажи мне, где больше различия: между возрастом нашим и детским, или между Богом и людьми? Между нами и комарами, или между нами и Богом? Очевидно, между нами и Богом. Итак, зачем же ты такой любопытный? Благодарю за все. Но скажешь: что я буду отвечать, если меня спросит эллин и захочет от меня узнать, есть ли промысел, а сам он говорит, что нет никого промысляющего? Спроси и ты его в свою очередь. Но он говорит, что нет никого промысляющего? Что промысел есть, это ясно из сказанного; относительно же непостижимого (укажи на то), что мы не понимаем его значения. Если в делах человеческих мы многого не понимаем, как что делается, и хотя многое нам кажется неуместным, однако уступаем, – то тем более (должно так поступать) по отношению к Богу. В Боге для верующих и не кажется и нет ничего неуместного. Поэтому, будем благодарить за все, за все будем прославлять Его. "Повинуясь, – говорит, – друг другу в страхе Божьем» (Еф.5:21). Если ты повинешься из-за подчинения, из-за денег, или из-за стыда, то тем более (повинуйся) из-за страха Божьего. Пусть будет взаимное воздаяние за рабство и подчинение; тогда уже не будет рабства. Пусть не занимает исключительно один место свободного, другой – раба, но лучше, если господа и слуги взаимно служат друг другу. Гораздо лучше так быть рабом, нежели иным образом быть свободным. Вот доказательство: пусть кто-нибудь имеет сто слуг и никто из них ему не служит; пусть, с другой стороны, будет сто друзей, взаимно служащих друг другу. Кто из них будет лучше жить, у кого будет больше радости, больше веселья? Там нет ни гнева, ни досады, ни раздражения, ничего подобного, здесь – страх и рабство; здесь все по необходимости, там все по свободному избранию; здесь служат по принуждению, там – по любви друг к другу. Так восхотел и Бог, – поэтому омыл ноги учеников. Еще более: и господа, если хочешь рассудить тщательно, обязаны вознаграждать друг друга взаимным служением. Что произошло бы, если бы гордость не допустила оказывать взаимных воздаяний? Когда кто отправляет плотское служение, ты питаешь его тело, заботишься о пище, одежде, обуви, и это есть один из видов служения. Если ты не выполняешь своего

служения, то он не будет выполнять и своего; никакой закон не заставит его служить, если ты не кормишь его. Если так бывает по отношению к рабам, то что неуместного, если также случится и со свободными? "В страхе Христовом, – говорит, – повинуйся". Что же это за милость, когда (за службу) имеем и воздаяние? Но он не хочет тебе подчиняться? Подчиняйся ты ему, и не просто повинуйся, но подчиняйся. Служи всем, как господам, и скоро ты будешь иметь их слугами, порабощенными властью, сильнейшею власти суровейшего тирана. Еще более ты приобретешь их, если, не получая от них ничего, будешь отдавать им свое. «Повинуйся друг другу в страхе» Христовом – значит, чтобы мы обуздывали все страсти, служили Богу, питали любовь друг к другу, и тогда мы сможем удостоиться человеколюбия Божьего, благодатью и щедротами (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

## Беседа 20

Еф.5:22–24. Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела.

Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

Счастливы муж и жена, друг друга любящие. – Сила любви. – Чего нужно искать в жене. – Добрые качества жены. – Супружеский союз – символ нашего единения с Христом. – Нужна снисходительность к недостаткам жены. – Как должен поступать муж в отношении к жене. – Советы бедным супругам. – Как нужно устраивать дом и семью. – Истинные достоинства молодой девушки. – Каких нужно выбирать жен и как относиться к ним.

1. Некоторый мудрый муж, перечислив многие блага, поставил в числе их и согласие (между мужем и женой): «и жена и муж, – сказал он, – согласно живущие между собою» (Сир. 25:2). Подобным образом, и в другом месте, в числе же благ он поставляет единомыслие между мужем и женой (Сир.25:11). При том известно, что и изначально Бог прилагал особенное попечение об этом союзе, и, говоря об обоих, Он выражается как об одном: «Бог мужчину и женщину сотворил» (Мк. 10:6); и еще: «нет мужеского пола, ни женского» (Гал. 3:28). В самом деле, не может быть такой близости у мужа с мужем, какая у жены с мужем, если только кто законно сочетался с нею. Потому-то один блаженный муж, выражая чрезмерную любовь и оплакивая одного из любимых им и сердечно ему преданных, берет для этого в пример любовь не отца или матери, ни дитяти или брата, ни друга, – но чью? Падет «любовь твоя на меня, – говорил он, – как любовь женская» (2Цар. 1:26). Поистине, любовь эта насильственнее всякой тирании. Сильны и другие (страсти); но эта страсть имеет такую силу, которая никогда не ослабевает. В самой природе нашей есть какое-то страстное влечение, непонятное для нас, которое соединяет эти тела (мужа и жены). Вот и вначале жена произошла от мужа, а после

от жены и мужа муж и жена. Замечаешь ли союз и единство? Почему (Бог) не попустил превзойти сюда другой сущности отвне? И смотри, как Он устроил: Он дозволил человеку иметь женой сестру, еще более – не только сестру, но и дочь, и не только дочь, но нечто, ближе дочери, – собственную плоть. Все же это Он устроил изначала, соединяя их в одно, как бы на каменном основании. Не от вне Он жену сотворил, для того, чтобы муж не смотрел на нее, как на чуждую; а, с другой стороны, не ограничил брачного сожития только ею, чтобы он, стесняя и принуждая себя, не отделился вовсе от других. И как между растениями те особенно красивы, которые имеют один ствол, разветвляющийся на многие ветви, а те, которых ветви разветвляются беспорядочно, каждая вырастая от особенного корня, не представляются красивыми, так и здесь, Бог из одного Адама произрастил весь род (человеческий), поставивши его через то в совершенную невозможность разъединиться или разделиться. Потом, для большего также единения, запретил вступать в брак с сестрами и дочерьми, чтобы через это мы не сосредоточивали всей любви своей на одном (роде), и тем не отделялись от других. Потому и сказал (Христос): «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» (Мф.19:4).

Много от этого бывает зла, много и добра и для семейств, и для обществ. Ничто так не укрепляет нашу жизнь, как любовь мужа и жены. Ради ее многие берутся за оружие, а иные не щадят и своей жизни. Итак, не просто и не напрасно Павел выказал великую заботливость об этом деле, когда сказал: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу». Почему? Потому что, если они единомысленны, то и дети их воспитываются хорошо, и слуги благоустроены, и соседи, и друзья, и сродники, как бы наслаждаются их благовонием. Если же где бывает напротив, то там во всем беспорядок и замешательство. И как, если военачальники в мире друг с другом, то все идет, как следует, а если между ними возникнет распря, то там уже не бывает порядка, – так и здесь. Потому и говорит: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу». Увы! А как же в другом месте сказано: если кто не оставит жены или

мужа, не может следовать за Мной (Лк.14:26, Мф.10:36–37)? Если (жена) должна повиноваться (мужу), как Господу, то как же говорится, что ей должно оставить его ради Господа? И подлинно, должно. Впрочем, слово: "как" не везде означает совершенное равенство. (Апостол) или понимает следующее: "как" знающие, что служите Господу, как и в другом месте говорит, что (они должны повиноваться) если не ради мужа, то, в особенности, ради "Господа" (Кол. 3:18); или: если повинуешься мужу, то думай, что ты повинуешься, как работающая Господу. Если противящийся даже внешним общественным властям противится «повелению Божию» (Рим. 13:2), то тем более – не повинующаяся мужу. Этого Бог требовал от начала. Итак, поставим мужа в качестве главы, а жену в качестве тела. Потом, доказывая умозаключениями, что муж есть глава жены, (апостол) говорит: «как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем». Сказав, что муж есть глава жены, «как и Христос глава Церкви», он затем присовокупил: «и Он же Спаситель тела», – потому что от головы зависит благосостояние тела. Таким образом, он предложил мужу и жене, как основание их счастья, взаимную любовь и заботливость, указав каждому подобающую область, – ему начальство и попечение, а ей – повиновение.

2. Итак, как Церковь, составляемая из мужей и жен, повинуется Христу, так и жены должны повиноваться мужьям, как Богу. «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф.5:25). Ты слышал о великом послушании; ты доволен Павлом и рад, что он, как некий дивный и духовный учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя: тот же самый пример он приводит и далее. "Мужья, – говорит он, – любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь». Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным, или потерпеть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся; но и

хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому, что сделал Христос. Ты терпишь это, будучи уже в союзе с женой; а Он (страдал за Церковь) отвращавшуюся от Него и ненавидевшую Его. Как Он, когда она отвращалась, ненавидела, презирала Его и была развратна, по великому Своему снисхождению покорил ее под ноги Свои, не прибегая ни к угрозам, ни к порицаниям, ни к устрашениям и ни к чему подобному, – так и ты поступай в отношении к своей жене: хотя бы ты видел, что она пренебрегает тобою, что развратна, что презирает тебя, умей привести к своим ногам твоим великим о ней попечением, любовью и дружбой, нет уж крепче этих, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхом, – а скорее и его этим не свяжешь, он отскочит и сбежит, – но общницу жизни, мать детей и виновницу всех радостей нужно привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовью и расположенностью. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может насладиться муж, который сожительствует с женой, как с рабой, а не как со свободной? Если бы и случилось потерпеть что за нее, не ропщи: Христос этого не делал. «И предал Себя за нее, – говорит, – чтобы освятить ее» (Еф.5:25–26). Значит, она была нечиста; значит, на ней были грязные пятна; значит, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взял жену, твоя невеста была не такова, какой Христос обрел Церковь; она не так отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ею и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие. Хочешь знать, как она была безобразна? Послушай, что говорит Павел: «Вы были некогда тьма» (Еф.5:8). Видишь черноту ее? Что чернее тьмы? Но посмотри и дерзость ее: «жили в злобе, – говорит, – и зависти». Посмотри и нечистоту: «несмысленны, непокорны» (Тит. 3:3). Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако, несмотря на то, что в ней было так много дурного, Он и за безобразную предал Себя как за прекрасную, как за возлюбленную, как за достойную дивной похвалы. Недоумевая пред этим, Павел и говорил: «Ибо едва ли кто умрет за праведника» (Рим. 5:7); и еще: «Христос умер за нас, когда мы

были еще грешниками» (Рим. 5:8). И принявши ее такой, Он украшает ее и оmyвает и не отказывается от этого. «Чтобы освятить ее, – говорит (апостол), – очистив баню водной посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5:26–27). Баней оmyвает ее нечистоту. «Посредством слова», – говорит. Каким? Во имя Отца и Сына и Святого Духа. И не только украсил ее, но и сделал славной, не имеющей «пятна, или порока, или чего-либо подобного». Итак, будем и мы искать этой красоты, и мы сможем стать ее творцами. Не требуй от жены того, чего у ней нет. Видишь, что Церковь все получила от Владыки? Через Него она сделалась славной, через Него беспорочной. Не отвращайся же и ты от жены из-за ее непривлекательности. Послушай, что говорит Писание: «Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей» (Сир. 11:3). Она – Божье создание: не ее ты порицаешь, но Того, Кто создал ее. Чем виновата жена?

Не хвали ее и за красоту. Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая (страстная) любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного; она возбуждает ревность и нередко заставляет подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В (удовольствии же), доставляемом не этой (красотой), ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянной, как любовь к красоте душевной, а не телесной.

3. Скажи мне, что прекраснее неба? Что прекраснее звезд? Скажешь: тело, – но оно не так бело; укажешь на глаза, – но они не так блестящи. Когда созданы были небеса, им удивились ангелы; и мы ныне удивляемся им, хотя и не так, как сначала. Это от привычки, что мы ныне уже не так поражаемся ими. Не

тем ли более (можно сказать это) по отношению к жене? А если приключится болезнь, то тотчас все улетает. Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости: таковы признаки (истинной) красоты, – а телесной красоты не будем искать, и не станем укорять ее за то, что не от нее зависит, или лучше, и вовсе не станем укорять, потому что это свойственно дерзости, не будем огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько таких, которые жили и с красивыми женами, но бедственно окончили свою жизнь; напротив, сколько таких, которые имели жен не очень благообразных, но в полном благополучии дожили до глубокой старости? Истребим внутреннюю скверну, исторгнем внутренние недостатки, уничтожим пятна душевные. Бог желает такой красоты. Уготоваем ее (жену) прекрасной для Бога, а не для себя самих. Не станем искать денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. Пусть никто не думает разбогатеть через жену, постыдно и позорно такое богатство; и, вообще, пусть никто не ищет здесь богатства, потому что «А желающие обогащаться, – сказано, – впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу» (1Тим. 6:9). Не ищи от жены больших денег, и ты легко найдешь все другое. Кто, скажи мне, оставив важнейшее, станет заботиться о маловажном? Но, увы, мы всегда так поступаем. Если у нас есть сын, то мы не о том стараемся, чтобы он был хорош, но как бы найти ему богатую жену, не о том, чтоб был благонравен, а о том, чтоб был богат. И если начертываем образ жизни, то также не о том заботимся, как бы нам жить безгрешно, но о том, как бы нам приобретать больше прибытков. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстью.

«Так должны мужья, – говорит (апостол), – любить своих жен, как свои тела» (Еф.5:28). Что это значит? Значит, что он переходит к убедительнейшему и к сильнейшему примеру; и мало того, к примеру более близкому и ясному, и к новой причине. То не казалось весьма необходимым, и чтобы не сказал кто-нибудь: Он был Христос, был Бог, и сам Себя предал, – (апостол) иным способом доказывает то же, говоря:

«Так должны»; итак это – не милость, а долг. Сказавши: «как свои тела», он присовокупил: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Еф.5:29), т. е. заботится о ней с великим тщанием. Но каким образом (жена) – плоть мужа? Послушай: "вот, это, – говорил (Адам), – кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт. 2:23). И не только это, но сказано еще: «и будут одна плоть... Как и Христос возлюбил Церковь» (Еф.5:25, 31): обращается к прежнему примеру. «потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф.5:30). Каким образом? Он произошел от нашего естества, как и Ева есть плоть от плоти Адама. Он, кстати, упомянул о костях и о плоти, потому что это в нас главнейшее – плоть и кости. Одно – как бы основание, а другое – как бы здание. То, впрочем, очевидно; а это каким образом? Как там существует великая близость, так, говорит, и здесь. Что значит: «от плоти:Его»? Значит – истинно от Него. Но как через это мы бываем членами Христовыми? Так, что мы родились подобно Ему. Каким образом от плоти? Это знаете вы, которые приобщаетесь тайнам: ведь через это мы тотчас прообразуемся. Но как? Пока послушай, что говорит блаженный (Павел): «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные» (Евр. 2:14). Но здесь Он нам приобщился, а не мы – Ему: каким же образом мы – «от плоти Его и от костей Его»? Некоторые говорят в этом случае о крови и о воде, но это неверно; Он, впрочем, благоволил показать это, именно – как Он, без соития, родился от Святого Духа, так и мы рождаемся в купели. Смотри, сколько примеров побуждают верить тому рождению! О, безумие еретиков! Что рождено от воды, это они признают истинным рождением, – то, что рождается, а что мы становимся Его телом, этого не принимают. Но если мы не делаемся им, то как согласить с этим слова: «от плоти Его и от костей Его»? И заметь: Адам создан, Христос родился; из ребра Адамова произошло тление, из ребра Христова проистекла жизнь; в раю прозябла смерть, на кресте она уничтожена.

4. Итак, подобно тому, как Сын Божий – нашего естества, так и мы – Его сущности; и как Он имеет нас в Себе, так и мы имеем Его в себе. «Посему оставит человек отца своего и мать

и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Еф.5:31). Вот и третья причина. Он показывает, что, когда кто-либо, оставивши родителей, от которых произошел, совокупляется с женой, то после того отец, мать и дитя их – одна плоть, составленная из взаимного соединения, потому что вследствие смешения семени рождается дитя, так что трое они – одна плоть. Таким же образом и мы делаемся с Христом одна плоть, по причастию, и мы гораздо более, чем дитя (в отношении к родителям). Почему это? Потому, что так было изначально. Не говори же мне, что (жена твоя) такая-то и такая-то. Разве не видишь, что и в плоти много бывает недостатков? Один хром, у другого кривые ноги, у третьего сухие руки, у четвертого страдает иной какой-либо член. И однако (такой человек) не скорбит, не отсекает его, и часто заботится о нем более, чем о других. И справедливо, – так как он его член. Итак, какую каждый из нас питает любовь к себе, такую же хочет (апостол), чтоб мы питали и к жене. И это не потому, что мы с нею одной природы, но у нас в отношении к жене гораздо более важная причина, именно – что (муж и жена) не два тела, а одно: он – глава, а она – тело. Но как же в другом месте говорит он: «а Христу глава – Бог» (1Кор. 11:3)? Это говорю и я, т.е., что как мы одно тело, так и Христос и Отец – одно. Оказывается, таким образом, что и Отец глава наш. (Апостол) выставляет два сравнения, т. е., с телом и с Христом. Потому и присовокупляет: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф.5:32). Что это значит? Называет (брак) великой тайной, потому что на нее указывал, как на нечто великое и дивное, и блаженный Моисей, или лучше – Бог. При том, "я говорю, – говорит, – по отношению ко Христу», так как и Он, оставивши Отца, сошел и пришел к невесте и сделался "один дух" с ней: «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор. 6:17). Хорошо сказал: тайна велика есть, – как бы указывая на то, что иносказательное доказательство не уничтожает необходимости любви. «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф.5:33).

Подлинно, это – таинство, и великое таинство, потому что человек, оставив произведшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, в болезнях родила, (оставивши) тех, которые столько благодетельствовали ему, к которым он привык, – сочетается с той, которой прежде не видал, которая ничего не имеет с ним общего, и предпочитает ее всему. Подлинно, это – таинство. И родители не печалются, когда так делается, но напротив печалются, когда этого не бывает, и, в знак радости, не жалеют денежных издержек и расходов. Поистине, это – великое таинство, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость. Это показал и древний пророк Моисей; об этом и ныне вопиет Павел, говоря: «по отношению ко Христу и к Церкви». Впрочем, так сказано не по отношению только к мужу, но и к жене, чтобы он согревал ее, как плоть свою, как и Христос Церковь, а жена чтобы боялась мужа. Говорит не только о любви, – но что? «да боится своего мужа». Жена – вторичная власть; значит, не должна требовать равенства (с мужем), так как стоит под главой; и он не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, потому что она – тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама; взамен послушания она должна приносить любовь. Как глава, так и тело: тело отдает в услужение глав руки, ноги и все прочие члены; а глава заботится о теле, посвящая ему все свое разумение. Нет ничего лучше такого супружества. Но какая, скажут, может быть, любовь там, где страх? Там-то, собственно, она и будет. Которая боится, та и любит: любя, она боится, как главы, и любит, как член, потому что и голова есть член всего тела. Для того он и подчиняет ее, а мужа возносит над нею, чтобы был мир. Где равенство, там не может быть мира, народное ли то будет управление, или все будут повелевать, – необходимо, чтобы было одно начальство. Так всегда бывает с существами телесными; если бы люди были духовные, тогда был бы мир. Было некогда пять тысяч душ, и «никто ничего из имения своего не называл своим», но всем делились друг с другом (Деян. 4:32). Вот – знак мудрости и страха Божьего. Таким образом (апостол) показал образ любви, но образ страха – нет.

5. Замечаешь ли, как он распространяется о любви, приводит в пример Христа, упоминает о собственной плоти, говорит: «Посему оставит человек отца своего и мать», а о страхе не распространяется? Почему это? Потому что хочет, чтобы преобладала любовь. Если будет она, то за нею последует все остальное; а если будет страх, то – не вполне. Кто любит свою жену, тот, хотя бы она была и не очень послушна, все перенесет; но если (супруги) не связаны силою любви, то единомыслие между ними – дело неудобное и трудное. Страх же совсем не производит такого действия. Потому (апостол) и останавливается преимущественно на том, что сильнее. И жена, хотя ей, по-видимому, наносится ущерб тем, что предписывается страх, ничего не теряет, потому что мужу предписывается то, что особенно важно – любовь. Но, скажут, что, если жена не будет бояться мужа? Ты люби, ты исполняй свой долг; пусть другие не исполняют того, что следует, – мы должны исполнять. Укажу пример: "повинуйся, – сказано, – друг другу в страхе» Христовом (Еф.5:21). Что же? Пусть иные не повинуются, – ты покоряйся закону Божьему. Так и здесь: хотя бы муж и не любил своей жены, она должна бояться его, чтобы не быть ей в долгу у него; равным образом и, наоборот, если бы жена и не боялась мужа, он должен любить ее, чтобы ему не быть в долгу у нее. Каждый имеет свои обязанности. Таков брак во Христе, брак духовный и рождение духовное, не от кровей, не от болезней рождения. Таково и рождение Исаака. Послушай, что говорит Писание: «и обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось» (Быт. 18:11). И брак не вследствие страсти или телесного влечения, но всецело духовный, в котором душа соединяется с Богом неизреченным союзом, как Он один знает. Потому и сказано: «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор. 6:17). Видишь, с каким тщанием он говорит и о плотском соединении, и о единении духовном? Где (после того) еретики? Если бы брак был делом нечистым, то он не назвал бы (брачующихся) женихом и невестой, не привел бы для увещания слов: «оставит человек отца своего и мать», и не присовокупил бы, что это сказано «по отношению к Христу и к Церкви». О ней говорит и

Псалмопевец: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей» (Пс. 44:11–12). Потому и Христос говорил: «Я исшел от Отца и пришел в мир» (Иоан. 16:28). Но когда я говорю, что Он оставил Отца, ты не представляй при этом, по-человечески, перемены места: говорится, что Он исшел, не потому, что Он вышел, но потому, что воплотился: так точно (понимай) и слова: оставил Отца. Отчего не сказано и о жене: прилепится к мужу своему? Почему это? Потому, что о любви уже было говорено, и говорено мужу. Жене же (апостол) внушает страх и при этом говорит: «муж есть глава жены», и еще: «и Христос глава Церкви». С мужем он рассуждает о любви и вручает ему то, что (имеет отношение) к ней; говорит ему о любви, соединяя и сочетая его (с женой). В самом деле, оставивший отца для жены и потом оставляющий ее и отпускающий от себя может ли быть достоин какого-нибудь снисхождения? Видишь, какой, по воле Божьей, она должна пользоваться честью, когда Бог, отвлекая тебя от отца, соединяет с нею? Но что же, скажут, если мы исполняем все, что следует, а она нет?

«Если же неверующий *хочет* развестись, пусть разводится» (1Кор. 7:15). В этих делах брат или сестра не подчинены рабству. А когда ты слышишь о страхе, то требуй страха, приличного свободной, а не как от рабы: ведь она – твое тело. А если будешь поступать не так, то опозоришь себя самого, бесчестя свое тело. Что же это за страх? Чтобы она не противоречила, чтобы не выходила у тебя из послушания, чтобы не стремилась к первенству. Довольно возбуждать только такого рода страх. Если же ты любишь, как тебе указано, то достигнешь гораздо большего, и достигнешь этого не столько угрозами, сколько собственно любовью. (Женский) пол весьма слаб; ему нужна большая помощь, особенное снисхождение. Что же скажут те, которые соединяются вторым браком? Не в осуждение говорю, – да не будет, – и апостол позволяет это. Но снисходя к ее немощи, доставляй ей все, все ради нее делай и терпи: это необходимо тебе. В этом случае (апостол) не благоволит давать совета на основании внешних примеров, как это он часто делает. Достаточно было великого и сильного

примера Христова, в особенности для доказательства (необходимости) повиновения. "оставит, – говорит, – отца своего и мать». Вот, это указание внешнее. Однако ж не сказал: и будет жить вместе (с женой), но: «прилепится», означая этим теснейшее единение, сильнейшую любовь. Не удовольствовался и этим, но через наведение так изъяснил подчиненность (жены), что двое уже не представляются двумя. Не сказал: в дух; но сказал: в душу, – так как это очевидно и вполне возможно, – но (сказал, что они соединяются) так, что бывают «одна плоть».

6. Хотя жене принадлежит также власть в доме, именно вторая, хотя она имеет начальство и равночестна мужу, – но при всем том, муж имеет нечто большее, именно – преимущественное попечение о доме. Соответственно со Христом, он получил и то, чтобы не только любить (свою жену), как должно, но и благоустроить (жизнь ее). «Дабы она была, – говорит, – свята и непорочна». Когда говорится – "плоть", разумеется любовь; равным образом, когда говорится – «прилепится», также разумеется любовь. Если ты сделаешь ее святой и непорочной, то за этим последует все. Ищи того, что Божье, а человеческое последует весьма легко. Управляй женой, и дом твой будет благоустроен. Послушай, что говорит Павел: «Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих» (1Кор. 14:35). Если мы так будем управлять своими домами, то будем способны и к управлению церковью, потому что дом есть малая церковь. Таким образом, если хороши будут мужья и жены, то все будет превосходно. Вспомни об Аврааме, о Сарре, об Исааке, о трехстах восемнадцати домочадцах: как благоустроен был весь дом их, как он весь был полон благочестия! (Сарра) исполняла апостольскую заповедь и боялась мужа. Послушай, что она говорила: «мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар» (Быт. 18:12). И (Авраам) так любил ее, что слушал ее во всем, что она ни приказывала. И сын их был добродетелен, и самые домочадцы достойны удивления, так что не усомнились пойти и на опасность с господином своим, не колебались и не требовали объяснения. А один из них,

начальствовавший над другими, был настолько дивный муж, что ему вверен был брак единородного сына и отлучка в чужую землю. Как, если военачальник хорошо устроил войско, то ни откуда не ворвется враг, так и здесь: когда муж, жена, дети и слуги заботятся об одном и том же, в таком доме бывает великое единомыслие. Если же, напротив, бывает не так, то часто от одного дурного слуги все низвращается и разоряется, часто один все губит и портит. Итак, будем прилагать особенное попечение о женах, детях и рабах, зная, что этим мы себе сделаем удобным начальство над ними, и снисходительный и благосклонный потребует от нас отчет (в этом начальстве), – мы скажем: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Ис. 8:18). Если муж хорош и глава добрая, то и во всем теле не будет никакого беспорядка.

А каковы должны быть добрые отношения между женой и мужем, это (апостол) выразил точным образом, сделав увещание ей – бояться мужа, как главы, а ему – любить ее, как жену. Но каким образом, скажешь, это может быть? Что это должно быть, он показал; а как это может быть, я вам скажу. Именно, если будем презирать деньги, если будем смотреть только на одно – на душевную добродетель, если будем иметь пред очами страх Божий. Что сказал он, рассуждая о рабах: «чтобы каждому получить *соответственно тому*, что он делал, живя в теле, доброе или худое» от Господа (2Кор. 5:10), тоже и здесь. Не столько ради ее самой должно любить ее, сколько ради Христа. Имея это в виду, (апостол) и сказал: «Как и Господь». Итак, делай все из повиновения Господу, и как бы ты все делал ради Него. Этого достаточно для побуждения и убеждения, и для того, чтобы не допустить никакого соблазна или беспорядка. Ни один верный не должен клеветать жене на мужа; но и муж не должен верить наветам на свою жену, точно так, как и жена не должна по-пустому следить за входами и выходами (своего мужа). Впрочем, и муж отнюдь не должен подавать повод к какому-либо подозрению на себя. Для чего, скажи мне, весь день ты проводишь с друзьями, а с женой только вечер, и через это ни ее не можешь удовлетворить, ни отдалить подозрение? Если жена укоряет тебя, не печалься: это

– по дружбе, а не по дерзости. Упреки – плод горячей любви, страстного расположения и опасения. Она боится, чтобы кто не похитил у нее ее ложе, чтобы кто не повредил ей в важнейшем благе, чтобы кто не отнял у нее главы, чтобы кто не разорил (брачного) ложа. Есть и еще повод к несогласию. Никто сверх меры не должен привязываться к слугам, ни муж к служанке, ни жена к служителю, так как этого достаточно, чтобы родились подозрения. Припомним еще о тех праведниках. Сама Сарра повелела патриарху взять Агарь; сама приказала, никто не принуждал; не настаивал и муж. Но хотя и много времени прожил он бездетным, однако лучше согласился вовсе не быть отцом, чем опечалить жену. И после всего этого, что говорит Сарра? «Господь пусть будет судьей между мною и между тобою» (Быт. 16:5). Если бы кто был другой (на месте Авраама), разве не пришел бы в гнев? Разве не поднял бы он рук и не сказал бы, например, так: что ты говоришь? Я не хотел иметь связи с этой женщиной, все произошло от тебя самой, – и ты еще упрекаешь меня? Но Авраам не сказал ничего подобного, – а что? «Вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно» (Быт. 16:6). Выдал общницу ложа, чтобы не опечалить Сары. А ничто не может быть столь сильной причиной расположенности. В самом деле, если общение в трапезе производит то, что разбойники бывают расположены к своим врагам, и Псалмопевец говорит: «который вместе со мною наслаждался пищею» (Пс. 54:15)<sup>3</sup>, то тем более способно привязать единение плоти, – а это и есть общение ложа. Но ничто подобное не могло поколебать праведника: он выдал ее жене, показывая, что все случилось не по его вине, и, что особенно важно, отпустил ее беременной. Кто не сжалился бы над той, которая зачала от него ребенка? Но праведник не поколебался, потому что любовь к жене предпочитал всему.

7. Будем и мы подражать ему. Пусть никто не упрекает ближнего в бедности, пусть никто не будет привязан к деньгам, и – все будет решено. Пусть не говорит жена мужу: о, ты малодушный и робкий, неповоротливый, трус и сонливый! Вот такой-то и незначительный человек, низкого происхождения, но он презирал опасности, предпринимал странствования, и за то

приобрел большое имение, теперь жена его ходит в золоте, выезжает в повозке, запряженной белыми мулами, везде принимается, имеет толпы слуг и множество евнухов; а ты прячешься от страха и живешь понапрасну. Пусть жена не говорит этого и ничего подобного, потому что она – тело, долг ее не управлять главой, но слушаться и повиноваться. Но как можно, скажут, перенести бедность? Откуда почерпнуть утешение? Пусть в таком случае она представит себе тех, которые гораздо беднее ее; пусть вспомнит, сколько почтенных и благородных девиц не только ничего не получили от своих мужей, но передали им и израсходовали на них все свое имущество; пусть подумает о беспокойствах, происходящих от таких богатств, и довольствуется жизнью безмятежной. Вообще, если она искренно расположена к мужу, то ничего такого не скажет, и лучше будет желать иметь его при себе, хотя бы он ничего не приобретал, чем, если бы он приобрел тысячи талантов золота, но жить вдали от него с печалью и заботой, которые всегда бывают у женщин вследствие долгой разлуки. Но и муж, который слышит это, как имеющий власть, пусть не прибегает к брани и ударам, но пусть увещевает, уговаривает, убеждает ее, как менее основательную в суждениях, но отнюдь не налагает рук, – это неприлично душе свободной, – не употребляет ни брани, ни упреков, ни поношения, но пусть руководит ею, как менее разумной. Но как это может быть? Когда узнает истинное богатство и ознакомится с высшим любомудрием, то ни в чем таком не провинится. Пусть он научит ее, что бедность вовсе не есть зло; пусть научит не словами только, но и образом действий; пусть научит ее пренебрегать славой, – и жена ничего подобного не скажет и не пожелает. Как получивший драгоценное сокровище, он с самого того вечера, как введет ее в спальню, должен учить ее целомудрию, кротости, чтобы она жила честно и с самого начала и при первом входе в его дом покинула любовь к деньгам; пусть наставляет ее в любомудрии и увещевает, чтобы не было у нее золотых подвесок в ушах, над щеками и на шее, чтобы не было их в ее комнате, чтобы не лежали там золотые и многоценные одежды, – чтобы были на ней украшения изящные,

однако ж, не такие, которых изящество предосудительно. Оставивши то, что свойственно играющим на сцене, укрась дом с большим благоприличием, чтобы он был полон лучше целомудрия, чем какого-либо благовония. От этого произойдут два или три блага. Первое – не будет печалиться невеста оттого, что, растворивши брачный чертог, каждому станут показывать одежды, и золотые и серебряные сосуды. Второе – жених не будет беспокоиться о покраже и о сохранении того, что там собрано. А еще третье, главное благо – то, что во всем этом он покажет свое настроение, именно, что он не восхищается ничем этим, что он уничтожит и все прочее, и что никогда не дозволит быть у себя пляскам и бесстыдным песням. Знаю, что, предписывая такие правила, я кажусь, может быть, кому-нибудь смешным. Но если поверите мне, то, по прошествии времени, когда сами увидите от этого пользу, вы поймете выгоду, и смех кончится; вы станете смеяться уже над нынешними обычаями, увидите, что нынешние обычаи свойственны только неразумным детям и людям пьяным; а то, к чему убеждаю я, исполнено целомудрия и любомудрия и свойственно высшему образу жизни.

Что же, говорю я, нужно? Изгони с брака все постыдные сатанинские песни, неблагопристойные припевы, сходбища бесстыдных юношей, – и это будет весьма назидательно для невесты. Тотчас она скажет сама себе: о, какой это муж! Он человек любомудрый; эту жизнь он считает за ничто; он ввел меня в дом свой для рождения и воспитания детей, для ухода за домом. Но это будет неприятно невесте? Может быть, один или два дня, но никак не далее; она почувствует величайшее удовольствие оттого, что ей не будет никакого повода к подозрению. Ведь тот, кто даже во время брака не допустил ни музыки, ни танцев, ни безобразных песен, тем более в другое время не позволит себе сделать или сказать что-либо постыдное, после же того, когда все это ты удалишь с брака, в отношении к самой невесте води себя благопристойно, будь скромен в течение долгого времени и не скоро переставай быть таким. Хотя бы девица была и не так застенчива, но она сумеет себя сдерживать до времени, из уважения к мужу и по новости

дела. Итак, не вскоре теряй эту скромность, как это делают люди бесстыдные, но храни ее долго. Это тебе принесет большую пользу; да и невеста твоя не обвинит тебя за это, не станет жаловаться на такое твое поведение.

8. Итак, во все то время, пока стыд, как некая узда, наложенная на душу, не допускает никакого укора или упрека за твое поведение, – во все это время предлагай своей жене правила жизни. Если же (вместо этого стыда) будет дерзость, тогда не будет никакого опасения, и во всем может произойти беспорядок и замешательство. Поистине нет столь удобного времени для образования жены как то, когда она еще осторожна с мужем, боится его и стыдится. Тогда-то и должно излагать ей все правила, и она, волей или неволей, всему будет покорна. Но каким образом, спросят, сохранить эту стыдливость? Если ты будешь казаться стыдливым не менее ее, мало будешь говорить с ней, и то с большой важностью и рассудительностью. Тогда ты предлагай ей словалюбомудрия, потому что тогда их принимает душа; тогда приводи и ее в наилучшее состояние, т.е. в состояние скромности. Если хотите, то я для примера скажу, о чем нужно с ней разговаривать. Ведь если Павел не усомнился сказать: «Не уклоняйтесь друг от друга» (1Кор. 7:5), и высказал слова, произносимые обыкновенно женщиной, приставленной к невесте, или лучше, не ее слова, но духовной души, – то тем более не усомнимся сказать мы. Итак, что же нужно говорить ей? С великой любовью нужно говорить ей: мы взяли тебя, детушка, в спутницы жизни и сделали тебя своей общницей в том, что всего честнее и необходимее, в деторождении и управлении домом. О чем же нам просить тебя? Впрочем, лучше, если прежде этого ты поговоришь с ней о любви, потому что ничто так не способствует к убеждению слушателя в том, чтобы он принял слова наши, как уверенность его, что они говорятся с великой любовью. Как же тебе выразить свою любовь? Если скажешь: многих можно было мне взять, и богаче тебя, и знатного рода, но я не взял их, а полюбил тебя, твой образ жизни, твою кротость, скромность, целомудрие. Потом от этого тотчас старайся повести речь о любомудрии и нападай на богатство, но с некоторой осторожностью, потому что, если

поведешь речь прямо против богатства, то покажешься слишком суровым. Но если воспользуешься поводом, то покончишь все, потому что будет казаться, что ты делаешь это в виде защиты, а не как какой-нибудь человек жестокий, неприятный и придирчивый; а если она подаст тебе повод, и ты им воспользуешься, то она даже порадуетя. Итак, говори (необходимо опять повторить сказанное), что, хотя бы я мог взять за себя с состоянием и богатую, но я не захотел этого. Почему? Не просто и не без рассуждения, но потому, что я хорошо научен, что богатство не есть какое-либо приобретение, но вещь достойная презрения, которая есть и у разбойников, и у блудниц, и у гробокопателей.

Поэтому, оставив его, я пошел к твоей душевной добродетели, которую предпочитаю всему золоту. Благоразумная и благородная молодая девушка, ревнующая при том о благочестии, (в моих глазах) стоит целой вселенной. Потому-то я и привязался к тебе и люблю, и считаю тебя дороже души моей. Настоящая жизнь ничего не значит, и я прошу, и умоляю, и всячески стараюсь сподобиться нам так устроить настоящую свою жизнь, чтобы можно было и там, в будущем веке, совершенно безбоязненно встретиться друг с другом. Настоящее время коротко и ненадежно; если же сподобимся перейти эту жизнь, благоугодив Богу, то будем пребывать вечно и с Христом и друг с другом в великой радости. Я всему предпочитаю твою любовь, и ничто не может быть для меня так тяжело, как когда-нибудь разлучиться с тобою. Хотя бы мне предстояло все потерять, сделаться беднее Ира, подвергнуться величайшим несчастиям, словом – потерпеть что бы то ни было, я ничего не уstraшусь, все перенесу, пока будет продолжаться твоя расположенность ко мне; и дети для меня лишь тогда будут вожделенны, когда ты будешь искренно расположена к нам. Так тебе будет нужно сделать. Потом вставь и апостольские слова о том, какого тесного единения и благомыслия требует от нас Бог. Скажи ей: послушай, что говорит Писание: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей». Пусть же не будет у нас никакого повода к неудовольствию. Пусть и деньги, и

множество слуг, и внешние почести имеют свое значение; но для меня это (семейное согласие) всего дороже. Не будут ли такие слова убедительнее для жены, чем изобилие золота или сокровищ? Не бойся, что возлюбленная твоя когда-нибудь изменит тебе; смело признайся, что ты ее любишь. Публичные женщины, которые сегодня выражают страсть к одним, а завтра к другим, справедливо восстают на своих любовников, когда слышат от них такие речи. Но свободная женщина и благородная девушка никогда не разгневается по поводу таких слов, а скорее – будет убеждена ими. Показывай, что ты дорого ценишь ее общество и предпочитаешь быть для нее дома, а не на площади; предпочитай также ее всем друзьям и детям, родившимся от нее: и их люби из-за нее. Если она сделает что-нибудь хорошо, хвали и удивляйся; если же – что-нибудь неуместное и свойственное молодости, убеждай и увещевай. Всячески нападай на богатство и расточительность; указывай ей украшение в скромности и честности, и постоянно учи тому, что нужно.

9. Молитвы у вас пусть будут общие; каждый пусть ходит в церковь, и муж пусть спрашивает на дому у жены отчет в том, что там говорилось и читалось, а она – у мужа. Когда постигнет бедность, припомни святых мужей – Павла, Петра, которые прославились более всех царей и богачей, а жили как? – в голоде и жажде. Учи свою жену, что ничто так не страшно в жизни, как оскорбить Бога. Если кто женится, так и для этой цели, то он не многим меньше монахов, и женившийся – не женившихся. Если же хочешь сделать обед или устроить пиршество, то не зови никого бесчестного, никого неприличного, но если найдешь какого-нибудь святого бедняка, который может благословить дом ваш, может, ступя к вам ногою, принести всякое благословение Божье; призови его. Скажу еще нечто другое. Никто из вас пусть не старается жениться на такой, которая богаче вас, но лучше на такой, которая беднее. Вошедши с деньгами, она принесет не столько удовольствия, сколько скорби своими упреками, своими излишними требованиями, своей бранью, расточительностью, грубостью. Она, может быть, будет говорить: ты еще ничего не истратил на

меня; я одеваюсь на свои деньги, которыми наградили меня родители. Но что ты говоришь, женщина, будто ты одеваешься еще в свое? Что несмысленнее таких слов? Не имеешь своего тела, а имеешь свои деньги? После брака вы уже не две плоти, но сделались «одна плоть», а имений два, а не одно? О, сребролюбие! Оба вы сделались одним человеком, одним живым существом, а ты все говоришь: это мое? От дьявола привнесено это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимее этого, Бог сотворил общим для нас, а это – не общее? Нельзя сказать: мой свет, мое солнце моя вода; все важнейшее – у нас общее, а деньги – не общие? Тысячекратно пусть погибнут деньги, или лучше не деньги, а душевные расположения, которые мешают разумно пользоваться деньгами, и побуждают предпочитать их всему. Между прочим, учи свою жену и этому, только с великой любовью. Так как увещание к добродетели само по себе включает много тягостного, особенно для нежной и молодой девицы, то, когда будут разговоры о любомудрии, придумывай больше ласковых выражений, и в особенности исторгни из души ее понятия: «мое, твое». Если она скажет: мое, то скажи ей: что ты называешь своим? Я не знаю, я не имею ничего своего. Как ты говоришь: мое, когда все твое? Приласкай ее этими словами. Не видишь ли, что мы так поступаем в отношении к детям? Когда дитя схватит что-нибудь, что мы держим, и захочет еще взять что-нибудь другое, мы ему уступаем и говорим: да, это и то твое. Также станем поступать с женой, – так как разум ее скорее детский, – и когда скажет: мое, говори: все твое и я твой. Эти слова – слова не лести, но великого благоразумия. Этим ты можешь угасить гнев ее и потушить досаду. Лесть состоит в том, когда кто поступает неблагородно по злему расположению; а это – величайшее любомудрие. Итак, говори: и я твой, детушка. В этом меня убедил Павел, который сказал: «муж не властен над своим телом, но жена» (1Кор. 7:4). Если же я не имею власти над собственным телом, но – ты, то тем более – над деньгами. Говоря так, ты успокоишь ее, угасишь огонь, посрамишь дьявола, сделаешь ее рабой, покорной более, чем купленная за деньги; этими словами свяжешь ее.

Таким образом, посредством того, что ты говоришь, научи ее никогда не говорить: мое, твое. И не просто зови ее, но с лаской, с честью, с большой любовью. Уважай ее, и она не будет нуждаться в уважении от других, не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим (уважением и одобрением). Предпочитай ее всем, во всех отношениях, и в отношении красоты, и благоразумия, хвали ее. Таким образом, ты убедишь ее не внимать никому постороннему, но пренебрегать всеми чужими. Учи ее страху Божию, и все потечет к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многочисленных благ. Если станем искать нетленного, то придет и это тленное: "Ищите же, – сказано, – прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Каковы будут дети от таких родителей? Каковы слуги у таких господ? Каковы все приближенные к ним? Не будут ли и они исполнены бесчисленных благ? Ведь и слуги, по большей части, воспринимают обычаи своих господ и подражают их стремлениям: то же любят, что и они; говорят о том, что узнали от них; тем же и занимаются. Итак, если подобным образом будем направлять самих себя и внимать Писанию, то многому от него научимся, и через это сможем угодить Богу, и всю настоящую жизнь провести в добродетели, и получить блага, обещанные любящим Его, которых да сподобимся все мы благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 21

Еф.6:1–3. Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего *требует* справедливость.

Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием:

да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле.

Пороки при царском дворе. – Восхваление монаха Юлиана.  
– При каких условиях богатство наносит вред.

1. Как художники, изображая тела, начинают с головы, потом переходят к шее, и наконец к ногам, – точно так поступает блаженный Павел в своих речах. Сказав прежде о муже, потом о жене, второй власти, наконец последовательно приступает к третьей, – говорит о детях, – потому что над женой господствует муж, а над детьми муж и жена. Итак, слушай, что он говорит: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе,.. это первая заповедь с обетованием». Здесь не беседует ни о Христе, ни о (других) возвышенных предметах, потому что умы, к которым обращает свою речь, еще нежны; поэтому же и увещание делает краткое, так как дети не могут следить за длинным словом. По этой же причине и о царствии (Божьем) не говорит, – не такому возрасту слушать об этом, – но чего больше всего и особенно желает слышать младенческая душа, о том и говорит, именно, что она будет долголетна. Если же кто станет доискиваться, отчего (апостол) не говорит детям о царствии, а предлагает заповедь из закона (Моисеева), – тем мы скажем, что (он поступил так с ними потому, что) они еще очень молоды, и потому еще, что весьма хорошо понимал, что если муж и жена верны будут тому закону, который он им изложил, то для них не будет стоять большего труда подчинить и детей тому же закону. Когда дело получает доброе начало и имеет верное и прочное основание, тогда оно идет и направляется весьма легко. Но положить основание и поставить опору – в этом-то и заключается немаловажная трудность. "Дети, – говорит он, – повинуйтесь своим родителям в Господе», т. е. по воле Господа, – Бог, говорит, повелел так. Но как

поступать, если бы приказания были непристойные? Правда, едва ли какой-нибудь отец, даже самый бесчестный, станет приказывать своим детям что-либо непристойное. Однако ж и для подобного случая (апостол) дает наставление, сказав: "в Господе", т. е. так, чтобы (исполнением воли родителей) тебе не оскорбить Бога. Например, если отец будет язычник, или еретик, то уже не следует слушаться его, потому что это не "в Господе".

Но в каком смысле сказано: «это первая заповедь»? Первыми следовало бы назвать: «Не убей, не прелюбодействуй». (Апостол) называет эту заповедь первой не в отношении к порядку, а в отношении к обетованию. Одни заповеди, как направленные против зла и в отвращение зла, не соединены с наградой, а к другим, как руководящим к совершению добра, прилагается и обетование. Заметь, какое удивительное основание для добродетели полагает (апостол), – и справедливо, – в почитании и уважении родителей! Запретив худые поступки и намереваясь приступить (к учению) о добрых делах, он заповедует, прежде всего, почтение к родителям, так как они для нас после Бога главные виновники жизни; поэтому справедливо они же первые имеют право вкусить от нас добрых (плодов), а потом и все прочие люди. Если же кто непочтителен к родителям, тот будет ли когда-нибудь таковым в отношении к сторонним лицам?

Сделав увещание, какое нужно было, детям, (апостол) переходит к отцам, говоря: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф.6:4). Не сказал: любите их; к этому влечет их, хотя бы они этого не хотели, самая природа, а потому излишне было полагать закон касательно этого предмета. Но что говорит? «не раздражайте детей ваших», как это делают многие родители, лишая детей своих наследства, оставляя их без призрения, обращаясь с ними жестоко, как с рабами, а не как со свободными. Поэтому говорит: «не раздражайте детей ваших». Затем, что самое главное, указывает, как сделать их послушными, и говорит, что это всецело зависит от главы и начальника. Как причину послушания жены он указал в ее муже, с которым потому и говорит о многом, умоляя его, между

прочим, привлекать к себе жену силою любви, так и в настоящем случае в нем же полагает причину (послушания детей), когда говорит: «но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Видишь ли, что, когда есть духовное (добро), за ним явится и плотское? Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его «в учении и наставлении Господнем». Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: «Почитай отца твоего и мать» – слова, направленные к твоей пользе. Не говори: это (слушание Писаний) дело монахов; ужели мне сделать его монахом? Нет надобности быть ему монахом! Что это в тебе за страх, – боишься того, что преисполнено многих выгод? Сделай его христианином. И мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся здесь (в Писании), а особенно детям. Дети в этом возрасте многого не знают, к незнанию же присоединяется еще то, что они узнают нечто из сочинений языческих, изучая в них жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и боялись смерти, каков, например, Ахиллес, безутешный и умирающий за наложницу, или другой, предающийся пьянству, и прочее в этом роде. Итак, он (сын твой) нуждается в этих лекарствах.

2. Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их для этого в училище, ничего не жалеть для этого, а о воспитании их «в учении и наставлении Господнем» не заботиться? Сами же мы первые и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержанными, непослушными, развратными. Не будем же поступать таким образом и послушаем увещания блаженного (Павла): станем воспитывать их «в учении и наставлении Господнем», подадим им пример, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Писаний. Увы! Я постоянно говорю это, только, мне думается, понапрасну. Но, при всем том, я не перестану исполнять свой долг. Отчего, скажите мне, вы не подражаете древним? Особенно вы, женщины, должны бы ревновать дивным древним женам. Родилось у тебя дитя, – подражай Анне. Послушай, как поступила она: она тотчас привела его в

храм. Кто из вас не пожелал бы, чтобы его сын лучше был однажды Самуилом, чем тысячу раз царем всей вселенной? Скажете: как это можно? А почему же невозможно? Потому только невозможно, что ты не желаешь и не поручаешь его Тому, кто может сделать его таковым. Кто же, спросите, может это сделать? Бог. Потому она (Анна) Ему и поручила (своего сына) (1Цар.1). Сам Илий не очень был способен к тому, чтобы образовать его; да и как он мог это сделать, когда не в силах был (управиться) со своими собственными детьми? Но вера женщины и ее усердие всего достигли. Родив первенца, одного, и еще не зная, будут ли у нее другие дети, она не говорила: подожду; вот вырастет ребенок; пусть насладится жизнью; позволю ему у себя провести отроческие годы. Нисколько не думая об этом, она помышляет об одном, как бы посвятить от начатков этот образ духовный Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого Любомудрия женщины: она представила его Богу, и там его оставила. Это прославило и супружеский союз ее, потому что, принеся первый плод (Богу, она этим показала, что) искала, прежде всего, духовного; поэтому-то и чрево ее сделалось благоплодным, и она имела потом других детей; поэтому же она видела, каким почетом в мире пользовался (сын ее). Если и люди за почтение платят почтением, то не гораздо ли более Бог, Который впрочем нередко делает это, и не будучи сам почитаем? Доколь же мы будем оставаться плотскими? Доколь будем пресмыкаться по земле? Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их «в учении и наставлении Господнем».

Кто, прежде всего, научится быть Любомудрым, тот через это приобретет богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему искусство и внешнее знание, посредством которых он станет приобретать деньги, как научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат не тот, кто нуждается в большом имуществе и владеет многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; в этом – величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его

известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому и бедному; этому научаются не от учителей и не при пособии наук, а из Божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой. Давай ему великое, а не малое. Внимай словам Павла: «воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Не ритором старайся сделать его, но научи его любомудрствовать. Если он не будет ритором, отсюда не произойдет еще никакого вреда; а при отсутствии любомудрия, самое обильное риторство не принесет никакой пользы. Нужно благоповедение, а не остроумие, нравственность, а не сила речи, дела, а не слова: вот что доставляет царство, дарует действительные блага. Не язык изощрай, но душу очищай. Говорю это не с тем, чтобы запретить образование, но – чтобы не привязывались к нему исключительно. Не думай, будто одним монахам нужны наставления от Писаний; весьма многие из этих наставлений потребны и для тех детей, которые должны вступить в эту (мирскую) жизнь. Как при снаряжении корабля нужен бывает кормчий и полное число пловцов не тому, кто всегда стоит на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходством, точно то же (должно сказать) и относительно монаха и мирского человека. Первый, как бы находясь на необуреваемой Пристани, проводит жизнь беззаботную и огражденную от всякого волнения; а последний постоянно обуревается и плывет среди моря, сражаясь со множеством треволнений. Хотя бы он сам (мирской человек) и не имел нужды (в наставлении), но ему оно может быть нужно, чтобы, если случится, он был в состоянии заградить уста других.

3. Поэтому, кто, чем большим пользуется почетом в настоящей жизни, тем более, нужно для него такое образование. Вращается ли кто в царском дворце, – там много эллинов, философов, людей надутых временной славой, – здесь точно место, наполненное страдающими водянкой. Таков именно царский двор. Там все напыщены и надуты, а кто нет, те

стараятся сделаться такими. Каково же, подумай, если сын твой, вступивши туда, входит, как самый лучший врач, с инструментами, которые в состоянии укротить надменность каждого, подходит к каждому и разговаривает, врачует больное тело, прикладывает лекарство из Писаний, расточает любомудрые речи. Инок с кем будет говорить? Со стеной (своей кельи) или с кровлей? С пустыней или дебрями? С горами или деревьями? Итак, для него не очень необходимо подобное учение; несмотря на то, он старается усовершенствовать себя в нем, не с тем, чтобы других наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущих в этой (мирской) жизни, то им весьма нужно такое учение, потому что мирскому человеку более представляется соблазнов к греху, нежели монаху. И, если тебе угодно, знай, что он (с таким образованием) и в свете будет самым приятным человеком. Все станут уважать его за такие речи, когда увидят, что он не вспыльчив и не домогается власти; впрочем, он получит власть и не домогаясь ее, и у царя будет в большом почете. Ведь такому нельзя укрыться: здоровый среди множества здоровых может остаться незамеченным; но если между множеством больных найдется один здоровый, то слух о нем скоро достигнет ушей царских, и ему будет поручено начальство над многими народами. Зная это, «воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». А если кто-нибудь беден? Пусть останется бедным. Что он не будет находиться при дворе, этим он несколько не будет ниже того, кто служит при дворе; напротив может сделаться предметом удивления, и скоро получить власть, какую ему угодно, а не ту, какая достается по назначению. Если эллины, люди, стоящие не более трех оболов, циники (κύνες – собаки), принявши такую же, стоящую не более трех оболов, философию (подлинно такова эллинская философия), или вернее – не самую философию, а только ее имя, облекшись в мантию и отрастивши волосы, посрамляют многих, – то не к большему ли способен истинный философ. Если ложная личина, только кажущаяся тень философии так возвышает, то что, когда мы любим истинную светлую философию? Не все ли станут уважать ее? Не поручать ли таким (философам), без всякого опасения, и дома, и жен, и

детей? Но нет, нет ныне таких философов! А потому нельзя найти и примера. Есть, впрочем, между монахами, между мирянами же нет. Что между монахами находятся такие примеры, в доказательство можно привести многих; но я укажу на одного из многих.

Вероятно, вы знаете, слышали, а некоторые, конечно, и видали человека, о котором я намерен говорить теперь: я разумею дивного Юлиана. Это был человек простого звания, смиренный; родился он в незнатном месте и вовсе несведущ был в светской мудрости, но преисполнен истинного любомудрия. Когда он являлся в городе, – что случалось редко, – то около него столько стекалось народа, что ни около риторов, ни около софистов, ни около другого кого не бывало подобного стечения. Что же сказать об этом? Не более ли всех царей прославляется имя его и поныне? Итак, если столько (возвышены истинные любомудры) в этом мире, где Владыка не обещал нам никакого блага, – в мире, в котором, по Его словам, мы чужие, – то размыслим, какие блага уготованы для них на небесах? Если здесь, где они пришельцы, такая им честь, то какой славой они будут наслаждаться там, где они – граждане? Если здесь, где обещана скорбь, таков им почет, то каково будет успокоение их там, где общаются действительные почести? Хотите ли, чтобы мы указали и на (любомудрствующих) мирян? Но теперь их нет у нас. Правда, и между мирянами есть люди благоговейные, но они не восходят на высоту любомудрия. А потому, представлю вам примеры из древних святых. Сколь многие из тех, которые имели жен и воспитывали детей, были ничуть не хуже, повторяю, ничуть не хуже упомянутых нами! Но теперь их уже нет, вследствие наступившей нужды, как говорит этот блаженный. О ком же, хотите, чтобы я вам сказал? О Ное, или об Аврааме? О сыне последнего, или о сыне первого? Или об Иосифе? Или вы хотите послушать о пророках – Моисее, или Исаии?

4. Но, если угодно, остановим слово на Аврааме, на которого особенно все указывают нам постоянно. Не имел ли он жены? Не было ли у него детей? Скажу вам и сам то же самое, что вы говорите нам. Он имел жену, но не это сделало его

знаменитым, что у него была жена. Имел богатство, но не через богатство сделался угодным Богу. Родил детей, но и не за то был ублажаем, что имел детей. Приобрел триста восемнадцать домочадцев, но и не поэтому сделался предметом удивления. Хочешь ли знать, что (его прославило)? То, что он любил странников, презирал богатство, был скромн. Скажи мне, какое свойство философа? Не презирать ли богатство и славу? Не стоять ли выше зависти и всякой страсти? Теперь поставим на средину Авраама, разоблачим его и посмотрим, каков он был философ? Во-первых, он не дорожил отечеством: "пойди, – сказал ему (Господь), – из земли твоей, от родства твоего» (Быт. 12:1), – и он тотчас вышел. Его не удержал в этом случае ни родительский дом, ни узы дружбы, и ничто другое, – иначе он бы не вышел. Потом, он нисколько не дорожил ни славой, ни богатством; так, когда на войне он обратил в бегство неприятелей, и ему предлагали взять добычу, он с презрением отверг ее. Равным образом и сын его не через богатство свое сделался достойным удивления, но за страннoлюбие, не потому, что имел детей, но потому, что был послушен, и не потому, что имел жену, а потому, что жена его была неплодная. (Оба они, Авраам и Исаак) считали за ничто настоящую жизнь, не искали богатства и всем пренебрегали. Скажи мне, какие из растений самые лучшие? Не те ли, которые сами в себе содержат силу, и ни от дождя, ни от града, ни от стремления ветров, ни от других каких-нибудь подобных причин не терпят вреда, но стоят открыто, и не имея нужды ни в кровле, ни в ограждении, как бы все презирают? Таков истинный философ, таково его богатство! Он ничего не имеет, и все имеет; все имеет, и ничего у него нет. Стена не внутри, а извне, и ограда не от природы, а отвне воздвигается. Еще, скажи мне также, какое тело бывает особенно крепко? То ли, которое здорово, которое удобно переносит голод, не требует пресыщения, не терпит от стужи, равно как и от жара, – или то, которое неспособно переносить всего этого, и, кроме того, для своего здоровья нуждается в поварях, ткачах, охотниках и врачах? Подлинно, только истинный философ, который не нуждается ни в чем подобном, есть богач. Поэтому-то блаженный (Павел) и говорил:

«воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Итак, не во внешних благах ищите ограждения (для детей своих): в этом богатство, в этом слава. Когда (временная слава и богатство) пройдут, – а они непостоянны, – то (люди, обладавшие ими) бывают подобны беспомощному, поврежденному растению, которое не только не приносило никакой прибыли в прошедшем, но еще производило убыток. Так защита, которая должна была ограждать от стремления ветров, теперь вдруг произвела падение.

Значит, богатство скорее вредит, если делает нас неподготовленными к перенесению превратностей жизни. Итак, образуем детей так, чтобы они могли переносить все, и знали, как должно поступать среди несчастий, воспитаем их «в учении и наставлении Господнем», – и нам воздастся великая награда. В самом деле, если люди, делающие изваяния царей и пишущие их портреты, пользуются большим почетом, то мы, которые украшаем образ Царя небесного (потому что человек есть образ Божий), не будем ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что восстанавливаем Божье подобие? Именно с этим может сравниться добродетель души, когда научим детей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодеяния, человеколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставим их не дорожить земными благами. Итак, образовать и упорядочить себя и их – вот наша обязанность! Иначе, как мы дерзнем предстать престолу Христову? Ежели тот, у кого дети необузданны, недостойн епископства, то тем более (он недостойн) царства небесного. Но что ты говоришь? Ужели, если наши жены и дети будут беспорядочны, то мы будем подлежать за них ответу? Да, если (это случится) от непринятия нами строгих мер, потому что для спасения недостаточно нам собственной добродетели. Если не употребивший в дело одного таланта не только не получил никакой награды, но еще наказывается известным образом, то ясно, что собственной добродетели недостаточно для спасения, а требуется еще (добродетель) другого. Итак, позаботимся о женах, будем особенно предусмотрительны в отношении к детям, домашним

и к себе самим; когда же начнем приводить в порядок и себя и их, то станем молить Бога, чтобы Он помог нам в трудах наших. И Он поможет, когда увидит, что мы об этом стараемся, к этому прилагаем свои заботы; если же мы ничем не заняты, то и Он не подаст нам Своей помощи. Ведь не тогда Бог дарует нам помощь, когда мы спим, но когда и сами мы трудимся. Помощник помогает не праздному, а тому, кто и сам работает. Впрочем, благой Бог силен сам Собою совершить дело, чтобы все мы сподобились наследовать обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

## Беседа 22

Еф.6:5–8. Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный.

Об обязанностях слуг. – Разделение на господ и рабов произошло вследствие греха. – Греховные деяния в Писании называются иногда миром. – Богатство и почести составляют оружие дьявола.

1. Итак, не муж только, не жена, не дети, но и слуги со своими добродетелями входят в состав дома и обуславливают его благоустройство. Поэтому блаженный Павел и этой части не оставил без внимания, но напоследок приступает к ней, так как и по достоинству она занимает последнее место. И с ними (рабами) много рассуждает он, и уже не как с детьми, но гораздо возвышеннее. Он не дает им здесь обетования, а указывает на последствия: "зная, – говорит он, – что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал». Учит даже любуемудрствовать, потому что хотя они по достоинству ниже детей, но смысла имеют больше их. "Рабы, – говорит он, – повинуйтесь господам своим по плоти». Тотчас ободрил опечаленную душу, тотчас утешил ее. Не скорби, как бы так он говорит, что твоя доля ниже положения жены и детей: это рабство только по имени, и господство по плоти, следовательно, господство временное и непродолжительное, потому что все плотское скоропреходяще. «Со страхом, – говорит, – и трепетом». Видишь ли, что неодинакового страха требует от жены и от рабов. Там просто сказал: «жена да боится своего мужа» (Еф.5:33), а здесь, усиливая речь, говорит: «со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу». Часто он повторяет это. Но что говоришь ты, блаженный Павел? Он (раб) – брат (своему господину); он получил одинаковые с

ним блага, одинаковое тело, а что всего важнее – сделался братом не только своего господина, но самого Сына Божьего, наслаждается равными с ним благами, и ты говоришь: «повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом»? Но поэтому-то я и говорю так, отвечает (апостол). Если свободным повелеваю подчиняться друг другу ради страха Божьего, как выше сказано: «повинуйся друг другу в страхе Божьем» (Еф.5:21), если жене приказываю бояться своего мужа, хотя она имеет равную с ним честь, то тем более слуге. В этом нет бесчестия, напротив, это высокое благородство – уметь унижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободным с большим страхом и трепетом. «В простоте сердца», – говорит. Хорошо сказано, так как можно служить со страхом и трепетом, однако ж, не с добрым расположением, но кое-как. Есть много таких, которые втайне весьма много делают зла господам своим. Такое-то худое поведение (апостол) и старается устранить, говоря: «в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам». Видишь ли, как много требовал (Павел), когда внушал добро словами: «с благоразумием и от души»?

Мы видим, что многие служат своим господам «со страхом и трепетом», и к этому много побуждает строгость господина. Но покажи, говорит он, что ты служишь как раб Христов, а не как раб человека; сделай так, чтобы (твои служебные занятия) были у тебя добродетелью, а не следствием необходимости. Как того, кто терпит обиды от другого, (Христос) убеждает и научает, как увидим ниже, принимать обиду, как благо для себя, и терпеть ее по собственному изволению, точно так же и рабов (учит апостол). Ударивший в ланиту решился на такой поступок не по мыслям того, кого он ударил, а по собственной злобе, – и, однако ж, что сказано? «Обрати к нему и другую» (Мф. 5:39), чтобы ты мог показать, что и первая не против воли тобой подставлена. Решившийся потерпеть лишний раз удар, обратил и то, что было не его делом, в свое дело, когда дал поразить и другую ланиту, а не ограничился одним перенесением обиды:

последнее, пожалуй, можно счесть за следствие страха, но в первом много Любомудрия. Итак, ты показал бы (тогда), что перенес это ради Любомудрия. Так и теперь, ты покажи в свою очередь, что несешь это рабство добровольно, а не как человекоугодник. Человекоугодник – не раб Христов, и раб Христов – не человекоугодник. Кто в самом деле, будучи рабом Божиим, захочет угождать людям? Напротив, кто, угождая людям, может быть рабом Божиим? "От души, – говорит, – служа с усердием». Хорошо это сказано, так как можно служить в простоте и без злобы, однако ж, не всеми силами, а только выполняя долг. Поэтому говорит: по усердию, а не по необходимости, по доброй воле, а не по принуждению. Если будешь служить, таким образом, именно: по доброй воле, с благоразумием, от души, ради Христа, – то ты не раб. Такое рабство несет и Павел, человек свободный, когда, взывая, говорит: «Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса» (2Кор.4:5).

2. Видишь ли, как у твоего рабства отнимается бесчестие? Подобно тому, как если бы какой-нибудь человек, после того, как у него отняты деньги, прибавил бы еще от себя своему похитителю, не может почитаться обнищавшим, но достаточным, не может быть причислен к потерпевшим зло, но к делающим добро, и таким благодеянием он покрыл бы (своего грабителя) еще большим позором, нежели какой он навлек на себя своим грабительством, – так точно и в настоящем случае: если раб в самых изнурительных трудах ведет себя великодушно, показывая, что он не чувствует насилия, то от этого больший стыд для его господина. Итак, будем служить господам ради Христа. "Зная, – говорит (апостол), – что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный». Так как, вероятно, между господами было много неверующих, которым этот стыд был неизвестен, и которые потому не воздавали своим слугам за послушание, то вот (апостол) утешает рабов, чтобы они не отчаивались в воздаянии, но ободряли себя (ожиданием высшей) награды. Как люди благодетельствованные, и не воздающие благодарности своим благодетелям, тем самым обязывают воздавать им за

себя самого Бога, так точно и господа, пользующиеся твоими услугами, если не награждают тебя, то тем самым доставляют тебе большую награду, делая должником твоим Бога. «И вы, господа, – говорит, – поступайте с ними так же» (Еф.6:9). Что такое – "так же"? Благосклонно служите. Хотя (апостол) не сказал: «Служите», но словом: "так же" он выразил эту мысль, потому что и господин служит. «Не как человекоугодники, – говорит, – ...со страхом и трепетом», т. е. со страхом Божьим, опасаясь, как бы когда-нибудь Он не осудил нас за нерадение о рабах. «Умеряя строгость». Не будьте, говорит, жестокими и строптивыми. «зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь» (Еф.6:9). Увы! Какой намек! Как сильно устрасил! Т. е.: «Какой мерой меришь, отмерится и тебе». Чтобы тебе не услышать: «злой раб! весь долг тот я простил тебе» (Мф.18:32). «У Которого нет лицеприятия» (Еф.6:9). Не подумай, говорит, что за обиду, причиняемую рабу, (Бог) простит потому, что она причинена рабу. Внешние законы, как законы человеческие, допускают еще различие по происхождению, но закон общего Владыки не знает никакого различия, так как благодетельствует всем вообще и наделяет всех одним и тем же.

А если кто станет спрашивать: откуда же рабство, и зачем оно явилось в жизни человеческой, – как многие, я знаю, с любопытством спрашивают об этом, и желают знать это, – то я вам скажу: от любостяжания произошло рабство, а также от зависти, от ненасытной алчности. Ной не имел рабов, ни Авель, ни Сиф, ни другие после них. Это состояние произвел грех, состоящий в неуважении к родителям. Пусть знают дети, что они достойны быть рабами за непочтение к родителям! (Кто не почитает своих родителей) тот лишается своего благородства, потому что презиравший отца своего более уже не сын его. Если же презиравший (земного) родителя уже перестает быть его сыном, то как останется сыном Отца нашего (небесного) тот, кто Его презирает? Он исключен из благородного сословия, он оскорбил свою природу. Потом (появлению рабского состояния) способствовали войны, сражения, где стали брать пленных. Но, скажут, и Авраам имел рабов? Да, имел; но известно, что он

обращался с ними не так, как с рабами. Так (апостол) все направляет к главе: жену, чтобы муж, как сказано, любил ее, – детей, чтобы воспитывал их «в учении и наставлении Господнем» (Еф.6:4), – рабов, «зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь». Этим как бы так говорит: так как и сами вы тоже рабы, то будьте человеколюбивы и снисходительны. Далее, если вам угодно будет выслушать, мы и о слугах скажем то же самое, что прежде сказали о детях: учите их быть благоговейными, и они сделаются такими. Но ныне иной, отправляясь в театр или идя в баню, тащит с собою туда же и всех детей, а в церковь не берет их, – не заставляет их ходить туда, чтоб слушать христианское учение. Как же раб услышит, когда ты, господин, прислушиваешься совсем к другому? Ты приобрел, купил раба? Приказывай ему прежде всего жить по воле Божьей, чтобы он был кроток в отношении к своим товарищам, чтобы особенно заботился о добродетели. Дом каждого есть как бы город, и каждый хозяин есть начальник над собственным домом. Что действительно так, это хорошо видно при взгляде на дом людей богатых, где есть и поля, и управители, и начальники над начальниками. Впрочем, и дом бедного я уподобляю также городу. И здесь есть власти, именно: муж управляет женой, жена – слугами, слуги – своими женами, а мужья и жены – своими детьми. Итак, не представляется ли тебе, что (глава семейства) есть как бы некий царь, у которого находится в подчинении столько начальников? И не следует ли ему быть всех искуснее и опытнее в управлении домом? Кто отлично сведущ в этом деле, тот сумеет выбрать для себя способных начальников, и точно – выберет блистательных. А жена все-таки останется другим царем в доме, хотя без диадемы, и кто умеет избирать этого царя, тот и остальное все хорошо устроит. «Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом» (Еф.6:10). (Апостол) когда намеревается окончить речь, всегда употребляет это выражение.

3. Не хорошо ли я сказал в начале, что дом каждого есть целое войско? Кто поставил всех начальников, тот же в свою очередь вооружает их и ведет на войну. Если никто не похищает

власти у другого, а каждый остается на своем месте, тогда все будет в хорошем состоянии. «Укрепляйтесь, – говорит, – Господом и могуществом силы Его», т. е. в надежде на Него, через Его помощь. Так как он повелел многое и при том должное, то и говорит: не бойтесь, возложите надежду на Господа, и Он все облегчит для вас. «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских» (Еф.6:11). Не сказал: против сражений, против войн, но: «против козней». Враг наш не просто и не открыто воюет с нами, но с коварством. Что такое – козни (μεδωδεία)? Строить козни (μεδωδεῖσαι) значит обольстить и одолеть хитростью: это бывает и в искусствах, и в словах, и в делах, и в борьбе, когда нам случается иметь дела с обманщиками. Скажу для примера: (враг) никогда не предлагает явных грехов, не называет идолослужения, но, по своему коварству, устраивает это иначе, именно: пользуется предлогами, выставляет уважительную причину. Итак, (апостол) уже и этим ободрил воинов и заставил их трезвиться, когда научил и убедил, что у нас борьба с врагом опытным в воинских делах, что эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великой хитростью. Сначала указанием на свойства и многочисленность врага – он побуждает учеников своих к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу (дьяволу), но ободрить их и подвинуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает трезвенности. Если бы он указал им только на силу врагов и на этом и остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их. Чем более мы разъясняем своим сообщникам силу наших неприятелей, тем более побуждаем их к осторожности. «Потому что наша брань, – говорит, – не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф.6:12). Представив им побуждение к особенной бдительности от свойства брани, потом внушает им бодрость указанием предстоящих подвигов. Каким образом? Сказав, что враги сильны, он навел на мысль, что и многого мы от них лишаемся. Чего же? Борьба происходит

в поднебесной, и не из-за денег, не из-за славы, но из-за пленения в рабство. Стало быть, вражда становится непримиримой. Соперничество и борьба бывают сильнее, когда они происходят из-за предметов важных. В поднебесной (ἐν τοῖς ἐπουρανίοις) – это то же, что за (υπερ) небесное. (Враги наши воюют с нами) не для того, чтобы, после победы, чем-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы нас лишить (неба). Так, если бы кто-нибудь сказал: ἡ συνθήκη ἐν τῇ χει (договор заключается в чем-нибудь), то здесь: ἐν (в) соответствовало бы: υπέρ (за) или διὰ (для). Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага, и какая трезвенность происходит от того, что мы узнаем, что действительная опасность предстоит нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, – потому что враг наш старается свергнуть нас с неба. Кого это называет (Павел) «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего»? И какой тьмы? Не ночной ли? Нет, – греховной. Мы были, говорит он, некогда тьмой, – называя так грех в настоящей жизни, потому что он уже больше не будет иметь места ни на небе, ни в грядущем веке.

Миродержателями же называет (дьяволов) не потому, чтобы они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Греховные дела Писание обыкновенно называет миром, например, в изречении Христа: «потому что вы не от мира, как и Я не от мира» (Иоан. 17:14). Разве, в самом деле, (апостолы) были не от мира? Не были ли они облечены плотью? Не принадлежали ли к находящимся в мире? И в другом месте: «мир... Меня ненавидит, а вас не может ненавидеть» (Ин. 7:7): и здесь также миром называет злые действия. Или, быть может, здесь под миром он понимает самих злых людей, потому что демоны на них преимущественно простирают власть свою. «Против начальств, против властей, – говорит, – против духов злобы поднебесных». "Началами" и "властями" называет их, по подобию того, как и между небесными (духами) есть престолы, господства, начала, власти. «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять» (Еф. 6:13).

Днем лютым и этим лукавым веком называет настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих, и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. "И, все, – говорит, – преодолев", – т. е. победив и страсти, и непристойные пожелания, и все, что причиняет нам зло. Не просто употребил: ἐργάσθαι (делать), но: ἡτέρυααβεαί (содевать, совершенно сделать, покончить), так чтобы не только одолеть, но и одолевши стоять; а то случилось, что многие, одержавши победу, тотчас падали. "все, – говорит, – преодолев", а не так, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нет. При том после победы потребна бодрость; иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Когда же мы стоим, то оно не поднимается от падения. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскресает. «Примите всеоружие Божие».

4. Видишь ли, как (апостол) отогнал страх? Если есть возможность одержать победу и стать, то зачем избегаешь борьбы? Стой бодро, по окончании борьбы, и ты – победитель. Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности. «Дабы вы могли, – говорит, – противостать в день злой», – напоминанием о времени побуждает (к бодрствованию). Непродолжительно время, как бы так говорит, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабевать и после победы. В самом деле, если у нас идет война; если против нас составляются такие ополчения; если они состоят из бесплотных начал и миродержителей и духов злобы, – то, скажи мне, как можно предаваться неге? Как можно быть рассеянным? Можно ли победить, не будучи вооруженным? Пусть каждый размышляет об этом всякий день, когда им овладевает гнев, одолевает похоть, когда он пожелает этой изнеженной и беспорядочной жизни. Пусть каждый внимает словам блаженного Павла: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей». Эта война тяжелее войны с врагами видимыми; это борьба чрезвычайно сильная. Подумай, сколько времени он (дьявол) ведет свою борьбу, из-за чего он бьется, – води себя осторожнее. Так,

говорят; но надобно бы было изгнать дьявола из среды себя, и тогда бы все спасались. Это говорят, конечно, какие-нибудь нерадивые, старающиеся отыскать извинение своему нерадению. Тебе, человек, следует быть благодарным за то, что можешь, если захочешь, одолеть такого врага; а ты, напротив, еще досадуешь и говоришь слова, свойственные какому-нибудь беспечному и сонливому воину. Ты, впрочем, если захочешь, можешь понять и причины, почему ты так поступаешь. Но будь осторожен, ограждай себя со всех сторон: не с одним дьяволом у нас брань, но и с его силами. Как же, говорят еще, мы будем бороться со тьмой, – мы, которые сделались светом? Как нам сражаться со злыми духами, когда мы сделались благими? Злоба противоположна добру, и свет отгоняет тьму; если же мы сами стали тьмой, то мы совершенно будем побеждены. Итак, каким же образом мы победим их? Если мы постараемся быть по произволению тем, что они – по природе, т. е., если мы постараемся стать выше плоти и крови; таким образом, мы одолеем их. Так как они (ефесяне), вероятно, гонимы были многими, то не думайте, как бы так говорил (Павел), чтобы те сами по себе воевали против нас. В них действуют демоны: они-то ведут войну, и с ними у нас брань. Всем сказанным производит двоякое действие: и делает их более смелыми в отношении к воюющим на них, и ободряет их дух против врагов. И почему у нас происходит брань с ними? Потому, что мы имеем непобедимого союзника – благодать Духа; потому что мы научены такому искусству, что можем ратоборствовать не с людьми только, но и с демонами.

Впрочем, если мы захотим, то можем и не бороться: брань поскольку брань, поскольку мы ее хотим. Такова именно сила живущего в нас (Св. Духа), согласно словам: «се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью» (Лк. 10:19). Он дал нам всякую власть и бороться и не бороться. Но так как мы ленивы, то и боремся с ними? А что Павел не боролся, об этом послушай его собственных слов: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8:35)? И в другом месте, слушай, что он говорит: «Бог ...сокрушит сатану

под ноги ваши скоро» (Рим. 16:20). Он имел власть (над сатаной), потому и сказал: «именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее» (Деян. 16:18). Но это уже не значит бороться; кто борется, тот еще не одержал победы, и кто победил врага, тот уже не ведет борьбы. Потому что такой подчинил его себе, пленил. Равным образом и Петр не боролся с дьяволом; но его дела были таковы, что превышали борьбу. Из числа верующих, слушающих, оглашенных многие преизбытком одерживали победу над ним (дьяволом). Потому и блаженный Павел сказал: «ибо нам не безызвестны его умыслы» (2Кор. 2:11), – вследствие чего в особенности и брал над ними верх. И в другом месте, послушай, что он говорит: «И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2Кор. 11:14). Так он вполне знал борьбу, и ничто не укрывалось от него. И: "Ибо тайна, – говорит, – беззакония уже в действии» (2Сол. 2:7). Но в отношении к нам дело требует борьбы. Затем, слушай, что говорит он в другом месте: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38–39). Не сказал просто: от Христа, но: «от любви ...Христовой». Многие ведь, хотя присоединены к Христу, но не любят Его. Не только, как бы так говорит (Павел), не убедишь меня отречься Его, но и не уменьшишь во мне любви к Нему. Если и вышние силы не могли бы этого сделать, то кто другой был бы в состоянии сделать это? Говорит же это не потому, будто бы в самом деле вышние силы решились на подобное, но по предположению. Потому и сказал: «Ибо я уверен» (πέπεισμαι). Итак, он не боролся (с дьяволом): несмотря на то, боится его лукавства. Выслушай собственные слова его: «Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своей прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, *уклонившись* от простоты во Христе» (2Кор. 11:3). Мало того, и о самом себе так выражается: «но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор. 9:27). Как же ты можешь быть уверен, что тебя никто не отлучит (от любви Божьей)?

5. Видишь ли, что (апостол) говорил так по смиренномудрию и скромности? Он обитал уже на небе, почему и сам он говорил: "Ибо *хотя* я ничего не знаю за собою» (1Кор. 4:4); и в другом месте: «течение совершил» (2Тим. 4:7). Итак, дьявол не ему собственно полагал претыкание, а его ученикам. Почему же так? Потому, что они руководствовались не его наставлениями только, но вместе и собственным намерением. В этом отношении (дьявол) одерживал верх: но и здесь он одерживал верх собственно не над ним, а над беспечностью невнимательных (людей). Когда они не исполняли приказаний (апостола), по лености или по чему другому, то он (дьявол) одерживал над ними победу. Если же апостол со своей стороны все делал, но те не слушались, то, значит, (дьявол) побеждал не его, но их непослушание. Так болезнь имеет силу не над врачом, а над невоздержностью больного. Когда тот, со своей стороны, представляет все нужное для излечения, а этот все расстраивает, то последний терпит поражение, а не первый. Итак, над Павлом (дьявол) не одержал ни малейшей победы. Впрочем, к нашему благу служит то, что нам предоставляется возможность борьбы. Что касается римлян, то им не этого желает, – а чего? «Сокрушит сатану под ногами вашими вскоре» (Рим. 16:20). Но этим (ефесянам) желает вот чего: «Который может все творить, Его просим и разумеем» (Еф. 3:20). Кто борется, тот еще встречает препятствия; зато как он счастлив, если не падет! Победа бывает блистательнее тогда, когда была борьба. Например: если тобой овладело какое-нибудь злое пожелание, то весьма славное дело ты сделаешь, если не поддашься, а погасишь его. Но хотя бы этого совершенно нельзя было сделать, все-таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падём во время этой борьбы, то мы будем победителями. Здесь не так, как у атлетов. Там до тех пор не сделаешься победителем, пока не повергнешь на землю другого; а здесь только сам не будь повергнут и ты победитель, ты уже одолел, если тебя не опрокинули. И это правильно! Там оба бьются о победу, и если один упадет, другой получает венец. Здесь же не так: здесь дьявол старается поразить нас. Итак, если я лишу его того, о чем он заботится, то я победил.

Он усиливается не низринуть только, но низринуть вместе с собою; стало быть, он уже побежден, так как он уже свергнут и находится в состоянии гибели; он заботится о победе не с тем, чтобы потом получить венец, но с той целью, чтобы погубить меня. Итак, я победитель в том случае, когда не буду опрокинут (дьяволом), хотя бы сам я не опрокинул его. В чем же состоит блистательная победа? В том, чтобы с крайним презрением попираť его, как поступал Павел, считая за ничто блага настоящей жизни. Будем и мы подражать (апостолу), постараемся возвыситься над земными благами, не будем ни с какой стороны доставлять ему (врагу своему) случаев к торжеству над нами.

Богатство дает ему к этому случай, а также – деньги, почести. Все это нередко восстанавливало его и делало свирепым. Но что за надобность в борьбе? Какая нужда в сражении? Сражающийся не знает, когда конец сражения, и может думать еще – не быть бы самому побежденным и раненым. А кто уже попирает врага своего, тот очевидно одержал победу. Итак, будем попираť силу дьявола, будем попираť грехи, все житейское, как-то: гнев, похоть, высокомерие и все страсти, чтобы, по отшествии нашем туда, не оказалось, что мы отказались от власти, какую получили от Бога. За это удостоимся наследовать и будущие блага. Если же в этом окажемся худыми, то кто доверит нам большее? Если того, кто оскорбил (Бога), кто сам обесчещен, презрен, повержен к ногам, мы не сможем попраť, то как Отец даст нам Свое достояние? Если не победим столько униженного, то как будем иметь дерзновение войти в дом отчий? Скажи мне: если бы ты имел какого-нибудь сына, и он, оставивши честных слуг своих, вошел в сношение с теми, которые за оскорбление тебя изгнаны из дома и делают против тебя разные ухищрения, и если бы он до конца упорствовал в таком поведении, – не был ли бы он лишен за это наследства? Очевидно, что так. Подобно тому и мы, если, оставивши послушных (Богу) ангелов, которые начальствуют над нами, станем жить согласно с желаниями дьявола, то совершенно будем лишены наследства. Но да не постигнет это никого из нас; лучше же, решившись воевать

против него и победивши его, при помощи Божьей, да сделаемся наследниками царства небесного. Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто злобу, пусть он соберет и изольет всю эту ярость и гнев на главу дьявола. В этом случае гнев будет делом добрым, негодование – полезно, злопамятство – похвально. Как в сношениях с посторонними злопамятство составляет зло, так здесь оно есть благо. Итак, если у тебя есть недостатки, – исправь их здесь; если же не можешь сам этого сделать, то делай с сочленами твоими. Тебя ударил кто-нибудь, – имей зло против дьявола и никогда не прекращай вражды с ним. Если и не ударил, – и в таком случае злобствуй против дьявола за то, что он восстал против твоего Владыки, оскорбил Его, а также за то, что вредит братьям твоим и воюет на них. Всегда будь врагом, всегда гневным, всегда непримиримым с ним. От этого он сделается смиренным, неопасным, таким, что его можно будет одолеть. Если мы сильно разъяримся против него, он не будет нам страшен. А когда станем благосклонны, тогда он сделается жестоким, – не так (мы должны обращаться с ним), как с нашими братьями. Он враг и гонитель жизни и спасения нашего и своего собственного. Коли он не любит самого себя, то как может любить нас? Итак, ополчимся и повергнем его, имея союзником великого Господа Иисуса Христа, Который возможет сделать и нас неуловимыми для его сетей и удостоить вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

## Беседа 23

Еф.6:14. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности.

Еретические учения о материи. – Собирающий сокровища на земле приготавливает пищу вечному червю.

1. Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух (а нужно было и то и другое, т. е. – не только воины, но и воинственный дух в них) и, ободрив его (а это также было нужно), наконец (Павел) и вооружает это войско. Ведь никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их изнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым свойственно вооружаться не с внешней стороны, но всецело с внутренней. И (апостол) пробудил и воспламенил храбрость, придал смелости, поставил их в добром порядке, – и затем вооружает их. Но смотри, как облакает их в самое оружие. «Итак станьте», – говорит он. Первое дело строевых – уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Потому (и апостол) нередко беседует о том, что должно стоять. Так, и в другом месте он говорит: «Бодрствуйте, стойте» (1Кор. 16:13); и опять: «стойте так в Господе» (Фил. 4:1); или еще: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1Кор. 10:12); а также: «чтобы вы могли перенести все» (1Кор. 10:13). И заметь: не о простом каком-нибудь стоянии он говорит, но о стоянии стройном. Опытные в воинских делах понимают, что значит умение стоять. Если кулачникам и борцам учитель прежде всего другого преподает искусство стоять, то гораздо более нужно это в сражениях, вообще в воинских делах. Кто прямо стоит, тот стоит, не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна строгая прямота. Итак, действительно прямые стоят. А кто не стоит, те не сохраняют прямого положения, развлекаются и предаются рассеянности. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом, а в

наклонном положении, равным образом и человек сладострастный, и сребролюбец. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким.

«Итак, станьте, – говорит, – препоясав чресла ваши истиною». Не о чувственном препоясании говорит (апостол); в этом месте он выражается иносказательно. И заметь, как он поступает: сначала облекает воина поясом. Что это значит? Человека рассеянного и преданного пожеланиям, у которого помыслы устремлены долу, он обуздывает посредством опоясания, не допуская его таким образом терпеть препятствие от одежд, покрывающих его голени, и давая ногам его полную свободу бежать. «Итак станьте, – говорит, – препоясав чресла ваши». Говорит здесь о чреслах, потому что как для кораблей киль, так для нас чресла: они – опора всего тела. По словам врачей, они составляют основание, и на этом-то основании строится все (тело). Когда же он опоясывает чресла, то тем самым укрепляет нашу душу, – потому что он понимает не телесные чресла, но чресла в смысле духовном. И как (телесные) чресла служат основанием для нижних и верхних частей тела, так точно и духовные чресла. Часто больные, опуская на них, как на какую подпору, свои руки, тем самым подкрепляют себя. Равно и пояс для того и употребляется на войне, чтобы сберечь и охранить наше основание. Чтобы нам было удобнее бежать, мы опоясываем себя: это обеспечивает нашу силу. Пусть то же, говорит (апостол), наблюдается и в отношении к душе, и тогда во всех делах своих мы будем иметь более силы. Особенно это прилично воинам. Да, скажут, но телесные чресла мы опоясываем кожаным поясом; а здесь чем опояшемся? Главой наших помыслов, т. е., истиной. "Препоясав, – говорит, – чресла ваши истиною». Итак, оставим всякую ложь, будем поступать во всем по истине, не будем обманывать друг друга. Славы ли станем искать, – славы истинной, жизни ли желать, – жизни истинной. Если мы оградим себя этим, если опояшемся истиной, то никто нас не одолеет. Кто ищет истины, тот не пристращается к земле, потому что все неистинное – от земли. Это видно из того, что все внешние

(язычники) служат страстям, следуя собственным мудрованиям. А потому, если мы будем трезвиться, то не будем нуждаться в учении, заключающемся в сочинениях эллинов. Видишь ли, как они были слабы и бессильны, как не могли принять ни одного здорового и превышающего ум человеческий понятия о Боге? Они не были препоясаны истиной. Потому-то и ослабили их чресла этот приемник родотворных семян, это укрепление помыслов. Нет ничего бессильнее их.

2. Не видишь ли, с другой стороны, как манихеи дерзко говорят обо всем по своим собственным мудрованиям? Невозможно было, говорят они, чтобы Бог без материи сотворил мир. Откуда это видно? Так говорят они, пресмыкаясь долу, – от земли заимствуя это и от того, что нам (людям) свойственно. Ведь человек, говорят они, не может иначе делать. Затем послушай, что еще говорит Маркион: Бог, воспринявши плоть, не мог остаться чистым. Из чего это видно? Из того, что не бывает этого у людей. Валентин, в свою очередь, имея обращенные к земле помыслы, тоже рассуждает по земному; подобным же образом учат и Павел самосатский и Арий. Что, например, говорит (последний)? Рождающийся Бог не мог родиться бесстрастно. Почему ты осмелился сказать это, Арий? Потому, что (о Боге стал рассуждать) по-человечески. Итак, замечаешь, что у всех помыслы обращены долу, что у всех они ослаблены и дышат землей? Таковы (еретики) в отношении к учению веры. Что же касается деятельности, то они любодее, сребролюбцы, они привязаны к земле, к славе и всему прочему. У них нет крепких чресл, – таких, чтобы, в случае болезни, можно было в них найти опору. Когда же они сделаются больными, они не кладут на них рук своих, и не стоят прямо, а ослабевают. Напротив, препоясанный истиной, во-первых, никогда не почувствует изнеможения; во-вторых, хотя бы он и утомился, все же получит подкрепление в той же истине. В самом деле, скажи мне, заставит ли страдать его бедность? Нисколько. Мысль об истинном богатстве успокоит его, а бедность напомнит ему об истинной нищете (духовной). Не покажется ли ему тяжким рабство? Ни мало, потому что он знает истинное рабство. Быть может, болезнь? И она – нет.

«Да будут чресла ваши, – говорит Христос, – препоясаны и светильники горящи» (Лк. 12:35), чтобы иметь вам свет неугасимый. Это заповедано было делать и при исходе из Египта, – препоясанные ели тогда пасху. Для чего, спрашивают, так было? Хотите знать основание этому из истории, или из соображений? Я скажу и то и другое, а вы запомните. Я не просто делаю это, чтобы только ответить на вопрос, но имея в виду, чтобы слова наши обратились у вас в дело. Были, повествуется, препоясаны, имея жезлы в руках своих и сапоги на ногах, и так ели пасху (Исх. 12:11). Страшное и ужасное таинство, и к тому же заключающее в себе много глубины. Если же в прообразе таинство так страшно, то тем более в самой истине. Выходят из Египта и едят пасху. Внимай: это образ странников. Иметь сапоги на ногах и жезлы в руках и есть стоя – не что другое значит, как именно это. Что вы хотите прежде выслушать – историю или соображения? Лучше историю. Итак, что говорит история? Иудеи были неблагодарны и постоянно забывали благодеяния Божьи. Потому, желая хоть насильно приводить им на память (благодеяния), (Бог) узаконивает такой способ вкушения пасхи. Для чего? Для того, чтобы каждый год, по необходимости, соблюдая это узаконение, также необходимо воспоминали изведшего их Бога. Не одним временем (пасхи) Бог хотел напоминать им Свои благодеяния, но и самым образом вкушения ее. Для того и едят они, опоясанные и обутые, чтобы, когда спросят их об этом, отвечали, что мы готовы были к путешествию и намеревались выйти из Египта в землю обетованную. Таково значение образа согласно истории; но вот истина: и мы также вкушаем пасху, т. е. Христа, «Пасха наша, – как сказано, – Христос, заклан за нас» (1Кор. 5:7). Стало быть, и мы вкушаем пасху, которая гораздо превосходнее пасхи законной. Поэтому и мы должны вкушать ее также обутые и препоясанные. Для чего? Для того, чтобы и нам быть готовыми к путешествию, к исходу отсюда. Никто из вкушающих эту пасху не должен помышлять о Египте, напротив должен стремиться к небу, к вышнему Иерусалиму. Для того ты и вкушаешь опоясанный и обутый, чтобы ты помнил, что, начиная вкушать пасху, ты обязываешься идти в дорогу, путешествовать.

Это обозначает две обязанности: во-первых, обязанность – оставить Египет и (на земле) жить так, как бы это была для нас чуждая страна, потому что сказано: «Наше же жительство – на небесах» (Фил. 3:20); во-вторых, обязанность – всегда, во всю жизнь быть готовыми к тому, чтобы, когда станут звать нас, немедленно сказать: «Готово сердце» наше (Пс. 107:2). Впрочем, так мог говорить Павел, которого совесть ничем не была запятнана. Что же касается до меня, то я не могу сказать так, потому что мне много нужно времени для покаяния. А что быть препоясанным значит – иметь бодрствующую душу, об этом послушай, как говорит Бог одному праведнику: «Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне» (Иов. 38:3). То же говорит Он ко всем святым, то же и к Моисею. Даже сам является препоясанным у Иезекииля. Ангелы также являются нам опоясанными, как бы они были настоящие воины. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Но, с другой стороны, опоясать себя можно не иначе, как стоя.

Препояшем же и мы себя. И нам также предстоит выйти, и много потом придется нам испытать трудностей. Когда мы проходим через эту область, тотчас является дьявол, начинает хитрить, употреблять все меры к тому, чтобы людей, которые избавились от Египта, перешли Чермное море, освободились от демонов и неисчислимых бед, – взять и погубить. Но, если будем бодрствовать, то и у нас будет столп огненный, – благодать Духа, Который освещает нас и осеняет, – будет манна, или лучше сказать, не манна, а то, что превосходнее манны, – будет духовное питание, а не вода, истекающая из камня, будет и стан для нас живущих и теперь в пустыне. Да! Земля, в настоящее время – совершенная пустыня, по недостатку добродетели, даже более пустыня, чем та. По какой причине бегали той пустыни? Не по той ли, что она имела и до сих пор имеет скорпионов? По ней, говорят, не проходил человек. При всем том пустыня та все же не так была бесплодна, как человеческая природа.

3. Ныне в этой пустыне сколько скорпионов, сколько змей, сколько порождений эхиднинных, – о чем мы уже говорили!

Впрочем, это не должно устрашать нас. Нашим исходом (из Египта) предводительствует не Моисей, а Иисус. Но, опять, под каким условием мы этого избегнем? Под тем, чтоб мы не делали того же, – тогда и не подвергнемся той же участи. Те роптали, были неблагодарны. Поэтому нам этого позволять себе не следует. За что те все пали? За то, что вознерадели о земле, которой так сильно желали. Отчего вознерадели? Ведь они пред ней благоговели? Оттого, что вышли изнеженными и не хотели ради нее переносить неудобств (странствования). Поэтому не будем пренебрегать небом: это и есть пренебрежение. С неба нам принесен плод – не такой плод, как виноградная кисть, которую носят в корзинах, но – обручение Духа, правило небесной жизни, которому учили Павел и весь лик апостольский, эти чудные земледельцы. Не Халев, сын Иефони, и не Иисус, сын Навина, принес эти плоды; но Иисус, Сын Отца щедрот, Сын истинного Бога, принес с Собой всякое благополучие и ниспослал нам свыше все плоды, – разумею небесные песни. То самое, что херувимы вещают горе, – и нам заповедано говорить: «Свят, свят, свят». Он принес нам житие ангельское. Ангелы ни женятся, ни посягают: то же благо насаждено и здесь. Ангелы не любят денег и ничего подобного: и это посеяно у нас. Ангелы не умирают: и оно нам даровано; смерть ныне перестала быть смертью, по сделалась сном. Послушай, что говорит (Господь): «Лазарь, друг наш, уснул» (Иоан. 11:11). Видишь ли плоды горнего Иерусалима? И что особенно удивительно – даровал нам (Господь) все это до обетования, прежде окончания войны. Израильтянам, по вступлении в обетованную землю, предстояли воинские труды, хотя, впрочем, они могли бы и не трудиться; им стоило только повиноваться Богу, – и они без орудия и полков взяли бы все города; например, Иерихон они завоевали, имея вид более праздничный, нежели воинский. А когда мы вступим в землю обетования, т. е. на небо, то нам не нужно будет вести войны. Она продолжается только до тех пор, пока находимся в пустыне, т. е. в настоящей жизни. «Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих» (Евр. 4:10). «Делая добро, да не унываем» (Гал. 6:9). И мы пожнем в

свое время, если не ослабнем. Видишь ли, что каким путем вел Господь их (израильтян), тем же ведет и нас? О манне в пустыне сказано: «и у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка» (Исх. 16:18). А нам заповедано – не собирать сокровищ на земле.

Если же собираем, то уже не чувственный червь будет истреблять их, как это было с манной, а совечный огню. Итак, употребим все меры к тому, чтобы не приготовить пищи червям. «И у того, кто собрал много, не было лишнего», – сказано. Это явление может повторяться и между нами каждый день. Все мы, конечно, обязаны наблюдать одну, определенную меру, при насыщении желудка, а излишнее будет только прибавлением безумных хлопот. Это именно (и Господь) хотел внушить словами: «довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34). Тому же учил Он выше. И, однако ж, Его правило не усвоено (людьми). Но мы не будем ненасытны, неблагодарны, не станем сооружать великолепных домов. У нас нет здесь постоянного жилища, мы находимся в пути. И кто помнит, что настоящая жизнь есть как бы странствование и воинская служба, что это – как некоторые выражаются – яма, тот не станет наживать себе великолепных палат. Да и в самом деле, кто, скажи мне, решится строить блестящие дома в яме, хотя бы он был страшный богач? Никто. Это было бы смешно, значило бы строить для врагов и тем больше привлекать их к себе. Если у нас есть рассудок, то и нам нужно поступать таким образом. Настоящая жизнь ничем не отлична от воинской службы и похожа на яму. Итак, умоляю вас, употребим все меры к тому, чтобы не собирать здесь сокровищ. Тогда, если и вор придет, нам легче будет уйти. «Итак, бодрствуйте, – говорит (Господь), – потому что не знаете, в который час ...тать придет" (Мф. 24:42–43), – татем Он называет смерть. Поэтому лучше до ее прихода отправить нам все (свои пожитки) в наше отечество. Здесь же будем ходить хорошо препоясанные, чтоб одолеть врагов и за это сподобиться в тот день венцов нетленной славы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом (слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

## Беседа 24

Еф.6:14–17. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности,  
и обув ноги в готовность благовествовать мир;  
а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого;  
и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.

В чем состоит оружие христианина и с кем он должен бороться. – Об Анне, матери Самуила.

1. "Препоясав, – говорит (Павел), – чресла ваши истиною». Какое значение этих слов, об этом сказано в предыдущей беседе. Именно: мы должны сделаться столь легкими, чтобы ничто не мешало нашему странствованию. «Облекшись в броню праведности». Как броня хранит от ранений, так и правда (спасает нас). Правдой же называет здесь всю вообще добродетельную жизнь. Конечно, многие наносят ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не может, даже сам дьявол. Как бы так было сказано: внедривши в свою грудь праведные дела. О таких людях и Христос говорит: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф.5:6). Кто оградил свое сердце правдой, тот так же крепок, как и броня; такой человек никогда не увлечется гневом. «И обув ноги в готовность благовествовать мир». Выражение, не совсем понятное. Что оно значит? Приготовлением благовествования он обувает нас как бы в прекрасные сандалии. Разумеет же здесь или готовность к благовестию, так что этому делу должны служить ноги, равно как предустроение и ограждение евангельского пути, или, если это объяснение неверно, то он хочет сказать, чтобы они (ефесяне) готовились к исходу.

Как бы то ни было, но под «готовностью благовествовать» разумеется не что иное, как самый лучший образ жизни. Об этом еще пророк сказал: "готовности<sup>4</sup> сердца их вняло ухо твое" (Пс. 9:38), т. е. сердца, которое было хорошо настроено. «благовествовать мир», – сказано. И правильно. Выше он

упомянул о войне и сражениях, а теперь указывает на то, с кем должно вести сражения, именно – с демонами. Поэтому-то благовествование и делается благовествованием мира. Война с дьяволом прекращает другую войну – против Бога. Враждуем с дьяволом: это значит – находимся в мире с Богом. Потому, возлюбленный, не опасайся (этой войны); благовествование мира уже показывает победу. «А паче всего возьмите щит веры». Говорит здесь о вере, а не о знании. Да, если б и не упомянул о вере, все-таки не преминул бы сказать о благодати, силою которой совершаются знамения. И справедливо называет веру щитом. Подобно тому, как щит заслоняет собой все тело, делаясь как бы стеной, – так точно и вера, потому что все ей уступает. «Которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого». Ничто не в силах рассечь этого щита. Послушай, что говорит Христос своим ученикам: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет» (Мф. 17:20). Но каким образом мы можем приобрести такую веру? Если будем выполнять это (угашать разожженные стрелы лукавого). Стрелами же лукавого он называет как искушения, так и непристойные пожелания. Кстати прибавил он еще: "разожженные". Таково именно свойство страстей; но если вера повелевает и демонами, то тем легче ей управиться с душевными страстями. «И шлем спасения возьмите». Т. е. вашего спасения. Предохраняет их, как бы ведя на войну. «И меч духовный, который есть Слово Божие». Или он говорит здесь о Духе, или же понимает меч, понимаемый в духовном смысле, – меч, которым, действительно, все посекается, все раздробляется, – которым можем отсечь даже голову дракона.

"Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно» (Еф. 6–20). Имеющий духовное дарование, т. е. глагол Божий, так же силен, как самый этот глагол, о котором сказано: «Ибо слово Божие

живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого» (Евр. 4:12). Но заметь мудрость блаженного (Павла). Он вооружал их (ефесян) со всякой предосторожностью; в заключение же всего, научает, как нужно обращаться к Царю и просить, чтобы Он простер им руку (помощи), – говоря: "Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом». Можно молиться и не духом, например, когда кто молится о суетном. «И старайтесь о сем самом». Иначе: трезвясь. Именно таким, т. е. неусыпным и трезвенным должно быть тому, кто вооружен и стоит при Царе. «Со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими». Что говоришь ты, блаженный Павел? Ужели ты имеешь нужду в учениках? И хорошо сказано: «устами моими открыто». Без всякого сомнения, он не учился долго тому, что ему говорить; но как сказал Христос: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф.10:19), – так он и совершал все, по вере и при содействии благодати. «С дерзновением возвещать тайну благовествования», т. е. чтобы, как следует, защитить мне ее. Ты окован узами: не потому ли и нуждаешься в других? Да, – отвечает он. Но и когда Петр заключен был в оковы, о нем также была и при том непрерывная молитва. «Для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно» (Еф.6:20). Другими словами: чтобы я мог отвечать смело, мужественно и с большим благоразумием. «А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель» (Еф.6:21).

2. (Апостол сам только) упомянул о том, что он – в узах; в подробности же рассказать о своем положении поручает Тихику. Он изъяснил в своем послании все, что относится к догматам и утешению, что же касается собственно известий – это предоставил тому, кто доставит послание. Потому и прибавил: «дабы и вы знали», т. е. чтоб осведомились вы, "обо мне». А через это и показал к ним свою любовь и дал случай обнаружиться их любви к нему. «которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца

ваши» (Еф.6:22). И это не просто говорит, не сказавши наперед: «облекшись», и: «препоясав», – что именно служит знаком всегдашней и непрерывной готовности к выходу (на бой). Послушай, что говорит пророк: «да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым всегда опоясывается» (Пс.108:19). Пророк говорит, что сам Бог облакался в броню правды, и тем дает понять, что нам уже не на короткое время, а навсегда должно облечь себя в нее, так как и потребность войны у нас всегдашняя. И другой в ином месте говорит: «праведник смел, как лев» (Притч.28:1). Кто облечен в такую броню, тому нечего бояться вражеских полчищ. Напротив, он смело может идти в самую средину неприятелей. А Исайя говорит: «Как прекрасны ...ноги благовестника» (Ис.52:7). Кто же после этого не решится, кто не поспешит послужить такому делу, каково благовестие мира, при том мира Божьего с людьми, – мира, который дарован нам без всяких усилий со стороны человека, а по милости содежавшего Бога? Чтобы понять, какое значение имеют слова: «в готовность благовествовать», послушаем еще слов Иоанна: «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф.3:3). Правда, он говорил это (приготавливая людей) к крещению; но ведь и после крещения требуется другое приготовление. На последнее указывает (Павел), когда говорит: «в готовность благовествовать мир», и тем внушает, что нам вовсе не следует делать ничего такого, что не согласно с условиями мира. Так как именем ног нередко обозначается образ жизни, то (Павел), часто говоря о жизни и делая увещание, употребляет выражения, в роде следующего: «Итак, смотрите, поступайте осторожно» (Еф.5:15).

Итак, будем вести себя достойно Евангелия, будем поступать так, чтобы жизнь и дела наши были чисты в течение всего нашего земного поприща. В Евангелии возведен мир: идите же путем, устроенным по этому благовестию. Если же вы опять сделаетесь врагами, в таком случае не будет «в готовность благовествовать мир». Будьте же готовы и не отступайте от мира. И какую готовность вы показали относительно мира и веры, с такой же и пребывайте в них. Вера

есть щит, а щит первый принимает вражеские удары, и сохраняет в целости оружие. Значит, если будет вера правая и жизнь добродетельная, то оружие останется неприкосновенным. О вере, равно как и о надежде, много рассуждает (Павел) и в других местах, особенно в послании к Евреям. Веруйте, говорит он там, в грядущие блага, и ни одного из благ настоящей жизни вы не потеряете. И действительно: руководись в несчастьях и трудных обстоятельствах верой и надеждой, и ты удержишь за собой (означенные блага) целыми, неприкосновенными. «Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» (Евр.11:6). Вера есть щит, покрывающий тех, которые веруют не испытывая. Когда же кто станет вдаваться в мудрования, начнешь обо всем умствовать и судить по-своему, для такого вера не составляет собой щита. Напротив, тогда мы об нее только претыкаемся. Вера все укрывает и осеняет: таково должно быть ее свойство. А потому нельзя ее укоротить; в противном случае ноги или другая какая-нибудь часть тела останутся открытыми. Нет; щит должен быть соразмерной величины. Разожженные. Много помыслов, волнующих душу, много сомнений и неразрешимых вопросов; но истинная вера на все дает успокоительный ответ. Много внушений, которыми дьявол, воспаляя нашу душу, повергнет ее в разного рода недоумения. Например, некоторые говорят: есть ли воскресение? Есть ли суд? Есть ли воздаяние? Имей только щит веры, и ты угасишь им стрелы дьявола. Возникло ли в тебе какое-нибудь неистовое желание, запылали ли внутри тебя огнем лукавые помыслы, покажи ему веру в грядущие блага, и он более не явится, мало того – погибнет. «Все ...стрелы», а не так, чтобы одни – угасить, а другие – нет. Послушай, что говорит Павел: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (Рим. 8:18).

Видишь ли, сколько стрел угасили некогда праведники? Или ты думаешь, что это не разожженная стрела, когда патриарх, сгорая внутренним огнем, приносит в жертву сына? И другие праведники тоже могли угасить все стрелы (лукавого). Воют ли в нас помыслы, – двинем вперед веру. Обуревают ли нас

неистовые пожелания, – призовем на помощь веру; находимся ли мы в трудных обстоятельствах и несчастии, – будем искать утешения в вере. Вера есть то, чем оберегается всякое оружие; если ее нет, то и оружие тотчас сокрушится. «А паче всего, – сказано, – возьмите щит веры». Что значит – «а паче всего»? И над истиной, и над правдой, и «в готовность благовествовать». Иначе сказать, все это нуждается в вере. Поэтому он прибавил: «и шлем спасения возьмите», т. е. вы не иначе можете достигнуть окончательной безопасности и избежать всякой беды, как посредством веры. Как шлем охраняет голову от всякой опасности, потому что укрывает ее тщательно со всех сторон, так и вера, кроме того, что служит вместо щита, заменяет еще собой шлем спасения. А когда стрелы (лукавого) будут угашены, то сейчас же мы получим помыслы, которые станут охранять владычествующее в нас начало (ум) и не допустят, чтоб оно пострадало в чем-либо. В самом деле, когда угасают противные помыслы, то взамен их возникают в нас другие, которые, не так, как те, охраняют нас и внушают надежду. И как шлем голову, так они будут укрывать владычествующее в нас начало.

3. И не это только (щит и шлем) нам нужно взять, но также и меч Духа, чтобы не только обезопасить себя от (стрел), бросаемых в нас дьяволом, но поразить и его самого. Действительно, владея этим мечом, душа, будучи при этом еще ограждена от разожженных стрел, может с полной смелостью стать против врага; она в силах будет этим мечом сокрушить броню неприятеля, убить дракона и отсечь ему голову. И сам Павел тем же (мечем) разрушил и пленил умыслы дьявола. «Который есть Слово Божие». Глаголом Божьим он называет здесь заповедь или учение, которое завещал Иисус Христос апостолам и которое они повсюду проповедовали, совершая во имя Его чудеса. Будем же и мы наблюдать одно – как бы сохранить во всем заповеди Божьи. Исполнение их поведет нас к тому, что таким образом мы низложим и умертвим дракона – этого хитрого змия. И заметь при этом благоразумие Павла. Выше он сказал: «возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого»; теперь же, чтобы не сделать их надменными,

указывает на то, что в этом деле они более всего имеют нужду в помощи Божьей. Что именно он говорит? "Всякой молитвой и прошением». Как бы так сказал: вы этого достигнете, и все можете совершить, если станете молиться; а того никогда не будет, чтобы ты, во время молитвы, имея в виду одного себя, таким образом, привлек к себе милость Божью.

"Всякой, – говорит, – молитвой и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением обо всех святых». Не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь, что говорит? Во всякое время приступай к молитве. Беспреданно, говорит, молитесь. Не слышал ли ты о вдове, как она победила (судью), благодаря своей настойчивости? Не слышал ли, как один друг в самую полночь крепко молил и умолил (своего друга)? Не слышал ли и о хананеянке, как она своей неотступной просьбой возбудила к себе участие Владыки? Эти люди достигли цели настойчивостью. «Молитесь во всякое время духом». Это значит, что мы должны просить себе отнюдь не мирских или житейских вещей, а того, что угодно Богу. Нужно молиться непрестанно, мало того – с бодростью духа: «и старайтесь о сем самом», – сказано. Что бы ни разумел здесь (Павел) – всенощные ли бдения или трезвость души, – я принимаю то и другое. Видишь ли, как бодрствовала хананеянка, когда, несмотря на невнимание Господа, Который не только отверг ее (сначала), но еще назвал псом, говорила: «так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф.15:27)? И не отступала от Него до тех пор, пока не получила просимого. Как поступила вдова, не перестававшая умолять судью, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, пока усовестила его? Как хлопотал друг, который, в глухую полночь, пришел (к своему другу) и настаивал, пока не разбудил его и своей неотступной просьбой не пристыдил? Таковы плоды бодрствования! Хочешь ли и ты приучить свою душу к бодрствованию? Ступай к Анне и слушай, что она говорит: «Господи [Всемогущий Боже] Саваоф!» (1Цар. 1:11). Особенно послушай, что происходило, прежде чем произнесены были эти слова. И встали, сказано, все из-за

трапезы, и она тотчас пошла, не ко сну и не на покой. Поэтому мне думается, что и за трапезой она ничего не вкушала и не обременяла себя какими-либо яствами. Иначе не пролила бы столько слез. Если мы и во время поста едва ли, или, лучше сказать, никогда не молимся так, как молилась Анна, то ей после трапезы вовсе не совершить бы подобной молитвы, если б она за трапезой не подражала обычаю постников. Устыдимся мы, мужчины, этой женщины! Она молилась о даровании ей сына и плакала, а мы просим о царстве (небесном), и делаем это с небрежностью. "И стала, – сказано, – пред Господом» (1Цар. 1:9). Что же говорит она? «Господи [Всемогущий Боже] Саваоф!» – слова, которые в объяснении значат: «Господи, Боже сил». Но слезы лились, прежде чем она могла что-нибудь выговорить. Ими она и надеялась преклонить к себе милость Божью. Где слезы, там полное сокрушение; а где сокрушение, там много любомудрия и осмотрительности. «Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей ...и дашь мне сына, то я отдам его [в дар] Господу на все» время (1Цар. 1:11). Не сказала: на один год или на два, как делаем мы, и не говорила так: «Если дашь мне ребенка, я дам денег», но: «Когда родится у меня первенец, сын молитвы, я всецело отдам его вместо дара». Это поистине была дочь Авраама. У того потребовал (Бог сына), и он отдал; эта же отдает еще прежде, чем исполнилась ее просьба. Затем смотри, какое благоговение и в том, что "уста ее, – как сказано, – только двигались, и не было слышно голоса ее» (1Цар. 1:13). С таким расположением приступает к Богу человек, искренно желающий получить просимое, у которого леность, невнимательность, рассеянность, пренебрежение, беспечность не имеют места. А без молитвы (скажет кто-нибудь) разве Бог не мог даровать (Анне сына)? Ужели в самом деле, Он не знал о желании этой женщины еще прежде, чем она стала молиться? Но если б Он даровал (ей сына) без прошения, то не открылось бы усердие жены, не сделалась бы явно добродетель ее, и она нее получила бы такой награды. Таким образом, не зависть или ненависть была причиной долгого неплодия, а (Божественная) благопопечительность.

4. Итак, когда услышишь слова Писания, что (Бог) заключил ее утробу, и что она терпела досаду от своей соперницы, то знай, что этим (Бог) хотел показать любомудрие жены. Смотри в самом деле: (у Анны) был муж, совершенно ей покорный, говоривший ей: «не лучше ли я для тебя десяти сыновей?» (1Цар. 1:8)? Между тем ее соперница выводила ее из терпения своими упреками и нападками. И, однако ж, (Анна) не грозила ей, не ругалась с нею, не говорила (мужу): «так как моя соперница обижает меня, то взыщи с нее за это». У той были дети. Но ведь и эта пользовалась любовью мужа. Потому-то он и утешал ее, говоря: «не лучше ли я для тебя десяти сыновей?» Но обратимся опять к любомудрию жены. «То Илий счел ее, – сказано, – пьяною» (1Цар. 1:13). Смотри же, что говорит она ему: «не считай рабы твоей негодной женщиной, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе» (1Цар. 1:16). Оставить гнев и не досадовать на людей, которые укоряют нас, не огорчаться, даже не оправдывать себя пред ними – так поступать может только человек с истинно сокрушенным сердцем. Ничто столько не располагает души к любомудрию, как сокрушение. Нет ничего сладостнее, как плач по Боге. «Ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе». Будем подражать ей все.

Внимайте неплодные! Внимайте нежно любящие детей своих! Внимайте мужа и жены! Ведь и мужа нередко помогали в этом случае. Послушай, что говорит Писание: «И молился Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому что она была неплодна» (Быт. 25:21). И в самом деле, вера может производить великие дела. «со всяким постоянством и молением обо всех святых», – себя ставить напоследок. Чего же ты хочешь, блаженный Павел, в заключение ставя себя самого? Вот чего, отвечает он: "и обо мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах». К кому ты посольствуешь? К людям, отвечает. Какое человеколюбие со стороны Бога! Он послал с небес посланников с вестью о Себе и о мире. А люди между тем взяли их и связали, не уважив даже всеобщего закона, по

которому посланник во всяком случае освобождается от какой бы то ни было неприятности. Но и в узах посольствую. Узы угрожают мне лишением свободы говорить; за то молитва ваша отверзает мои уста, «дабы открыто с дерзновением возвещать», т. е. чтобы сказать все, что я послан возвестить.

«А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель». Верен, значит – ни в чем не солжет, напротив, все расскажет по истине. «которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши». О, сколько тут любви! Чтобы не было, говорит, повода, кому только и чем вздумается, устрашать вас. По всей вероятности, они находились в каком-нибудь несчастье, так как и выражение: «чтобы он утешил сердца ваши» – значит: чтобы он (Тихик) не допустил вас до падения. «Мир братьям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа» (Еф.6:23). (Павел) желает им (ефесянам) мира и любви с верой. И не без цели так выразился. Он хочет, чтоб они не просто содержали слово любви, (но разумно), и не смешивались с иноверцами. Или это он имеет в виду, или то, что бы они содержали веру, чтобы ободряли себя надеждой на будущее. "Мир с Богом и любовь". Если есть мир, то будет и любовь. И наоборот, где любовь, там явится и мир. "с верою". Никакой нет пользы от любви без веры, или, лучше сказать, без веры любовь вовсе и существовать не может. «Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь» (Еф.6:24). Здесь он допустил разделение, мир поместив особо, и благодать тоже. Сказано: «неизменно... Аминь». Что значит: «неизменно»? Или: прилично, как следует, или же: с нетленными, т. е. такими, которые живут не для славы и богатства, а для благ нетленных. Ἐν (в) стоит вместо: διὰ (посредством). Итак – посредством нетления; все равно, как сказать: посредством добродетели, – потому что тлением называются все вообще грехи. Как о девах употребляем выражение: «такая-то подверглась растлению», так говорится и относительно души. Потому и Павел сказал: «так и ваши умы не

повредились» (2Кор. 11:3). И в другом месте говорит: «в учительстве ...неповрежденность» (Тит. 2:7).

5. В самом деле, скажи мне, в чем состоит тление тела? Не в том ли, когда все оно разлагается и состав его распадается на части? Так бывает и с душой, когда в ней воцарится грех. Целомудрие и правда – вот красота души, а мужество и благоразумие – это здоровье для нее. Итак, тому угрожает опасность, кто гнусен и безобразен, кто предан корыстолюбию и лукавству, кто обнаруживает малодушие, боязливость и слабость. Что грехи производят тление, – это видно прямо из того, что они делают людей срамными и слабосильными, и причиняют недуги. Когда говорим, что девство подверглось растлению, то имеем в виду не одно растление тела, но главным образом то, что подобное дело соединено бывает с нарушением закона. Самый поступок при этом состоит в совокуплении. Но если б совокупление называлось растлением, то и брак был бы тем же. Значит, не в совокуплении растление, а в грехе – в нарушении закона; он-то и делает первое постыдным.

Возьмем другой пример. Тление какого-нибудь дома, в чем другом состояло бы, как не в гниении (составляющих его частей)? Да и везде тление есть та или другая перемена, но перемена к худшему; везде оно разрушает прежнее состояние вещей и повергает их в иное. Слушай, что говорит Писание: «всякая плоть извратила путь свой» (Быт. 6:12); и в другом месте: «В тлении невыносимом»; еще: «люди, развращенные умом» (2Тим. 3:8). Тело у нас тленно, а душа нетленна. Как бы нам и ее не подвергнуть тлению? Первородный грех сделал это (возможным). Он даже после крещения может растлить душу и сделать ее добычей неумирающих червей. Но, с другой стороны, (черви) не могут и прикоснуться к душе, когда найдут ее нетленной. Адаманта, например, червь не грызет; да если б и стал грызть, ничего бы не сделал. Смотри же, не растлевай души твоей, – ведь что тлеет, то полно зловония. Послушай, что говорит пророк: «смердят, гноятся раны мои от безумия моего» (Пс. 37:6). Впрочем, самое тление облечется в нетление, а не нетление (в тление), – потому, что где нетление, там нет тления.

Таким образом, возможны тление нетленное, без конца, и смерть бессмертная. Это именно и будет, когда тела сделаются бессмертными. Потому, если отойдем туда с тлением в душе, то оно сделается для нас нетленным, и не будет иметь конца. Постоянно гореть и быть всегдашней пищей червей, это, конечно, есть тление нетленное. Подобное случилось с блаженным Иовом. Он истлевал, однако ж, не разрушался, – и так продолжалось много времени. Только и знал, что постоянно обливал: «Тело мое одето червями и пыльными струпами» (Иов. 7:5).

Нечто, похожее на это, испытывает душа в то время, когда обступят ее черви и станут пожирать, не два года, не три, десять или сто, даже не тысячи лет, а бесконечно, так как сказано: «где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:44). Устрашимся же, умоляю вас, убоимся этих слов, чтобы не испытать нам того на самом деле. Корыстолюбие есть тление – и такое тление, которое ужаснее всех видов тления: оно ведет к идолослужению. Бросим же это тление и изберем то, что нетленно. Нажил ли ты богатство на счет кого-нибудь? Нажитое потратится, а корыстолюбие останется при тебе. Опять, тление служит поводом к нетлению. Удовольствие проходит, грех же остается, – потому что он не тлеет. Крайняя беда, если еще в настоящей жизни не совлечемся всего этого, – и кто отойдет туда, обремененный тяжестью грехов, тот подвергнется великому несчастью. "В аду, – сказано, – кто исповедает Тебя?" (Пс. 6:6)<sup>5</sup>. Там место суда, – и каяться тогда уже будет не время. Как рыдал тогда богач? И все напрасно. Как оправдывали себя не питавшие Христа? Но и те пошли в огонь вечный. Как тогда говорили те, которые провели жизнь свою в беззаконии? «Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли?» (Мф. 7:22)? Но их даже не признал (Господь Своими). Правда, все это будет по смерти; но ведь тогда и помощь не в помощь, если не поможем себе в настоящее время. Убоимся же, чтоб и нам не сказать тогда этих слов: «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили?» (Мф. 25:37)? Станем теперь питать Его – и не один день, не два или три. Ведь

сказано: «Милость и истина да не оставляют тебя» (Притч. 3:3), а не говорится: «сделай (какое-либо добро) один раз или два». Девы имели елей, но его не достало. Поэтому нужно запастись большим количеством еля, и для этого надобно самим сделаться как бы плодоносными маслинами в доме Божьем. Подумаем, сколько каждый из нас имеет у себя греховной тяжести, и в соответствие с тем, сколько мы сделали грехов, столько же, а еще лучше – гораздо больше постараемся совершить подвигов человеколюбия. Тогда не только изгладятся грехи, но еще явятся праведные дела, которые послужат к нашему оправданию. В противном случае, если, наши добродетели не в состоянии будут с одной стороны заглаживать преступлений, а с другой – сделаться для нас оправданием за опущенное, то никто не исхитит нас от мучений, от которых и да избавимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу и Св. Духу (слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

## Примечания

- <sup>1</sup> - Перевод П.Юнгера – Редакция «Азбуки веры»
- <sup>2</sup> - Фессалинки в древности слыли за чародеек, как это можно видеть у Аристофана и его комментаторов, также у Свида и других. У латинских поэтов и писателей это было общим местом.
- <sup>3</sup> - Перевод П.Юнгера – Редакция «Азбуки веры»
- <sup>4</sup> - В переводе Юнгера – «преданности».
- <sup>5</sup> - Перевод П.Юнгера – Редакция «Азбуки веры»